

МИРВОРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

МИРВОРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ №1

© Издательский дом «МИРВОРИ»
ИЗРАИЛЬ, 2006

*У народов Кавказа
Есть мудрость своя,
В поговорках и сказках
Веками хранится.
И зерном золотым
В молодые поля,
В молодые сознания
С надеждой ложится.*

Яков ИЛЬЯГУЕВ

Уважаемые читатели!

Перед вами первый выпуск литературно-публицистического альманаха «Мирвори». Для меня это не первый опыт издания альманаха. Пять лет назад вышел в свет первый (он же и последний) выпуск альманаха «Астарайму». В жизни не всё зависит от нашего желания. Что-то не сложилось, не срослось, забуксовал, как всегда, финансовый вопрос, и дело застопорилось.

Но мне не хотелось расставаться с идеей издания альманаха. И вот мечта осуществилась. Редакционный совет надеется, что у нас хватит сил и средств дать жизнь и второму, и третьему, и ... выпускам «Мирвори», издавать его хотя бы раз в полгода, а, в идеале, сделать альманах ежеквартальным, т.е. выпускать его каждые 3 месяца.

Мы долго искали название для нового альманаха. Казалось бы, что может быть проще? Но на проверку вышло, что найти подходящее название не так-то просто. Слишком много требований мы к нему предъявляли. Это должно было быть слово или словосочетание обязательно на горско-еврейском языке (а как иначе?), которое красиво звучит, даже если его произносит не горский еврей. А, кроме того, в нём должен был быть заложен некий глубинный смысл, название должно было отражать саму суть данного альманаха.

Мы выбирали, спорили, советовались со знатоками языка, но ни на чём остановиться не могли. То, что нравилось одним, вызывало протест других. И, наконец, на нас снизошло озарение! Ну, конечно же, «Мирвори» - жемчуг! Во-первых, это очень красивое и поэтичное слово. А, во-вторых, люди, не утратившие в наш прагматичный век – век беготни, суеты и постоянных проблем, способность творить, чувствовать, переживать, выделяются в толпе, светятся как крохотные жемчужинки в недрах ракушки. Безусловно, таковыми жемчужинками и являются все авторы, произведения которых вы найдете на страницах этого альманаха.

Те читатели, которые помнят «Астарайму», могут подтвердить, что новый альманах и графически, и по содержанию очень отличается от предыдущего. Надеемся, что и судьба у него будет другой!

Также мы надеемся, что произведения, включённые в этот выпуск, найдут отклик в ваших сердцах.

В первом выпуске «Мирвори», как и во всех последующих, вы найдёте произведения не только уже известных авторов, но и совсем новых, публикующих свои работы впервые. Безусловно, не все произведения начинающих писателей и поэтов безупречны с точки зрения классических литературных канонов. Но все они без исключения пронизаны любовью и искренностью. Это и было главным критерием при подборе материалов для альманаха.

Вот, пожалуй, и всё, что я хотел сказать перед тем, как вы погрузитесь в чтение. Приятных вам минут в обществе «Мирвори».

Йонатан МИШНЕВ

*Любое человеческое творение,
будь то литература, музыка или
живопись, это всегда автопортрет.*

С. БАТЛЕР

ПРОЗА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АГАРОНОВА Галина

Родилась в городе Грозный. По профессии - инженер-технолог общественного питания. По призванию - поэт. Читателям знакома по публикациям в таких известных российских изданиях, как «Юность» и «Литературная газета». Печаталась в газете «Комсомольское племя» в городе Грозном. Многие ее стихотворения положены на музыку.

В Израиль Галина с семьей репатрировалась в 1991 году. Живет в Ашдоде. Ее стихи печатаются в газетах «Наша страна», «Вести», «Кавказская газета», в журнале «Портрет». Любители поэзии встречались с ней на творческих вечерах и на волнах радиостанции «РЭКА».

Галина автор 3 книг: «Ветер перемен», «Трепет сердца», «Безмятежная пристань». Подборки ее стихов постоянно появляются на страницах альманахов «Роза ветров» и «Хронометр».

В 1999 году была принята в Союз писателей Израиля.

Залина

*Звездно ликуя, смертельно скорбя,
Счастье познает душа, лишь любя.*

В. Гете

Настроение соответствовало погоде. Мрачное небо словно щупальцами сдавливало голову. В такие минуты я выходила из дому и гуляла по городу. Город Грозный утопал в малахитовой зелени гор и лесов. Легкий ветерок с реки успокаивал. Я тихо брела по аллее парка, погруженная в свои мысли. Неожиданно моё внимание привлекла сухонькая седая старушка со следами былой красоты на лице. Она сидела на скамейке, одетая во все черное. В ее глазах застыла глубокая скорбь. Не знаю почему, но мне захотелось поговорить с ней. Подошла и, присев рядом, осторожно спросила:

- Может, могу вам чем-то помочь?

За вопросом последовала небольшая пауза, а потом, как бы самой себе, с интонацией обреченности сказала:

- Чем уже можно помочь? Если б ты только знала, какой груз лежит у меня на душе. Мне необходимо выговориться, хоть немного снять с себя эту тяжесть... Б-г наказывает меня. Столько зла я причинила самым близким людям! Хотела счастья для дочери, а в итоге погубила её. И в этом только моя вина. Поверь, чем жить с такой болью, лучше умереть. Ведь я стала причиной несчастий, обрушившихся на мой дом...

И она начала свой рассказ.

События, о которых пойдет речь, происходили в одном из живописных районных центров Чечни.

Время подходило к обеду, когда Симон повёл коня на водопой. Подойдя к реке, он увидел у кромки воды одиноко стоящую девушку. Она с удивлением и испугом подняла на него свои бездонные глаза. Девушку звали Залиной, дом ее отца Леона соседствовал с домом Симона. Он

хорошо знал Залину, она была моложе Симона на несколько лет, и в детстве он даже рассказывал ей сказки. Но в тот момент юноша, словно впервые увидел её...

– Какая красавица... – подумал он про себя, а вслух сказал с восхищением:

– Залина, тебя не узнать, как ты выросла!

Не выдержав пристального взгляда, она смутилась и убежала. Ей уже давно нравился этот юноша, и она всё на свете бы отдала, лишь бы никогда не расставаться с ним. И он, как бы заново увидев эту прекрасно сложенную девушку, понял, что перед ним его судьба.

Слишком долго жила Залина под гнётом своей деспотичной матери, решившей, во что бы то ни стало выдать дочь за Данилу. Его родители, богатые землевладельцы, держали скот и могли дать хороший калым за девушку. Что касается их сына, который не знал ни в чем отказа, то Залина давно нравилась ему, и завоевать ее стало для него делом чести. Умная, с прекрасным характером девушка ни за что не хотела связывать свою жизнь с чуждым ей человеком, но перечить воле старших не могла. Как раз в тот день, когда у них с матерью в очередной раз состоялся серьезный разговор, она и встретила Симона. Чтобы немного успокоиться, Залина убежала к реке. Вот отчего столько боли и отчаяния он увидел тогда в ее глазах.

– Совсем другим я представляла своего жениха, неужели он может быть таким противным? – думала девушка, вспоминая лицо Данилы. – Лучше умереть, чем стать его женой. Зачем мама так поступает со мной?

А мать, не обращая внимания на дочь, твердила лишь одно:

– Будешь купаться в роскоши, ни в чем не испытывая нужды, я знаю, что тебе надо для счастья, еще спасибо скажешь.

В такие минуты Залина ее ненавидела и готова была бежать, куда глаза глядят. Тогда она поклялась себе: если у нее будут дети, она никогда не станет перечить им в выборе жизненного пути.

Ее отец Леон занимался коммерцией, имел несколько магазинов. И любой в округе жаждал породниться с ним. Леон с женой, дочерьми и гувернанткой жил в большом особняке. Девочки получили неплохое образование, их даже учили музыке.

На редкость изящная, со светлым цветом кожи, контрастировавшим с невероятной глубиной жгуче-черных глаз и копной смолых волос, такой была Залина в пору своего расцвета.

Много приданого принесла Залина в дом мужа, но алчности Данилы не было предела. Нелегко ей жилось в новой семье. Редкий человек мог остаться равнодушным, глядя на эту молодую женщину. Не раз, слыша комплименты в ее адрес, муж впадал в бешенство, с каждым днем он становился все более жестоким, а порой и агрессивным. На молодой жене Данил и вымещал все свое зло.

У нее не было ничего общего с мужем. Будучи порядочным человеком, она понимала, что не имеет права отказываться от исполнения супружеского долга, но это невероятно опустошало ее, лишало полноценного ощущения жизни. Муж,

видя ее холодность, нутром чувствуя отвращение, которое жена испытывает к нему, все более ожесточался. Она стала бояться ночи, потому что ночью муж опять начнет приставать к ней с ласками, от которых ее выворачивало наизнанку. Она понимала, что нужно что-то предпринять, но что – не знала. Вернуться к родителям не могла, там ее не поймут, уйти в никуда не позволяло воспитание, вот и приходилось терпеть. Порой ей казалось, что все случившееся – всего лишь жуткий сон и, проснувшись, она окажется счастливой и беззаботной, как в юности. Но фантазии испарялись, стоило ей увидеть перекошенные злобой лица мужа и свекрови. Недовольный всем Данил не раз пускал в ход кулаки, пытаясь доказать свое неотъемлемое право на красавицу-жену. Много усилий прилагала молодая женщина, чтобы сохранить свой внутренний мир, защититься от деспотизма.

Не раз говорил ей отец:

– Храни свои печали при себе. Не домогайся ни симпатий, ни лести. Помни, в каждом желании заключается сила, пользуйся этой силой для себя. Любое желание действует, как электрический ток, и подлежит законам притяжения и отталкивания. Стоит научиться смотреть на желания не как на препятствие, а как на средство к достижению цели, тогда успех обеспечен.

Дочь не забыла наставления отца, и они частенько выручали ее, когда казалось, что еще один день, проведенный с супругом, окончательно ее убьет.

Почувствовав собственное бессилие, Данил стал искать поддержку у родителей. Молчание жены убивало его. А та все больше стала уединяться, уходя к реке, где когда-то встречалась с Симоном.

Прошёл год. Она так и не привыкла к своему новому дому. Там всё оставалось чужим. Иметь ребенка от нелюбимого не хотелось, да и Бог, видно, не желал этого. Однажды, когда она в очередной раз оказалась у реки, погрузившись в свои нелегкие мысли, совершенно неожиданно рядом с ней оказался Симон.

– Что же ты наделала с нашей жизнью, – произнес он, притягивая её к себе и жадно целуя. Время остановилось для них. Они не заметили, как наступил вечер...

– Уходи от него, ни с кем не хочу тебя делить, ты должна быть только моей.

– А я и так всегда была твоей и твоей останусь. В моём сердце нет места другим. Но сейчас я должна уйти. Прости...

Та единственная ночь их любви не прошла бесследно – вскоре Залина поняла, что беременна. Жизнь в доме еще более опостылевшего мужа стала просто невыносимой. Но теперь она с какой-то удивительной стойкостью сносила оскорбления и побои. Сейчас ей казалось, что она не одна, ребенок, которого она в себе носила, был от любимого, и сознание этого давало ей силы. «Наконец-то Бог услышал мои молитвы, – думала она про себя, – я стану матерью. Всю свою любовь я отдам малышу». И слезы радости катились по ее лицу.

Она понимала, что бросила вызов своему окружению, но ни о чем не жалела, потому что ненавидела косность и ложь.

Беременность далась ей нелегко, измучил токсикоз, а позже возникла угроза

выкидыша. Ко всем прочим тревожным явлениям обострилось давнишнее заболевание печени, а в семь месяцев у Залины открылось сильное кровотечение. Чтобы сохранить ребенка, ее направили в больницу. Собравшись на консилиум, врачи решили, что спасти женщину и малыша может только операция.

Женщина ни словом не возразила, потому что давно для себя решила родить ребенка. Чего бы это ей ни стоило. Значительная доза наркоза погрузила Залину в небытие. Ей казалось, будто она чувствует, как ее душа покидает измученное болью тело. А потом на какое-то мгновение она вдруг испытала невероятное блаженство и покой. Позже пришло осознание того, что она лежит на столе абсолютно голая, а вокруг столпились люди. Она сделала какое-то движение, чтобы прикрыть свою наготу, но тело не слушалось, а вместо слов вырывались хрипящие звуки. Когда действие наркоза прошло, ей показали мальчика, и она успокоилась. Боль отступала медленно, но ежедневные встречи с малышом дарили ей столько радости, что все пережитое казалось пустяком.

Подрастая, мальчуган все больше становился похожим на Симона, и мать в нем души не чаяла. Когда Лиору исполнилось три года, Данил по этому случаю подарил мальчику большой мяч и велосипед и устроил званый обед. Малыш был в центре внимания и оттого еще больше резвился. Из старших он выделял дедушку Леона, отца Залины, который его боготворил. При одном взгляде на подвизного, не по годам развитого внука он приходил в неописуемый восторг.

Леон был самоотверженным отцом и ради счастья своих дочерей готов был пожертвовать собой. Он любил каждую из своих трех девочек, но самые большие надежды возлагал на Залину, которая была привязана к нему, как никто другой. Вышло же все наоборот: ее сестры прекрасно устроились в жизни, а за нее, любимицу, саднило сердце.

– Доченька, береги сына, он самое дорогое, что у нас есть, – говорил Леон. – С годами ты стала еще прекрасней, все образуется, моя милая. Но если будет невмоготу, возвращайся домой. Там всегда есть место для тебя. Ни о чем не переживай и помни: отец не даст тебя в обиду.

Так и умер Леон, не дождавшись счастья Залины. Потеря отца стала еще одним тяжелейшим испытанием для нее, ведь он был для нее еще и самым верным другом, мать никогда ее не понимала.

Теперь она всю себя отдавала сынишке. Однажды, гуляя с сыном, она встретила Симона. Увидев малыша, он схватил его на руки, крепко-крепко прижал к себе и с жадностью стал целовать. От избытка чувств он смеялся и плакал, как ребенок, а потом сказал:

– Хорошо, родная, что ты привела нашего мальчика. Наконец-то я увидел своего сына. Он так похож на меня, это живое свидетельство нашей любви. Вы оба очень нужны мне. Я умоляю тебя, утверди моё отцовство.

– Как ты можешь просить меня об этом, ведь это станет моим страшным позором.

– Я не желаю, чтоб он прикасался к тебе, проси развода, – требовал Симон.

– Тогда он заберет нашего сына, ведь по закону я его жена, и мальчик принадлежит ему.

– Хочешь, я поговорю с ним? Я смогу убедить его, ложись на меня, – настаивал Симон.

– Нет, только не это. Я попытаюсь сама найти выход, – заверила его Залина.

Встреча с Симоном напомнила молодой женщине, что она оказалась в заколдованном круге, выхода из которого у нее нет. Думая о своей горькой судьбе, она на мгновение забыла о сынишке, который ехал рядом с ней на велосипеде. Она не заметила, как мальчик оказался на проезжей части, не заметила вынырнувшую на скорости машину, которая сбила ребенка. Она обезумела в первые мгновения после случившегося, села на землю, обняла окровавленное тело сына и никого не подпускала к нему. А потом, когда сознание вернулось к ней, откуда-то изнутри, из живота стал подступать страх. Это чувство росло, пока не добралось до самого сердца, и с невероятной силой сдавливало его. Страх поселился не только в сердце, он словно парализовал тело, которое внешне казалось исправно функционировавшим, а на самом деле это была только видимость, потому что Залина не воспринимала себя в отрыве от сына, они были с ним единым существом. А теперь, когда он мертв, и она мертва. Да и зачем ей жить? Какой смысл в ней? В памяти бесконечно вставали яркие картинки ее короткого материнского счастья. Вот она держит теплый комочек у своей груди, а потом качает его на руках. Вот малыш делает первые шаги, и мать не может им налюбоваться. Каштановые волосики колечками спадают на плечи, а в серых глазках горят озорные огоньки. Сколько радости испытала она, когда мальчуган произнес первое слово, совершил свою первую шалость. Ее надежда на счастье росла вместе с сыном. И вот его нет. И вместе с ним погибла ее надежда. Она кричит от боли, но крик ее растворяется в пустоте. Она молится. Но и молитвы напрасны. Ее все время преследуют видения – маленький сын зовет ее, протягивая к ней свои ручонки:

– Мама, где ты? Помоги мне, мне плохо, я хочу к тебе... Но видение мимолетно, оно исчезает, едва появившись. Залина теряет рассудок, она ходит по улицам с распущенными волосами, прижимая к груди куклу и укачивая, как младенца. Голос Лиора стоит у нее в ушах. А видения неотступны. Все махнули на нее рукой, даже Данил, которому она тоже стала неинтересна. Только Симон, как тень, следует за нею, стараясь вернуть ей память. И его любовь все-таки сотворила чудо – Залина постепенно стала приходить в себя. Вновь появилось желание жить, любить и быть любимой. Что ж, тем и сильна молодость, что она возрождает душу. Даже тогда, когда кажется, что утрачен последний шанс. Теперь ей ничто не помешает. У нее нет прошлого, впереди только будущее. И оно будет прекрасным.

– Теперь я ни за что не вернусь к Даниле, – решила женщина. – Он виновник всех моих бед. Я остаюсь с тобой, – сказала она Симону.

Как-то вечером, прогуливаясь с Симоном, Залина увидела направлявшегося в их сторону пьяного Данила. В его глазах она прочитала одну лишь ненависть – как она, мужняя жена, посмела вопреки традициям их народа уйти к другому.

– Оставь нас, – попросил Симон Данила. – Ты безразличен к ней, оставь нас в покое. Живи своей жизнью. А мы будем жить своей.

- Нет, ошибаешься, - сказал он, - моя жена никогда не будет твоей. И неожиданно достав из кармана пистолет, Данил выстрелил в Залину. Залившись кровью, она упала к ногам Симона. Залина смотрела широко раскрытыми глазами в небо. На мгновение ей показалось, что она видит своего маленького Лиора, тянувшего к ней ручонки. Женщина улыбнулась. Симон услышал её последние слова:

- Сыночек, мама тоскует. Ещё чуть-чуть, и мы увидимся. Жди меня, малыш, я иду к тебе.

Потом она замолчала, и Симон понял, что навсегда. Он еще старался вдохнуть в неё жизнь, приподнял её голову, и поцеловал в ещё тёплые губы... Но все было напрасно.

- Потерпи, родная, - умолял он, - я что-нибудь придумаю, только не умирай.

Его тело сотрясала нервная дрожь. Именно в эту минуту он понял, что с уходом Залины утратилась и его собственная жизнь, ибо ближе и роднее у него не было человека. Он прижал тело любимой к себе и завыв, как воеет раненый зверь, обезумевший от боли и бессильной ярости.

В последний путь Залину провожали все, кто знал и любил ее. Тяжелое это было зрелище, даже казалось, что сама природа не могла смириться с такой потерей.

- Даже не знаю, как пережила всё это, - продолжала свой рассказ старушка.

Я всегда думала, что главное в жизни – материальная обеспеченность. Моя девочка ни в чем не испытывала нужды, и мужа для нее мне хотелось побогаче. И нашла. Лишь идя за ее гробом, поняла, что сама вырыла для дочери могилу, заставив выйти за богатого, но нелюбимого. А она любила Симона, нищего Симона. Вот и убил её муж, не вытерпев позора. Таков закон гор.

Я потеряла дорогих мне людей, а сама живу. Вот приехала к старшей дочери погостить. Побуду с внуками и уеду домой, чтобы мои не скучали. Я ведь через день хожу на кладбище, навещаю их. Что мне ещё осталось в этой жизни?

Я смотрела на женщину и недоумевала. Ведь даже после смерти дочери она не оправдывала её. Закон для неё был важнее.

АСАИЛОВ Шарон

О себе

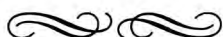
*Я о себе ничего не скажу -
Ни хорошего, и ни плохого...
И о других никогда не сужу,
Чтоб не судимым быть Богом...*

Здравствуйте, дорогие друзья!

Я - Аса (Асаилов) Шарон. Родился в г. Баку. Образование: экономика торговли и общественного питания, управление. В настоящее время работаю в сфере неформального и специального образования. В Израиле с 1991 года. Живу в г. Нетания. Женат, отец четверых сыновей.

Моя первая проба пера - абсолютная случайность. Произошло это около двух лет назад, на одном из форумов известного международного сайта бакинцев <http://baki.ru>. Это была стихотворная «перепалка» - игра, в которой надо было почти мгновенно ответить стихами на «выпад-стихи» соперника. Вот так я и обнаружил в себе скрытый «талант»...

С некоторыми моими «нетленками» вы можете ознакомиться на том же сайте в моём личном журнале (<http://titanic.users.baki.ru>), а так же в нескольких прошлых (надеюсь, что и будущих) номерах «Кавказской Газеты».

Солнце умалишённых

История первая.

Микки.

В этом году ему исполнилось двадцать восемь лет, четырнадцать из которых он живёт в интернате для умственно отсталых. Страдает синдромом Дауна. Все эти годы он просыпается на рассвете и... будит солнце. Просто выходит во двор, становится лицом к востоку, протягивает перед собой руки ладонями к небу и очень медленно поднимает их. И солнце отвечает ему взаимностью...

Случается, что Микки запаздывает с пробуждением, это означает, что день будет пасмурным и дождливым.

Шелли.

В интернат её привезли пожилые родители вместе со старшим сыном перед началом обеда. Из рассказа родителей выяснилось, что они очень долго противились этому, но аргументы старшего сына и трёх старших дочерей заставили их пойти на этот шаг.

«Отцу уже семьдесят. Да и мама немолодая. Что будет с Шелли, когда их не станет. Ведь ей скоро тридцать один исполнится, а она, кроме родственников, больше живых людей не видела, - оправдывался брат».

От обеда Шелли отказалась. Она стояла рядом с матерью, вцепившись той в запястье, и рыдала, дрожа всем телом: «Я покончу с собой, если вы меня оставите здесь, - твердила бедняжка». Спустя два часа родители уговорили Шелли съесть йогурт, в который медсестра предварительно подмешала успокоительное. Ещё через час она уснула, что позволило родителям уехать.

Обо всём этом я получил подробный отчёт, когда заступил на ночное дежурство по интернату.

Проснулась Шелли, когда все воспитанники смотрели телевизор после ужина. Обнаружив,

что родителей нет рядом, дитя (а иначе и не назовёшь), спрятав лицо в ладонях, закатило новую истерику.

- Здравствуй Шелли, - обратился я к ней.

Услышав незнакомый голос, Шелли освободила прикрытое ладонями лицо. Лицо – визитная карточка; лицо – история болезни, в которой записано: синдром Дауна.

- Я хочу домой, к маме и папе, - вместо приветствия ответила она.

- Хочешь, я буду твоим папой, здесь, в интернате.

- Вот глупый человек. Ну как ты можешь быть моим папой? Ты же ещё не такой старый, как мой отец. Если хочешь – будь моим братом.

- А твой брат согласится?

- А мне не нужно его согласия, - с вызовом ответила Шелли и тем самым отомстила в душе брату за то, что тот упрятал её сюда.

Первая ночь на новом месте для Шелли была нелёгкой. Она долго ворочалась в постели или ходила по комнате, пока, далеко за полночь, усталость наконец не свалила её.

Поводом для ссоры послужило... солнце.

- Это моё солнце, - в слезах доказывала Шелли. – Моя мама всегда говорит, что солнце всходит для меня, и только для меня.

Увидев меня, Микки в недоумении развёл руками:

- Что ей от меня нужно? Я же не отнимаю у неё солнце! Я только бужу его!

И дальше, уже обращаясь к Шелли, предложил сделку:

- А хочешь, мы будем вместе будить солнце?

- Но я ведь не умею, - почти заискивающе ответила Шелли.

- А я тебя научу, - пообещал Микки. Это будет наше солнце. Моё и твоё.

История вторая.

Беременность.

«Убью того, кто сказал ей это!», - была первая мысль, и в продолжение её несколько матерных слов по-русски, процеженных сквозь зубы.

Мои воспитанники (воспитанники - слово-то какое! Некоторые из них старше меня!) уже привыкли к тому, что, если я перехожу на русский, что случается крайне редко, значит они в чём-то провинились, и предстоит серьёзный разговор.

Мириам сидела в тени навеса на качелях, почти завершивших свой маятный шаг. Заметив меня у калитки, она приветственно помахала мне и вытерла рукавом глаза. Похоже, что она плакала.

Я решил подойти.

- Почему ты плачешь? - я присел рядом и предложил ей сигарету.

- Нет, спасибо! Мне теперь курить нельзя.

Мириам курила очень много, порой до четырёх пачек сигарет в день. Все попытки убедить её, если не бросить курить, то хотя бы сократить количество выкуриваемых сигарет ни к чему не приводили.

- И почему тебе теперь нельзя курить?

- Я беременна!

Мне вспомнился недавний разговор по телефону с одной из наших медсестёр о противозачаточных инъекциях, которые применяются для наших воспитанниц: медсестра позвонила и попросила прислать к ней пятерых из них для уколов. Тогда я напомнил ей, что согласно «личным делам», двое из пятерых - девственницы. Зачем же им делать противозачаточные инъекции?

«На всякий случай», - таков был ответ.

Стало понятно, что руководство пансиона решило застраховать себя от непредвиденных случаев, таких, как, нежелательная беременность в результате изнасилования. Беременность, как таковая, была нежелательна в любом случае. У нас многие воспитанники живут парами. Семейные пары без права на потомство. Этим несчастным запрещено иметь детей, дабы не порождать себе подобных.

- Поздравляю!

- Спасибо! Теперь мне будет о ком заботиться. Я счастлива - оттого и плачу! Только почему ты ругаешься по-русски? Я в чём-то виновата?

Я встал.

- Нет, ты ни в чём не виновата. Всё в порядке. Ладно, пойду принимать смену.

После пересменки я попросил утренний персонал задержаться для разговора. Выяснилось, что «утка» о беременности Мириам была запущена с целью отучить её от курения.

Я чуть не завыл:

- Идиоты! Больше мне нечего вам сказать!

Было понятно, что мне предстоит трудная ночь и долгий разговор с Мириам. Хорошо, что это была ночь перед выходными, и Мириам не придётся рано вставать и идти на занятия в реабилитационный центр.

Почти в полночь, после того, как все улеглись, я заварил крепкий кофе, разлил его в две чашки, и пригласил Мириам в гостиную для беседы.

Я не знал с чего начать. Среди двадцати пяти моих подопечных только Мириам и ещё одна женщина не являются умственно отсталыми.

Обе эти женщины страдают психическими заболеваниями - результат изнасилования, рана далёкой юности.

- Ты же сказал, что я ни в чём не виновата, - забеспокоилась Мириам. - Почему ты меня позвал?

- Посмотрим телевизор, выпьем вместе кофе. Ты ведь любишь кофе?

- Кофе? Люблю. Конечно, люблю.

- Мириам, расскажи мне, как ты себя чувствуешь? И что ты чувствуешь? - Я приглушил звук телевизора.

- Чувствую себя нормально. Ничего нового.

- Ты ведь знаешь, что уже больше месяца принимаешь новое лекарство... ещё одно. Мне кажется, что ты стала лучше спать.

- Да, но вот только по утрам вставать тяжелее стало.

- Ничего, ты скоро привыкнешь и просыпаться станет легче.

Я встал, чтобы принести из шкафа персональную кассету с лекарствами Мириам. От одних только названий препаратов бросало в жар.

Шесть таблеток утром, две в обед и четыре вечером - всего двенадцать, на протяжении многих лет - с ума сойти!

В течении всей ночи я рассказывал Мириам о назначении того или иного препарата и влиянии его на организм человека.

Ни единого слова о беременности. Несколько раз мне пришлось прервать свою «лекцию», для того, чтобы в очередной раз заварить кофе.

Сигарета после каждой чашки, снова кофе, и снова сигарета.

- Угости сигаретой, - попросила Мириам.

- Ты же бросила курить!

- Я обещаю, что когда-нибудь брошу. И с сегодняшнего дня стану меньше курить.

- Хорошо, бери, - я дал ей сигарету и поднёс огонь.

Мириам глубоко затаилась.

- Хорошо, что я не беременна! Ведь все эти лекарства могли бы убить моего ребёнка!

- Ты уже передумала? - пошутил я.

- Просто я вспомнила, что не могу забеременеть из-за этих уколов.

- А, ну да...

По лестнице, со второго этажа, протирая кулаками свои заспанные глаза, спулся Микки. Это означало, что близится время рассвета, и Микки идёт будить своё солнце. Жаркое июльское солнце, не успевшее остыть за ночь.

Пощёчина

Роясь как-то в старых книгах и документах, привезённых с собой из доисторической Родины, я обнаружил совершенно чистую «общую» ученическую тетрадь синего цвета. Помните, раньше были такие тетради: девяносто шесть листов, в клетку или в линию, с дермантиновой обложкой. У меня всегда была такая в школьном портфеле, - дополнительная, не имеющая отношения ни к одному из изучаемых предметов; что-то вроде дневника. И вот теперь, когда я перелистывал девственно чистые страницы «антикварного» изделия писчебумажной промышленности, некогда великой, но безвременно канувшей в Лету страны, у меня возникло невыносимо сильное желание (как если бы встретил свою первую любовь, после долгих лет разлуки, и встреча эта воскресила бы в памяти былые чувства и непреодолимую тягу излить эти чувства физически) написать что-нибудь добавляющее моменту и ностальгическому настроению.

И вот в связи с этим вспомнилась мне школьная история:

«Скороспелка» - так мы нарекли её за глаза на первой же перемене, с подачи Аркаши, дважды второгодника. На самом деле её звали Нелли. Она - дочь военного, семья которого вынуждена была скитаться вместе с ним по стране, после каждого нового назначения.

Был первый учебный день после новогодних каникул. Наша классная руководительница Светлана Семёновна («Наша Светка», в иных случаях «Эс-Эс»), вошла в класс через минуту после звонка на первый урок в сопровождении громадного полковника и его, догоняющей отцовский рост красавицы-дочери, с выражением глаз умудрённой жизненным опытом женщины.

- Здравствуйте! – бодро воскликнула Светлана Семёновна в абсолютной тишине, так нехарактерной для нашего девятого «г» класса. – Разрешите поздравить вас с началом второго полугодия и представить новую ученицу. Зовут её Нелли Бондаренко, а это – её папа. Восхищённый взгляд «Нашей Светки» медленно вскарабкался на труднодоступную высоту полковничьего роста.

- Здравия желаю! – прогремел густой бас полковника.

- Привет! – пропел почти сформировавшийся, бархатный контральто Нелли, трепетом отозвавшийся в наших юношеских сердцах и вызвавший бурю ненависти в сердцах девичьих.

После того, как полковник покинул класс «Светка» предложила Нелли выбрать любую свободную парту.

То, чего я больше всего испугался в тот момент, – произошло с лёгкостью падения нравов, во времена Сексуальной Революции. Нелли (в последствии – Нелька) выбрала единственное на тот момент свободное место, рядом со мной. Благодаря своей комплекции, я единолично занимал целую парту с начала учебного года. И вот – мне пришлось потесниться. Не скажу, что сделал это с удовольствием, но ничего другого не оставалось. Нелька просто подошла и сказала: «Подвинься, Винни-Пух». И я подвинулся...

- Введёшь меня в курс дела, – шепнула мне в ухо моя новая соседка по парте.

- Кто чем дышит, кто кого муржит, и так далее... Понял?

Должен признаться, я тогда начисто потерял способность говорить.

- Чё молчишь? Испугался что ли? Или ты к женскому вниманию не привыкший? Не бойся, не кусаюсь я.

Я продолжал молчать.

- Ладно, молчи пока. После занятий проводишь меня домой. По дороге поговорим.

После этих её слов мне захотелось немедленно сбежать. Спрятаться. Сгинуть. Раствориться. На перемене мне действительно удалось превратиться в «невидимку». Меня искали всем классом, девчонки в том числе. В класс я вернулся с опозданием, дабы избежать нежелательных расспросов. На каждой перемене я повторял фокус с исчезновением. И так – до конца уроков. Утром следующего дня, Нелька подкараулила меня у моего дома. Не знаю, кто дал ей мой адрес, но я мысленно возненавидел того человека. Выхода не было. Пришлось идти в школу вместе.

Допрос начался немедленно. Я помолчал несколько минут, но молчание не могло длиться вечно. Вопросы требовали ответа, и Нелька пообещала вытрясти их из меня силой.

- Ладно, – осмелился я наконец-то выдать из себя слово. – Класс наш очень дружный, и ребята все классные. Больше я тебе ничего не скажу, можешь делать со мной что хочешь. Остаток пути мы проделали молча.

Нас, конечно же, видели вместе, а вернее – за нами наблюдали. Мужская половина класса поджидала меня в нашей подпольной курилке. Но никто так и не успел ничего спросить.

- Вас послать или сами отстанете? - задал я вопрос ребятам. Видимо, в моём голосе, или во взгляде, было нечто такое, что отбило у них всякую охоту к вопросам. Вскоре прозвенел звонок на урок...

- Пойдём, провожу тебя домой, - предложил я Нельке после уроков.

- Пойдём. Только сначала давай покурим где-нибудь.

Я тут же пожалел о том, что связался с ней. Для моих ушей было дикостью слышать подобные слова из уст школьницы. Да и места укромного для перекура я не знал. Разве что наша подпольная школьная курилка, но женскому полу вход туда был категорически воспрещён.

- Где покурим? Тут нигде не спрячешься.

К моему ужасу, как только мы немного отделились от школы, Нелька достала из портфеля пачку каких-то болгарских сигарет и попросила прикурить. Спичек у меня не было.

- Пойди, прикури у кого-нибудь, - приказала она. Пришлось подчиниться.

Курила она профессионально, со смаком и жадно затягиваясь, совсем по-мужски. Я никогда раньше не видел курящую женщину, но что-то в манере курения Нелли не вязалось с её женственностью.

В начале следующей недели, на большой перемене ребята предложили Нельке пойти с ними покурить. Отныне в «святая святых» нашего «мужского клуба» – нашу курилку ступала нога женщины, и это грозило неприятностями. Мне не довелось тогда пойти с ними - кто-то из ребят сказал, что меня ищет завуч, и я всю перемену безуспешно искал её (позже я узнал, что её в тот день вообще не было в школе, меня обвели вокруг пальца, т.к. моё присутствие в курилке на тот момент было нежелательным). После неудачных поисков, за пару минут до звонка на урок я вернулся в класс. Меня уже ждали – Нелли & Компану. В глазах у ребят читалось озорство вперемешку с виной. В предательском воздухе классной комнаты бесновались электрические разряды. Что-то должно было произойти.

Нелька подошла ко мне вплотную.

- Ты спал со мной? – громко спросила она.

- Н-нет...

Пощёчина прозвучала звонко и эффектно, как в индийском кино.

- За что? – только и успел спросить я, но тут дверь открылась, в класс вошли несколько девчонок, и почти одновременно прозвенел звонок.

Воспользовавшись временным отсутствием учителя, я забрал портфель и покинул класс.

Что там происходило потом – остаётся только догадываться. На следующее утро Нелли вновь ждала меня в моём дворе.

- Извини, - сказала она чётко, по-армейски. Я – дура! Купилась на дешёвку.

- Ерунда, забудь об этом, - ответил я с облегчением, – и моментально удостоился поцелуя в битую щеку.

Ребята ждали нас на углу школы. Каждый из них демонстративно попросил у

меня прощения. Инцидент был исчерпан.

В тот день Нелли снова попросила проводить её домой. Само собой так получилось, что мы оказались у неё дома. Она накрыла стол, мы пообедали. Несколько позже, за чаем, она рассказала мне о парне, намного старше неё, который её изнасиловал полтора года назад. Он же научил её курить.

Много лет спустя мне стало понятно, откуда у неё этот взгляд взрослой и умудрённой жизненным опытом женщины; и откуда у неё такая манера курения, так не вязавшаяся с её женственностью. Это она подражала своему насильнику.

Эпоха хозяйственного мыла

Однажды, на рынке одного из израильских городов, я подошёл к импровизированному прилавку с русскими книгами и видеокассетами, в надежде отыскать что-нибудь интересное для себя. Со мной был мой младший сын, рождённый в Израиле. Рука потянулась к одной из книг, и в этот момент я услышал вопрос, заданный моим сыном на иврите:

- Ма зе? (Что это?)

Проследив глазами в направлении указательного пальца ребёнка, мой взгляд упёрся в несколько кусков хозяйственного мыла, лежащих среди лекарств и тюбиков с мазями – уже постсоветского производства – на небольшом столике по соседству с книжным прилавком.

- Зе – сабон шель паам (это – мыло прошлого), – ответил я ему.

Ребёнок взял один из коричневых кирпичиков и, взвесив его на ладони, высказал мнение:

- Должно быть, надолго его хватает.

- Надолго. Лет на семьдесят.

- Шутишь, – изрёк сын с сомнением, помня о моей склонности к двусмысленным высказываниям.

- Что он спрашивает? – обратилась ко мне хозяйка товара, непонимающая иврита пожилая женщина. Пришлось пересказать ей весь наш разговор.

- А ты купи ему кусок мыла и пусть помоеся им. Тогда, может, поймёт, что его действительно надолго хватает. Насчёт семидесяти лет – это ты, конечно, загнул, но на месяц должно хватить.

Сказано – сделано: последовала операция «Деньги в обмен на товар». Надо заметить, что «хозмыльная» дискуссия повлияла на выбор книги. «Раковый корпус» Солженицына подошёл, как нельзя лучше под настроение.

По дороге домой я провёл для сына краткий курс истории и экономики СССР, и рассказал о превышении спроса над предложением – дефиците. Дома, первым делом, сын побежал в ванную мыть руки новым мылом.

- Ну, как тебе «мыло целой эпохи»? – спросил я его.

- Мыло, как мыло, – ответил сынок. – Плоховато мылится, а в остальном терпимо. И вообще, при чём здесь мыло? В чём оно виновато? Ты не прав: не «Мыло эпохи», а «Эпоха хозяйственного мыла».

КАРАКИС Геннадий

Родился в 1960 году в городе Баку.

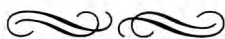
Увлекался фантастикой со школьной скамьи. Публиковался в местной прессе.

С 1982 года участник Бакинского клуба любителя фантастики под председательством Павла Амнулля.

В 1988 году участвовал во Всесоюзном конкурсе любителей фантастики в городе Свердловске.

В 1990 году переехал в Израиль. Проживает на данный момент в городе Беер-шева. В Израиле публиковался в «Негеве», в газете «Время». По специальности инженер, в настоящее время работает в крупных дорожных проектах.

Рассказ «Пьеса в стиле ретро» написан двенадцать лет назад, но до сих пор не потерял актуальности. Автор стремится писать на острые социальные темы, причем придаёт сюжетам своих рассказов своеобразные формы.

Пьеса в стиле ретро

Огни, огни, огни... Все переливается в пламени реклам... По затянутому свинцовым пологом небу расползаются светящиеся гигантские буквы: «Пейте Кола-Москва - напиток века!» Роскошные машины еле движутся в тесноте по необъятно широким автострадам, глайдеры - такси стрекочут в высоте, развозя пассажиров после работы. Метро не может вместить всех желающих - у входа огромная очередь. На крышах многоэтажных башен - посадочные площадки.

Это Москва...

Станислав Юлин - бывшая кинозвезда, а ныне - модный кинорежиссер, любимчик президента Валентинова, - вылез из кабины глайдера, небрежно бросил пилоту пять рублей. Тот ловко поймал монету, не скрывая радости. Целых пять рублей - дневная выручка! Большие деньги!

Юлин ухмыльнулся. Многое изменилось в этом мире. И он, никогда прежде не имевший недостатка, мог теперь себе позволить такие вот роскошные жесты...

Он снимал сейчас в Кремле новый фильм «Пирсы красных вождей». Грандиозный замысел, прекрасные декорации, замечательные актеры и девочки, какие девочки! Юлин выбирал их сам. Почему бы нет?! Он хоть уже и не молод, но красоту ценить не разучился.

Однажды, много лет назад, он по собственной глупости чуть было не женился. Красивая была стерва! Подняла шум: подлец, обольститель... Стас договорился с приятелями из милиции, посадили царапающуюся в «воронок» и поехала «милая» в «психушку». Юлин спустился с крыши в свою роскошную, со вкусом меблированную квартиру: каждая комната в своем стиле. Гостиная под старину: тяжелые

дубовые стулья окружали стол из красного дерева, в углу камин. На стенах картины - большей частью подлинники.

Режиссер нажал на кнопку. Неслышно появился двухметровый детина, принес почту - сотни писем, многочисленные предложения, просьбы о помощи и ворох различных бумаг, визиток и прочей ерунды.

А вот и то, что он искал. Приглашение на фестиваль. Звонил недавно приятель из Голливуда, уговаривал привезти что-нибудь. Юлин обещал приехать со своими «Пирами»...

Далеко внизу, за широким бронированным стеклом, на самом дне сверкающего огнями ущелья, прогремела короткая автоматная очередь. Юлин зябко поежился. Веселые настали времена... Чуть зазеваешься, или ослабит внимание охрана - попадешь в лапы ребяткам из банды Котёночка, живьем шкуру спустят. А есть ведь и другие... Собирают дань с прохожих, но не брезгают и квартирным разбоем, громят небольшие офисы. Солидные конторы не трогают, у тех - мгновенная связь и многочисленная охрана, вооруженная усыпителями... Юлин видел однажды это оружие в действии. Сильная штука - невидимые волны поражают нервную систему. Простым смертным такие игрушки не полагались, но у Юлина усыпитель имелся - подарил один знакомый министр, большой почитатель его таланта...

Вернувшись домой раньше обычного, режиссер отпустил охрану. Последним ушел его телохранитель, проверив напоследок сигнализацию и зарядив компактный усыпитель...

Звонок раздался в назначенное время. Дверь распахнулась, на пороге возникло очаровательное стройное создание. Было ей, на первый взгляд, лет двадцать пять. Длинные черные волосы уложены кольцом, зеленые мерцающие глаза... Звали ее Ольгой.

«Стыдливая блудница», - подумал Юлин.

- Как вы добрались? - спросил он.

- На такси.

- Я оплачу все расходы. Выпьете что-нибудь?

- Нет, благодарю вас...

- В наше время - и такая скромность! - улыбнулся Юлин.

Несомненно, она играла. Но играла убедительно.

Девушка села в глубокое кресло. Юлин скользнул взглядом по ее ножкам. «Высший класс», - подумал он и произнес традиционную фразу:

- Хотите сниматься в кино?

Она промолчала. Юлина не покидало ощущение, что он где-то уже видел эти зеленые кошачьи глаза.

- Расслабьтесь, будьте как дома! Хотите чаю? А может, слетаем куда-нибудь?..

- Не люблю рестораны, - ответила девушка. - Множество раздевающих любопытных глаз... Давайте лучше ко мне. Я хорошо готовлю.

Это было весьма неожиданно. Оригинально. На секунду в его душе зародилось сомнение. Но он отбросил дурные мысли. Бронерубашка, усыпитель в кармане, кроме этого, девушка попала сюда по рекомендации из хорошей семьи... Да нет, чушь!

- Обычно приглашаю я, - сказал он, - но в разнообразии есть своя прелесть.

- Я уверена, вам понравится...

Юлин нащупал в кармане усыпитель. А чего, собственно бояться?

- Решено. Летим.

Через пять минут легкая серебристая машина взмыла в черно-багровое небо, озаренное бликами реклам.

Девушка назвала адрес, Стас хорошо знал это место. Неплохой район, сравнительно новый... Под ними проплывала, переливаясь огнями, ночная Москва.

Горячая рука легла на его локоть.

- Вы мне нравитесь, - сказала девушка. - Вы очень симпатичный.

«Хм-м, - подумал он про себя, - красавчик! Седеющие волосы, мешки под глазами... Ладно, хоть брюшка пока нет... Что правда, то правда...»

Глайдер скользнул вниз и замер на крыше одного из многоэтажных зданий.

- Неплохое место, - сказал Юлин, - очень неплохое.

- Мне тоже нравится, - согласилась девушка, - квартира у меня небольшая, всего три комнаты. Мне хватает.

- Хорошо живете, - заметил режиссер.

- Не жалуюсь... Приходится много работать.

- Вы актриса?

- Так хобби...

Юлин с удивлением смотрел на нее. Разговорилась... Стас протянул ей руку, помог выйти из машины. Она влекла его все больше и больше, эта девушка. Куда только подевалась недавняя скромница?

В квартире почти не было мебели. Во всех комнатах книги, книги...

- Это библиотека моего отца, - перехватив его взгляд, сказала Ольга. - Он был отличным инженером. Не перенес развала СССР.

- Мне тоже было тяжело... - он взял ее за руку. - Не ожидал, что ты такая. Мне кажется, что я знаком с тобой много лет.

- Возможно... Посмотрите телевизор, а я накрою на стол.

Юлин извлек из пакета бутылку дорогого коньяка. С любопытством осматривался: потемневшие от времени репродукции на стенах, телевизор - старый

цветной «Рубин» на древней тумбе, словно музейный экспонат.

Оля накрывала на стол изящно, быстро - Юлин, любуясь, следил за ней. Почему она пригласила его сюда? Зачем он ей?..

Он откупорил бутылку, плеснул на доньшко пузатого бокала, выпил. Тело охватила приятная истома.

- За что будем пить? - спросила Оля.

- За нас, - ответил Юлин.

- Нет, - покачала головой девушка, - давайте выпьем за будущее, настоящее мерзко...

- Почему? - удивился Юлин.

- Надоела серость...

- Не преувеличивайте, - махнул рукой режиссер. - Вы были на Западе? Так не спорьте. При их безработице... у нас райская жизнь. Зарплаты, правда, низкие... Но что лучше: слоняться по улицам без работы, приставать к прохожим - или заниматься любимым делом? К тому же у нас свобода...

- Говно эта ваша свобода. Кто у власти? Кто такой Валентинов? Коммунист, бывший генерал... Кто в его окружении? Мошенники, гангстеры... Нас снова обманули - подсунули пустышку в золотой обертке. Ну и...

Она допила коньяк и придвинулась ближе к Юлину.

- Вы думаете, я хочу сниматься в кино? - сказала она. - Чепуха! Плевать мне на это! Я хочу быть с вами... Вы - настоящий...

Ольга обняла Юлина за шею и поцеловала. Тот поежился, не зная как себя вести.

- Ты талантлива... Откровенно говоря, давно не встречал...

- Старомодно. Не нужно этих слов. Нравлюсь - люби, не нравлюсь - уходи.

Юлину было почему-то не по себе от ее прикосновений. Он отстранился и потянулся к тарелке.

- Вкусно пахнет...- пробормотал он. - Ты, наверное, хорошо готовишь.

- Совсем я с вами голову потеряла... Попробуйте вот это...

Ольга протянула ему вазочку с салатом. Юлин с удовольствием ел, запивая коньяком. Его новая знакомая почти не притрагивалась к пище, да и пила мало.

- Какую музыку вы любите?

Юлин пожал плечами.

Зазвучала мелодия.

- Боже мой, - прошептал Юлин. - Как давно это было. Танцевал с девушкой, молоденькой, влюбленной...

- А вы...

- Она мне нравилась. Но, увы... К чему эти воспоминания?

- Если вам неприятно... Выключить?
- Нет, нет... Давайте потанцуем...
- Танцую, девушка прижималась к нему все крепче, сильнее...
- Идемте... - прошептала она.
- Куда?

Она повела его в соседнюю комнату, усадила на кровать.

Достав из ящичка датчик медконтроля, приложила его к своей руке. Затем и Юлин ощутил прикосновение холодного металла и легкий укол в предплечье.

- Прекрасные показатели для вашего возраста, - услышал он словно в тумане.

Он был во власти этой женщины. Портрет Ленина на противоположной стене закружился перед глазами, казалось, великий вождь подмигивает ему.

Тело, освобожденное от одежд, трепетало от быстрых, жадных прикосновений, грудь высоко вздымалась... Громадный закопченный паровоз, извергая клубы дыма, надвигался на него, бешено вращались колеса...Чуф-чаф...Чуф-чаф...Наш паровоз вперед летит... Юлин рванулся вперед, пытаясь поймать отлетавшее сознание...Чуф-чаф-чаф...Чуф-чаф-чаф...

Ленин сошел со стены, подошел к кровати:

- Голубчик, вганье все это. Я не умею. Я жил, жив и буду жить. В тебе, в этой девушке...В кгови, голубчик, в кгови...

Сатанинский смех потряс комнату. Юлин нащупал под подушкой нож, замахнулся и ударил Ленина в грудь.

Робкий зайчик пробрался через стекло, подбежал к кровати, пощекотал Юлина, помчался дальше...

И вдруг в ужасе замер. Юлин закричал. Сердце бешено билось.

Кошмарный сон...

Но это был не сон. На ослепительно белой простыне алели кровавые пятна вокруг распростертой на спине обнаженной Ольги. В груди его новой знакомой торчал нож.

- Я... - прошептал Юлин. - Я убил?

Девушка смотрела на него широко раскрытыми мертвыми глазами. Он ничего не помнил и не понимал. Провал памяти...

- Боже мой... Боже мой...

Юлин заметался по квартире. Вид его был ужасен. Голый, измазанный чужой кровью, со спутанными волосами, прыгал он по комнатам, не зная куда бежать, что делать...

В ванной Стас сунул голову под кран. Холодная вода немного отрезвила его; смыл с себя кровь, расчесал волосы. Что же это он, в самом деле... Словно мальчишка... Уж чего-чего, а трупов в своей жизни он видел предостаточно, и киношных, и настоящих.

Стас оделся, бросил взгляд в зеркало. Еще раз заглянул в спальню. Убедившись, что ему не померещилось, почти бегом направился к выходу. Ничего страшного. Ребята из милиции помогут...

Он подошел к двери, откинул цепочку, повернул ключ в замочной скважине...

- А-а-а-а!

Юлин вновь очутился на пороге спальни. С кровати на него смотрела мертвая Оля, словно вопрошая: «Ну, и куда ты теперь без меня?»

Через полчаса Юлин окончательно убедился, что находится в западне. В квартире не было телефона. Он не смог выбить бронированное стекло в окне.

И сдался. Налил себе коньяку, плюхнулся в кресло и включил телевизор.

Передавали сводку новостей. Его старинный приятель - диктор выглядел взволнованным.

- Главной новостью сегодняшнего дня стало исчезновение известного кинорежиссера Станислава Юлина. Так и не завершив последнюю работу, он удалился на отдых, в Швейцарию. Перед тем, как покинуть Москву, Станислав прислал на телевидение письмо, где говорится о его намерении окончательно отойти от дел. Его последнюю работу закончит его помощник. Искренне жаль... Всем нам, любителям кино и поклонникам таланта Станислава Юлина, будет очень не хватать нашего Стаса...

Что за бред? Он не посылал никакого письма! Кому понадобился этот спектакль? А может быть... Юлин вспомнил странный укол в руку, после которого почувствовал себя беспомощным. Неужели он и впрямь натворил дел?..

Юлин вскочил, бросился в спальню, закричал отчаянно в мертвые глаза:

- Я не убивал!.. Выпусти меня отсюда! Слышишь? Выпусти...

Ему вдруг почудился смех. Труп шевельнулся. Да, да, ему не померещилось: уголки губ изогнулись в насмешливой улыбке.

Пересиливая себя, Стас дотронулся до Ольги и тотчас отшатнулся - могильным холодом повеяло от бездыханного тела. Он попятился; его не покидало ощущение, что стоит лишь отвернуться, и труп набросится на него. Он выскочил из спальни, захлопнув за собой дверь. Прислушался... Тишина. Ни единого звука.

- Ты сходишь с ума, - констатировал Юлин вслух. - Не мешало бы успокоиться.

Причин для паники нет. Это всего лишь пикантное приключение. Пройдет еще день-два, и Валентинов найдет его, спасет, пришлет гонцов. «Пиры» - государственный заказ, фильм должен быть завершен.

Только вот не спать бы... Страх все больше овладевал им. Ведь он ВИДЕЛ, что труп шевельнулся!

Потянулись часы томительного ожидания. Присутствие в квартире мертвого тела тяготило Юлина все больше и больше. На его счастье в баре оказалось несколько непечатых бутылок.

По телевизору передавали всякую чушь. Показ мод... Высылка сионистских диссидентов на Марс... Ни слова о нем, о его исчезновении, черт бы их всех побрал!

Наконец он не выдержал. Подошел к закрытой двери. Прислушался. Осторожно повернул ручку...

Трупа на постели не было.

Сознание постепенно возвращалось к нему. Потолок перестал вращаться.

Юлин, крихтя, поднялся с ковра и... уставился на окровавленный труп.

Мертвенно-бледное лицо девушки оживила легкая улыбка. Рука ее поднялась в поисках страшной занозы, мешающей дышать. Встретив рукоять ножа, пальцы сжались.

Повизгивая от ужаса, он бросился в гостиную, захлопнул дверь и привалился к ней всем телом. Сдерживая горячее дыхание, прислушался. В спальне затаилось безмолвие.

- Юлин!

Он замер. Это была скульптура. Застывший гипс.

- Ну что... дорогой режиссер... Думаю, достаточно!

Оля нагнулась, стерла рукой кровавые пятна, ловким движением сделала что-то с лицом.

Перед ним стояла другая женщина.

- Ты узнал меня, Юлин? Вот и встретились... Помнишь двадцать лет назад? Дурная, влюбленная девчонка. Я не хотела сниматься в кино. Это меня не интересовало. Любовь... Проклятая любовь! Ты обманул, бросил... Упрятал в сумасшедший дом. Но врач поверил мне... Пожалел дурочку... Я за него замуж вышла. Теперь ты знаешь обо мне почти все. Я сыграла эту пьесу для тебя... Долго же я писала ее...

Самым трудным делом было выманить тебя из квартиры. Я должна была тебе понравиться... Мне это удалось. Остальное - дело техники. Друзья помогли с техническим оформлением... Ты ведь знаешь, сейчас ведутся экспериментальные работы с силовыми полями... Так вот... Эта квартира - декорация из силовых экранов. Из них можно вылепить все что угодно. Средневековый замок, лесную поляну... Все зависит от воображения.

Очертания комнаты неуловимо менялись.

- Я разыграла тебя, дорогой. Чтобы ты вспомнил о девушке, которую предал много лет назад. Можно поставить точку. Ты свободен. Новости по телевизору - видеомонтаж. Тебя ищут. Иди... Юлин шагнул к ней.

- Жидовка... - просипел он. - Ненавижу!

- Успокойся... Через несколько секунд отключится силовой экран - и ты свободен. Усыпитель твой я разрядила... Возьми...

... Из соседней комнаты, как черт из табакерки, вдруг выскочил Ленин с ножом в груди и закричал:

- Тише! Голубчик, не буянь! Не знал, что мы все евгеи?! Все, все, от негеа до эскимоса гождены евгейской матегью!...

Комнату заполнили вожди... Усатый Сталин угостил режиссера табачком, Берия поднес спичку.

- Что ви, товарищ Юлин... Какой жидовский заговор?... Ошибочка вышла... Вы ведь, товарищ, тоже, к сожалению, еврей...

Женщина вышла на улицу. У подъезда её должен был ждать глайдер мужа. Странно, но никого не было. Она вытащила из сумочки мобильник, набрала номер. Она набрала несколько раз тот же самый номер, но механический голос твердил одно и тоже: муж не числился в клиентах мобильной кампании. Мобильник её приятеля, помогавшего ей с силовыми экранами, ответил незнакомым женским голосом. Ещё не веря страшному факту, она вытащила сигарету и закурила, ожидая каждую секунду выстрела или удара, вспышки боли, после которой наступает Ничто... Пьеса закончилась, и она больше не нужна. Её вновь обманули, использовали в своих целях. Муж – предатель? Нет, он всего игрок в той пьесе, режиссёром которой является Система.

Раздался мелодичный сигнал. Экран был затемнён – лица не было видно.

- Нам понравилось, как вы сыграли свою роль, Оля, - раздался вежливый голос. – Про своего мужа забудьте. Идите домой, вам позвонят...

По запруженным машинами улицам брел седой человек. Размахивал руками, спорил, горячился, доказывая что-то самому себе...

Никто не обращал на него внимания. Кому какое дело до маленького человечка?!

СИМАН ТОВ Шауль (Агаев Шамиль)

Родился 17 мая в 1971 году в городе Баку. Его статьи с 1989 года печатались в бакинской прессе: «Молодёжь Азербайджана», «Шоу-бизнес EXPRESS», «Это интересно», «Мегаполис реклама», «Аргументы и факты. Баку», «Ежедневны новости» и другие.

Был главным редактором самиздатовского журнала-дайджеста «Прок» (1990 год), который вошёл в изданную в Москве в 1991 году «Дискретную энциклопедию рок-самиздата» и в изданный в том же году в Свердловске справочник «Rock жизнь в СССР».

В 1992 году, официально, тиражом в 5000 экземпляров выходит в свет сборник статей о рок - и поп-музыке «Меломан», который расходуется по всему постсоветскому пространству. Шауль Симан Тов является единственным составителем и издателем этого сборника.

Репатрировавшись в Израиль в 2000 году, он и тут публиковался как в местной («Кавказская газета», «Здесь и сейчас»), так и в бакинской («Азербайджанские известия») прессе. Так же его статьи опубликованы на internet сайтах www.mountain-jews.co.il и www.gorskie.ru.

В январе 2004 года он основал сайт www.druzya.com. Живёт на севере Израйля в городе Тират Кармель. Женат, имеет сына и дочь.

Ты

(стихотворение в прозе)

Когда я смотрю на тебя, я вижу самое прекрасное создание на свете.

Когда я прикасаюсь к тебе, твоя теплота переходит ко мне, и я переполняюсь счастьем от того, что мне дано прочувствовать всё это.

Движенье твоих губ напоминает шелест листьев в весеннем лесу. Прикосновение к ним равносильно глотку холодной воды для заблудившегося в пустыне.

Твои глаза, как зеркало, отражают всю прелесть и глубину твоей загадочной души.

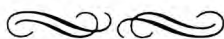
А волосы ... Ах, что говорить! ... Если бы я был ветром, я бы только и делал что играл с ними, сначала бы взьерошивал их, а потом, распутывая, аккуратно укладывал каждый волосок.

А тело! Твоё тело идеально, оно совершенно, нельзя ничего прибавить или убрать. А его аромат можно сравнить разве что с запахом райского сада весенним утром. Сколько тепла и радости дарит оно мне при каждом своём прикосновении.

Ты. Ты можешь быть холодной как лёд, а можешь быть горячее солнца. Ты можешь быть необыкновенно строгой и серьёзной, а можешь радоваться или быть безразличной ко всему, как маленький ребёнок.

Ты. Сколько раз я повторял твоё имя? Десятки, сотни, тысячи раз, но сколько бы я не повторял – с каждым разом всё больше и больше убеждаюсь, что слова, которые я тебе когда-либо говорил, меркнут перед одним единственным словом, словом, обозначающим твоё Имя. Твоё имя – выше всех человеческих благ, и я не смогу выразить больше, чем оно есть. Оно говорит само за себя.

Азербайджан. Баку.
20 декабря 1993 г.

У Агабека Султанова

(Юмористическая мини – пьеса)

Действующие лица:

Агабек Султанов – врач-психиатр,

Посетитель - мужчина лет шестидесяти.

Действие происходит в самом конце XX века в городе Баку.

Кабинет врача. Стук в дверь.

Агабек Султанов: Пожалуйста. Кто там?

Дверь открывается и в кабинет входит Мужчина лет шестидесяти.

Мужчина: Здравствуйте, доктор.

Агабек Султанов: Здравствуйте. Как ваша фамилия?

Мужчина: Вообще-таки я не из-за себя, я из-за сына пришёл. Знаете, я сначала хотел пойти к врачу-еврею...

Агабек Султанов: (Испуганно) А я не еврей.

Мужчина: Да, я знаю. Но потом решил обратиться к вам, как к отцу нашей соседки, за советом. Не могли бы вы посоветовать мне хорошего терапевта?

Агабек Султанов: Да, конечно, я сейчас позвоню в регистратуру и запишу Вашего сына на очередь к Гюльбала Маммедовичу. (Поднимает трубку и набирает номер) Алло, Наточка. Здравствуй, моя хорошая. Ты бы не могла записать на очередь к Гюльбала Маммедовичу...(обращается к мужчине) Как говорите фамилия Вашего сына?

Мужчина: Левитан.

Агабек Султанов: (Меняется в лице. Озабоченно) Наточка, спасибо родная. Я сам приму этого пациента (кладёт трубку). И давно это у него?

Мужчина: А что именно доктор?

Агабек Султанов: Ну, эта тяга к живописи?

Мужчина: Доктор, вообще-то он терпеть не может рисование.

Агабек Султанов: Так, так... случай, я Вам сразу скажу, нетипичный.

Мужчина: А в чём, извините, его нетипичность?

Агабек Султанов: В моей медицинской практике, мне приходилось иметь дело и с Шишкиными, и с Репиными, а один раз, представляете, Рембрандт попался. И все они были просто одержимы в своей любви к рисованию. А у вашего сына... М-да...

Мужчина: Доктор, я ещё раз извиняюсь, но при чём тут рисование? Да и вообще у него проблема с почками...

Агабек Султанов: Так, теперь всё ясно! Он ощущает себя деревом, и ему кажется, что у него начинают набухать и распускаться почки?

Мужчина: (Удивлённо) Нет...

Агабек Султанов: Ему кажется, что он ясень, и все у него спрашивают, где их

любимая?

Мужчина: (Удивлённо) Нет...

Агабек Султанов: Ему кажется, что он тонкая рябина, и он всё время качается?

Мужчина: Да нет доктор, и вообще он у меня не тонкий, а совсем даже наоборот.

Агабек Султанов: Значит, он баобаб или дуб.

Мужчина: (Обиженно) Я бы не сказал, что он дуб. Он очень умный, компьютерным дизайном занимается.

Агабек Султанов: (Радостно) Вот! Вот она - разгадка!

Мужчина: (Удивлённо) Где?

Агабек Султанов: Ну, как же вы не видите. Это ж так очевидно. Давайте проведём параллели вместе. Художник это Левитан. Так?

Мужчина: (Неуверенно) Так.

Агабек Султанов: Левитан это диктор. Так?

Мужчина: (Неуверенно) Ну.

Агабек Султанов: А диктор это телевизор. Так?

Мужчина: (Неуверенно) Так.

Агабек Султанов: А телевизор это экран. Так?

Мужчина: (Неуверенно) Вроде того.

Агабек Султанов: А экран это монитор. Так?

Мужчина: (Неуверенно) Да.

Агабек Султанов: А монитор это компьютер! Вот! Вот откуда у него это увлечение. Завтра же... Нет! Сегодня, завтра может быть уже поздно, сегодня приведите его в мою клинику. Сейчас я выпишу пропуск на его имя... Хотя нет, постойте, лучше на ваше, а то он может случайно увидеть пропуск и сбежать. Значит так... (Берёт ручку) Как ваша фамилия?

Мужчина: (Открывает рот. После секундной паузы) Знаете, доктор, я Вас не хочу затруднять. Я его лучше в Израиль отправлю... завтра... Нет! Сегодня, завтра может быть уже поздно (вставая, опрокидывает стул, выбегает из кабинета).

Агабек Султанов: (Удивленно - озабоченно) И чего это он так испугался? Занавес.

Азербайджан. Баку.
28 ноября 1998 года.

ХЕЙЛИ Мирьям

Коротко о себе:

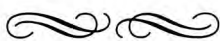
Родилась в Баку во второй половине 20-го столетия (не будем уточнять когда).

Заключила мех-мат АзГУ. (А говорят, что физики, то бишь математики, не лирики)

В 90-м году репатрировалась в Израиль. Живу в Тель-Авиве, работаю в муниципалитете города. Замужем, имею троих детей.

Во время очередных каникул, сидя перед телевизором, написала для своих подруг несколько юмористических монологов в стиле "Смехопанорамы". К моему удивлению, они приняли их с восторгом. И тут я вспомнила, что не случайно в школе учительница литературы постоянно зачитывала мои сочинения на уроках.

Лиха беда - начало. По совету подруг я начала писать более серьезные вещи. На сегодняшний день у меня уже около 30 публикаций. Более 20 из них были опубликованы в израильской газете "Секрет".

Прости меня...

*Ночь моя стала тоской, горя нет страшней без тебя,
Нет конца скорби моей, муки моей без тебя...*

Низами ГЯНДЖЕВИ.

(отрывок из стихотворения «Без тебя»)

За окном бушевала вьюга. Зима в этом году была на редкость суровой. В доме, несмотря на полыхающие в печи дрова, было достаточно прохладно. Шаботай не ощущал холода. Он лежал в своей постели укрытый несколькими одеялами и смотрел невидящими глазами в потолок. Он чувствовал, что Ангел Смерти витает буквально рядом с ним.

- Почему же он не забирает меня?- думал он.- Я уже готов покинуть этот мир.

Жена склонилась к нему:

- Ты что-то хочешь?

Старик покачал головой.

- Может, ты хочешь что-то сказать? - ее всегда суровый взгляд повлажнел.

- Сказать? Что-то я должен был сказать...- он прикрыл глаза.

Он прожил долгую жизнь. Вроде бы правильную и честную. Он вырастил семерых сыновей и дочерей. Слава Богу, все они порядочные, уважаемые люди. Да и сам Шаботай слыл среди людей человеком достойным и справедливым.

- Что же я хотел сказать? Господи, помоги мне вспомнить! Пока я не вспомню, Ангел Смерти не примет душу мою. Я уже устал...

Чей это смутный образ видится мне вдали? Это Она. Она давно меня ждет.... Моя Ада-са....

Память умирающего услужливо перелистывала назад книгу его жизни, переворачивая одну за другой страницы, запись каждой из них соответствовала прожитому году.

- Остановись! Здесь. 1914 год...

Он впервые увидел ее в Нисону (так кавказские евреи называли Песах по названию месяца нисана).

По обычаю со второго дня праздника, после праздничной трапезы юноши и девушки одевались в лучшие одежды и выходили на центральную улицу Еврейской слободки. Они прогуливались небольшими группками, медленно двигаясь вдоль центральной улицы и обратно. Такова была традиция. Это был единственный день в году, когда им разрешалось открыто смотреть друг на друга и даже перекинуться парой фраз. Даже самые шептуньи вели себя в этот день достойно, и самые языкастые девушки старались выглядеть скромными. Ведь от этого дня часто зависела их будущая судьба.

Он шел с ватагой лучших друзей, с улыбкой слушая рассказ одного из них. Навстречу им медленно приближалась группа девчонок. Он бросил взгляд на них. И вдруг... Словно молния пронзила его с головы до ног. Он остановился и за ним, как по команде, остановились идущие рядом друзья. Девушки тоже остановились. Он ошеломленно смотрел на Нее. Теплые, светло-карие, цвета цветочного меда глаза, которые она тут же прикрыла длинными загнутыми ресницами, прямой с горбинкой нос, нежные розовые губы. Голову покрывал светлый тонкий платок, из-под которого виднелись тяжелые каштановые косы. Одета она была в красивый коричневый «габо» (национальный костюм жителей Кавказа), отороченный серебряным кантом и застегнутый посередине на серебряные пуговицы. «Габо», видимо, был материнский, потому что был ей немного великоват. Старинной работы серебряный пояс стягивал тонкую талию, подчеркивая хрупкость телосложения девушки. Шаботай казался, что от нее исходит теплый, нежный свет. Такой и запомнил он ее на долгие годы.

Девушки засмеялись и двинулись дальше.

- Кто эта красавица?- спросил Шаботай друзей.

- Это ж Адаса. – удивился друг. Ее сестра вышла замуж за нашего соседа, и она часто приходит в наш махалле навестить ее. Неужели ты до сих пор не видел ее?

Шаботай покачал головой. Ему больше не хотелось гулять. Зачем просто так слоняться по улицам, ведь отец ясно намекнул ему, что пока он не закончит службу в русской армии, о женитьбе пусть и не думает. Он попрощался с товарищами и пошел домой.

- Пока я вернусь такую красавицу точно отдадут замуж!- думал он дорогой,- чем быстрее я ее забуду, тем лучше.

Через неделю наступило время сбора в армию. Юноши Еврейской слободки призывались в ряды русской армии сроком на три года. По обычаю в дом призванного в день отъезда заходили соседи, друзья, родственники и прощались

с ним. Старики говорили напутственные слова, женщины плакали. Шаботай уже немного надоело вскакивать и встречать очередного гостя во дворе, как вдруг.. Калитка приоткрылась, и маленькое солнышко тихонько проплыло во двор. Адаса! Она была в светлом ситцевом платье и светлом платке. Он поспешно подошел к ней.

- Адаса! Спасибо, что ты пришла проводить меня!

Она подняла на него медовые глаза. В волнении взяла в руки свою косу и начала теревить ее:

- Я была у сестры. Она сказала мне, что тебя забирают в армию.

- Не волнуйся, служба в армии - эта ли опасность для настоящего мужчины. Тем более, сейчас нет войны.

Она опустила взгляд и прошептала.

- Береги себя. Ты нам очень нужен... Мы будем ждать тебя...

Она легко повернулась и поплыла в сторону калитки. Когда она уже открывала ее, к нему вернулся голос:

- Кто это – мы? – спросил он.

Но в ответ увидел только нежную улыбку с легкой укоризной.

Он ошибся. Через несколько месяцев война все таки началась. Это была первая мировая. Он в составе Кавказской армии был переправлен через Черное море в Турцию. Их задачей было блокировать Босфор. Он посылал домой письма, написанные на иврите, где большей частью расспрашивал о доме, чем рассказывал о себе.

Там в Босфоре Шаботай встретил земляка и, сфотографировавшись с ним на память, послал две фотографии домой с просьбой отдать вторую фотографию семье земляка.

Шаботай вздохнул. Он вспомнил рассказ своей сестры Рахели об этих фотографиях.

Рахель возвращалась к себе домой. Отец прочитал ей письмо брата и просил передать фотографию земляка его родителям, которые жили по соседству с домом ее мужа. Вдруг прямо на улице к ней подошла девушка и поздоровалась. Она ее не сразу узнала.

- Здравствуй, Адаса.- удивленно сказала она.

- Ты была в доме родителей? Как они поживают?

- Слава Богу, хорошо,- Рахель удивлялась все больше и больше.

- А как братья и сестры, все здоровы ли?

- Божей милостью, все в порядке. Брат из армии фотографию прислал, где он снялся вместе с Исроилем, соседом мужа. Вот несу его родителям отдать.

В глазах девушки вдруг вспыхнул желтый огонь:

-А можно посмотреть?

- Конечно! Вот она.- Она вытащила завернутую в вышитую салфетку фо-

тографию. Девушка почти вырвала ее из рук, с любовью открыла салфетку, вынула фотографию и не смогла отвести от нее замороженного взгляда. Рахель поймала этот взгляд и все поняла.

- А он возмужал, повзрослел,- сказала Адаса, не отрывая от фотографии глаз

- Кто,- улыбаясь, спросила Рахель,- Исроил?

- Да нет, Шаботай, конечно, - она подняла взгляд от фотографии и увидев улыбающееся лицо Рахели вспыхнула.

- Кто-нибудь знает об этом? - в задумчивости спросила Рахель.

Девушка покачала головой.

- Если будет на то Божья воля, когда брат вернется, я скажу свое слово матери.

- Я прошу тебя, ты только до времени никому не рассказывай.

- Не волнуйся.

Шаботай опять вздохнул. Господи! Неведомы пути твои! Почему ты своими руками даешь и своими же забираешь?

Что было потом? Он мысленно перевернул еще две страницы в книге своей жизни.

Шел февраль 1917 года. Когда стало известно об отречении царя, большая часть Кавказской армии была перевезена через Черное море в Одессу. И оттуда, не дожидаясь приказа, они стали потихоньку разбегаться по домам, прихватив с собой оружие.

Через несколько недель он уже был дома. Отец давно ждал приезда сына и не удивился его внезапному появлению. Пока мать накрывала на шильхан (небольшой стол высотой примерно 50 сантиметров. За таким столом можно было сидеть на матрасах на полу), отец потихоньку рассказывал о жизни в слободке. А времена наступили смутные. Зажатая со всех сторон мусульманскими селениями маленькая Еврейская слободка при власти русского губернатора жила худо-бедно спокойно. После падения империи она осталась незащищенной и потому была легкой добычей для разбойников. Небольшие лезгинские отряды совершали ночные набеги на слободку, выбирая зажиточные дома. Они грабили, убивали, насиловали, а затем поджигали дома евреев и, вскочив на быстрых коней, скакали в горы. И хотя с мирным населением отношения у евреев были хорошие, разбойничьи банды никто не выдавал. Вернувшиеся с войны еврейские юноши стали собирать небольшие группы сопротивления.

- Но ты не волнуйся, - добавил отец, поднимаясь с пола.- Нас не тронут. Когда у моего отца была мельница, лезгины целыми семьями приезжали к нему молоть муку. И всем им он оказывал уважение и давал приют в своем доме. Такое не забывается. Ты немного оглядись, начни работать и вскоре

надо бы тебе жениться. Негоже мужчине быть неженатым, не достоин такой мужчина кинжал носить, да и по законам нашим это нарушение завета Божьего. Но к этому разговору мы еще вернемся

Отец ушел в синагогу, а мать села возле сына и стала расспрашивать его о войне. Но он быстро перевел разговор о поселке. Потихоньку расспрашивая о соседях: кто умер, кто родился, кто женился, кто вышел замуж, он как бы невзначай спросил, не вышла ли замуж Адаса, сестра жены соседа. Мать засмеялась:

- Не бойся, не вышла. Тебя, видно, ждет.

А через месяц они сыграли свадьбу. Свадьба была скромной: время было тяжелое. Не до гуляний. Перед свадьбой сказала мать Адасы Шаботай:

- Вот парень. Отдаю тебе дочь мою в жены. Пока тебя не было, в дом ко мне за ней не одна сваха приходила. Но мы ее не отдали. Все для тебя держали. Редко у наших по любви и согласию молодых женят, не хотели мы с мужем мешать счастью дочери. Дай мне слово, что будешь беречь ее, солдат.

И он обещал. Если бы знать, что будет! Видно на то была воля Божья.

Жить становилось все труднее и труднее. Все чаще мужчины приходили домой, не зная, чем кормить завтра семью. Народ нищал. Выходить в мусульманскую часть города становилось все опаснее и опаснее.

И только они вопреки всему были счастливы. Шаботай не мог налюбоваться на молодую жену. Она, как будто, не ходила, а плыла по земле. А когда она что-то делала казалось, что делает все спокойно и медленно, но работа почему-то продвигалась очень быстро. Когда она возилась на кухне, не было слышно грохота посуды. Создавалось впечатление, что она не касается ее руками, а кастрюли и горшки тихо и бесшумно сами моются в тазу и становятся на место. Дети и животные сами ластились к ней.

А главное, легкая, нежная улыбка почти всегда искрилась на ее лице. «Увидеть твою улыбку с утра,- говорила старуха-соседка, - сулит удачу на весь день».

Вскоре у его жены стал потихоньку расти живот, и Шаботай уже подумывал, где они поставят гуфору (люльку), когда все вдруг переменялось.

Однажды отец, придя из синагоги, не зашел в дом, а вбежал. Шабтай с удивлением посмотрел на него.

- О горе нам, сын мой, страшное горе пришло к нам. Сегодня в синагоге раби сказал, что турецкая армия входит в Азербайджан. Они идут по приглашению мусульманских лидеров. Раби сказал, что они обещали обратить всех евреев в мусульманскую веру, а кто не пожелает, уничтожить. О горе нам! Разве для того мы столько веков в муках и страданиях берегли свою веру, чтобы вот так потерять ее в один миг. И нет нам ниоткуда помощи.

Шаботай бросил взгляд на женщин, начавших рыдать. Только Адаса стояла, молча теребя уголок платка.

- Что же будем делать, отец?

- Люди рассказывали, что в Дербенте власть взяли большевики. Никто не знает точно кто это. Но достоверно известно, что они хорошо относятся к евреям и к беднякам. А мы как раз и те и другие. Да к тому же Дербент, это не Азербайджан, и турки туда не доберутся.

Он строго посмотрел на женщин:

- Перестаньте выть. Готовьтесь. Через два дня выходим.

- А как же дом, добро, нажитое годами? – закричала мать.

- Молчи, женщина! Наша единственное добро – наша вера, а тряпки и горшки можно купить новые! Собирайтесь!

Через три дня они вышли из дому, их было семь человек: родители, Шаботай с Адасой, старшая сестра, которая после того, как овдовела, вернулась в дом отца, младшая сестра-подросток и больной младший брат. Часть жителей поселка также как и они пошли в Дербент.

И потянулась цепочка беженцев на север. Они шли в надежде найти защитника веры их отцов, как будто в этом сошедшем с ума безумном мире кто-нибудь мог защитить кого-нибудь. Добравшись до Хачмаса, они долго ждали поезда на Дербент. А когда дождавшись, уставшие сели в общий вагон и заснули, не замечая ни разноязычного шума в вагоне, ни тесноты, ни запаха табака, перемешанного с запахом пота, ни августовской духоты.

Их высадили из поезда, не доезжая до Дербента, в сам город их не пустили, а поселили за чертой города вместе с другими беженцами в вагонетках, стоящих прямо на рельсах на запасном пути. То в одной, то в другой семье начали болеть старики и дети. Люди сначала объясняли это жарой и усталостью. Но когда один за другим стали умирать больные, они догадались, что пока скитались по дорогам, не заметили как старая, костлявая старуха незаметно примкнула к ним. Имя ее было холера.

Сначала умер младший брат, затем мать. Их похоронили на еврейском кладбище Дербента. Когда Шаботай читал кадиш над могилой отца, он чувствовал, что болезнь подобралась и к нему.

Адаса возилась возле него, когда вдруг не в силах больше терпеть, она легла на полу барака рядом с ним.

- Не бойся, мы умрем вместе,- прошептал он, взяв ее за руку.

Она вырвала свою руку из его :

- Нет, ты должен жить!- и вдруг, схватившись руками за живот, она прошептала: «Бедное мое дитя», вскрикнула и замолчала.

Когда он очнулся, то долго не мог понять: кто он, где он? Подняв голову Шаботай увидел сидящих на полу прижавшись друг к другу сестер.

- Где Адаса? - Спросил он слабым голосом.

- Два дня назад приходили в дом еврейские мужчины,- сказала старшая сестра осипшим голосом. Ее опухшее от слез лицо уже не отражало никаких

эмоций кроме усталости.- Они сказали, что солдаты велели на завтра собрать все трупы и сжечь. Нам больше не разрешают хоронить на городском кладбище. Но евреи не хотели, чтобы их родных сжигали как мусор. Эти мужчины забрали Адасу и похоронили с остальными в степи. Мужчины прочитали над ними кадиш и погребли по нашим законам.

- Где она? Я хочу видеть ее могилу! - Шаботай встал, качаясь.

Сестра равнодушно пожала плечами. События последних недель отняли у нее последние силы.

- Я знаю,- маленькая Шифра вскочила с пола.- Нам не разрешили идти. Но я все равно побежала за ними. Я все видела.

Старшая сестра, обхватив колени, равнодушно следила за тем, как Шаботай, напившись воды, пошатываясь, вышел из дому, опираясь на Шифру.

Когда они подошли к месту, она неожиданно остановилась.

- Кажется, я забыла. Там было несколько деревьев, а здесь одно. Там был один холмик, а здесь несколько. Я не знаю, где это.

Она села на землю и заплакала. Шаботай поднял голову к небу и мысленно вскричал:

- Господи, ты забрал ее у меня и не оставил даже могилы, у которой я смогу склонить колени. За что, Господи?

И тут к нему подошел один из поселковых.

- Ты слышал, говорят, что народ в городе ропшет, что мы несем им заразу. Говорят, что солдаты решили сжечь всех, кто остался жив вместе с бараками, все равно всем помирать. Надо убегать, Шаботай.

Он ушел. Шаботай задумался.

- Куда-то снова идти.. Зачем? Разве есть смысл в жизни?- И вдруг взгляд его упал на сестренку, с испугом смотревшую на него. Его смерть ведет за собой смерть сестер, так как некому будет о них позаботиться. Он должен жить, ведь он теперь им вместо отца.

А как же могила Адасы? Что ж, если Господь скрыл ее от меня, то я построю ей могилу в глубине души моей. Я буду навещать ее, когда захочу, и никто не сможет помешать мне.

В этот момент, как и каждый раз, когда он мысленно возвращался к этим воспоминаниям, в голове Шаботая прозвучал волшебный голос Бюль-Бюля, поющий знаменитый романс Узеира Гаджибекова на слова Низами «Сан-сиз» (Без тебя):

Поверь, красавица, мне, клянусь я встречей с тобой.

Горит в разлуке душа, боль все сильнее без тебя,

Хоть за меня спокоен будешь, родной мой цветок,

Нет покоя Низами, мир все темней без тебя,

Говорят, великий Низами написал это стихотворение на смерть своей любимой жены Рены.

Он взял сестру за руку и пошел прочь. Через несколько часов они втроем уже вышли на железнодорожную полосу. Он решил добираться поездом до Хачмаса. Денег у них не было. Где могли они ехать зайцем, когда их высаживали, шли пешком.

Голод и разруху видели они на своем пути. Причем плохо было всем: горцам и евреям, русским и азербайджанцем, бедным и богатым. Хорошо было только воронью поганому, что питалось падалью на дорогах, да лихим разбойникам, которые не боялись совершать разбои.

В октябре они добрались до Хачмаса. Здесь в одном из селений Шаботай познакомился с местным баем, который предложил ему поработать на сборе урожая. Шаботай согласился. Только попросил разрешения отвезти сначала сестер в родную слободку.

Старый дом встретил их угрюмо пустыми глазницами окон, покосившейся крышей. Внутри были только пустые стены. Сестры принялись приводить в порядок дом, когда зашедшая к ним соседка, опустив глаза, сказала.

- Зайди в дом родителей твоей жены, Шаботай. Там ждут тебя.

Она сидела с несколькими женщинами на матрасах на полу. Все женщины были в черных платках. Увидев его, женщина ударила себя по коленям и запричитала:

- Меньше года назад самый лучший цветок из своего сада дала я тебе, но ты не уберег его. Почему ты бросил в чужом краю жемчужину мою? Разве не обещал ты хранить и лелеять ее?

Женщина била себя по груди, а потом поднимала руки вверх, как бы призывая Господа в свидетели. Он слушал, опустив голову, а затем повернулся и вышел. Недостойно мужчины спорить с женщиной! Тем более, что эта женщина права..

Одна за другой переворачиваются страницы его жизни. Вот он отдал замуж сестер. Но негоже мужчине оставаться неженатым, такой мужчина недостойн носить кинжал! И он женился.

Шаботай вздохнул.

Сразу пошли один за другим дети. Жена его была прекрасной хозяйкой. В доме всегда было чисто. Дети ходили ухоженными и опрятными. Соседки часто приходили к ней за советом или помощью. И всем она помогала. Но...

Редко, ой как редко, улыбалась она. Всегда строгое лицо ее часто выражало только недовольство. А недовольна она была всем: детьми, мужем, правительством, погодой. А что-то не по ее: нахмурит брови, тонкая морщинка ляжет меж бровей, домашние стараются ей на глаза не попадаться, быть грозе. Каждое утро, когда она возилась на кухне и во дворе, стоял такой звон и грохот, как будто она старалась вылить на бессловесные предметы свое недовольство жизнью.

Память вновь листала книгу жизни его. Одна страница, другая, третья.-

Остановись!

Война. Весна 1945 года. Поселок жил по законам военного времени. Шаботай работал тогда сторожем в пекарне. Сюда привозили муку, Здесь же пекли и раздавали жителям хлеб по карточкам.

В тот день муку не привезли, и потому охранять особенно было нечего. Ночь была холодной, и Шаботай решил из своей будки не выходить, обход по территории не делать- воровать все равно нечего. Он сидел на табуретке и грел руки над небольшим мангалом, в котором тлели угли. Он немного задремал, как вдруг услышал стук в дверь. Шаботай встал, открыл дверь. Что за чудо? Перед ним стояла молодая женщина, одетая во что легкое и белое. Светло-карие, медовые глаза... Адаса?! Он хотел подойти к ней, но она остановила его жестом руки.

- Шаботай, выполни мою просьбу, пожалуйста. - Ее голос! Такой забытый и такой до боли знакомый!- Пойди к моей матери, сделай то, что она попросит. И помоги ей, в чем можешь.

Сказав это, она повернулась к нему спиной, сделала пару шагов и растворилась в ночи.

Он очнулся сидя на стуле, угли в мангале почти остыли. Но дверь не закрыта на замок. Значит, кто-то приходил? Или ему все приснилось? Он подождал до рассвета и пошел домой. Не заходя в дом, он вызвал жену во двор и рассказал о своем видении.

Она слушала молча, потом сказала только одно слово: «Подожди!»- и вернулась в дом. Через несколько минут она вышла уже одетая и пошла впереди него, сделав знак, чтобы он шел за ней. Всю дорогу они шли молча. Только у самого дома бывшей тещи, она произнесла:

- Женщины говорили, что при смерти старуха. Значит, не просто так дочь ее приходила

Дверь открыла невестка женщины:

- Шаботай? Так это тебя мать столько времени зовет! А мы всех родных перебрали. О тебе совсем забыли! Иди к ней.

Он подошел к постели.

- Шаботай? Ты пришел. Она передала тебе! Я не могу уйти, не сказав тебе «Прости!» Ты был прекрасным мужем и зятем, и не твоя вина, что Господь забрал мою дочь. Прости меня.

Женщина вздохнула и отошла... Он закрыл ей глаза и позвал женщин.

- Господи!- запричитала невестка.- Вот и мать умерла вслед за отцом. А у нас и ткани в доме нет, чтобы пошить саван!

Шаботай посмотрел на жену. Они до войны еще покупали ткань на прокорм. Жена его тогда заставила купить по случаю на базаре в Баку.

- Подождите, - сказала она. Морщинка привычно легла меж бровей,- у меня есть. Я сейчас принесу.

Что же я хотел сказать? Не помню..

Смутный образ вдали все ближе. Вот уже проступают знакомые черты. Адаса. Она в том же наряде, что он впервые увидел ее, только голова плотно покрыта платком, как и полагается замужней женщине.

- Ну что, дождался?- голос жены вернул его в этот мир. Он открыл глаза. Лицо ее было прямо перед ним. Морщинка меж бровей давно превратилась в глубокую борозду.- Все люди с радостью живут и с грустью умирают. А ты с грустью жил и с радостью умираешь. Что могла сделать тебе молодая девчонка, с которой ты и года не прожил, что имя ее ты шептал по ночам во сне. Почти пятьдесят лет мы вместе, сколько прожито, сколько пройдено,.. Почему же до сих пор ты, когда стонешь, в забытии имя ее зовешь? Разве не я родила тебе таких славных детей, разве не я отдала тебе всю свою молодость и жизнь?

Что это? Слезы льются из ее глаз? Сколько раз она плакала в жизни. Два? Я вспомнил! Что я хотел сказать!

- Прости меня!

Прости, что, отдав тебе дом свой, сердце оставил другой,
Прости, что, отдав тебе разум, мысли оставил другой,
Прости, что, отдав самого себя, душу оставил другой!
Прости меня!

Он закрыл глаза.

- Я иду к тебе, Адаса!

У меня сил больше нет, мне ли искать счастья с другой?

Ты же сказала мне, что «Нет счастливых дней без тебя»

Каждое художественное произведение принадлежит своему времени, своему народу, своей среде.

Г. ГЕГЕЛЬ

ПУБЛИЦИСТИКА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АГАРУНОВ Пётр

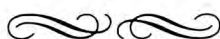
Родился в 1930 году в г. Куба. Окончил ВГИК, факультет кино-продюсеров. 5 лет возглавлял Народный горско-еврейский театр в Дербенте. Затем работал на телевидении Азербайджана и Таджикистана. Был избран Секретарём Союза кинематографистов Таджикистана.

В 1995 репатриировался в Израиль, проживает в г. Хадера.

Член редколлегии «Кавказской газеты», в которой постоянно публикуются его статьи, а также уникальные кроссворды, которые автор составляет на горско-еврейском языке.

Также рассказы, критические статьи и публицистические очерки Петра Агарунова публиковались в периодических изданиях Азербайджана, Дагестана, в газете «Новый рубеж» (США), в журнале «Миньян» (Москва).

Очерк «Это нужно не мёртвым, это нужно живым» написан им в содружестве с Пейсахом Абрамовым.

«ЭТО НУЖНО НЕ МЁРТВЫМ, ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ!»

Уважаемые читатели! Перед Вами две фотографии.

Первая - фотография Акпера Агаева, героя документальной повести Артура Лернера «Минута молчания», посвященной славному сыну азербайджанского народа.

Вторая - фотография горского еврея Талхума Юхаевича Сидгияева, висящая на стене в доме его жены Малки и матери Ливго. Невооружённым глазом видно, что на этих снимках изображён один и тот же человек. Так в чём же тут дело? Давайте попытаемся разобраться.

В газете «ВОСТОК» горско-еврейской общины Америки в 2002 году была опубликована статья Пейсаха Абрамова, племянника жены Талхума Сидгияева, в которой он пишет: «Мой рассказ об одном из тысяч представителей моего народа, совершавших героические подвиги на фронтах Отечественной войны, но оказывавшихся в тени, потому что их подвиги приписывались не тем, кто этого заслуживал. Об одном из них, Талхуме Юхаевиче Сидгияеве, уроженца города Баку, славном представителе горских евреев это рассказ».

А далее начинается почти детективная история, которую мы и предлагаем нашим читателям.

В начале 1960-х в редакцию Азербайджанской республиканской газеты «Бакинский рабочий» поступило письмо от сотрудника грузинской газеты «Батумский рабочий» А.Гургенидзе. Он сообщил, что совершенно случайно увидел у бывшего узника Бухенвальда Г. Мартыненко книгу «Сборник воспоминаний о концентрационном лагере Бухенвальде», изданную всего в количестве 60 экземпляров. «В книге, - писал А.Гургенидзе, - мое внимание привлёк небольшой рассказ о вашем земляке. И потому я перепечатал его на машинке и посылаю вам. Я убеж-

ден, что сказанное о нем, об этом изумительном и смелом человеке, особенно интересно для Азербайджана, чьим верным сыном Акпер остался навеки».

Вот этот рассказ из «Сборника воспоминаний...», выпущенном по решению русского военно-политического комитета «Бухенвальда» в 1945 году.

АКПЕР

С рассветом были обнаружены прорывы проволоки. Охрана лагеря засуетились, подняла шум. Но уже было поздно, шесть военнопленных ушли бесследно.

Они бродили по лесам, пашням, направляясь к фронту. Шли, не чувствуя усталости и голода, охваченные страстным желанием, быстрее добраться к своим.. Все было хорошо, но их заметили гитлерюнг (так в лагере называли «гитлерюгенд»), которые привели отряд полицейских. Беглецов задержали и бросили в тюрьму. пытки, допросы, избиения. Не добившись от крепкой натуры советского человека ничего, гестапо отправило всех шестерых товарищей в концлагерь...

Имя Акпера в Бухенвальде никому не было известно. Все хорошо знали Ивана. Он бывал среди русских товарищей на нелегальных вечерах. Он был честным советским человеком, безраздельно преданным своей Родине. В краткие часы отдыха Акпер любил рассказывать о своем родном крае черного золота Азербайджанской ССР. Он с восхищением рассказывал о своем родном городе Ордубаде. Где-то там, на улице Кирова, старуха мать все ожидает своего любимого сына.

Акпер Агаев в 1941 году окончил курсы младших командиров и отправил-

Акпер АГАЕВ

Талхум СИДГИЯЕВ

ся на фронт. Он бился с немецкими захватчиками, не зная страха. Но вот его часть попала в окружение, и Акпера постигло несчастье горше смерти. Он попал в плен.

Лагерь для военнопленных, черные мучительные дни. Голод, холод, нечеловеческие издевательства немцев. Подобрал группу товарищей, Акпер бежал из лагеря...

Он был бесстрашен. Проводя политическую работу в Бухенвальде среди заключенных товарищей, он порой пренебрегал тем, что надо быть осторожным. И вот нашелся подлец, который донес на Акпера в гестапо. В апреле 1944 года его вызывают на браму (главные ворота, где находилась канцелярия эсэсовцев) и ведут в политотдел гестапо. Его обвиняют в большевистской пропаганде в лагере. Смерть неминуема. Выручил блокочный немец (старший в блоке заключенных). Акпер, отделавшийся на этот раз получением двадцати пяти ударов, возвращается обратно в лагерь, но за ним устанавливается слежка шпики. Подпольная организация, чтобы спасти жизнь Акперу, посылает его на транспорт (так заключенные называли многочисленные маленькие лагеря - филиалы Бухенвальда). Он отправляется на транспорт в город Шверта. Лагерь заключенных здесь находился в непосредственной близости с лагерем, где содержались «цивильные» (не военные) граждане Советского Союза, насильственно увезенные в Германию.

Заключенным строго запрещалось общаться с «цивильными», но Акпер пренебрег этим. Он стал выяснять, откуда они, подбадривал их. «Наша возьмет!», - убеждал он их через колючую проволоку. Это заметил фашист. Он подозвал Акпера, ударил его палкой по лицу. Неожиданно палач заметил у Акпера на ремне пряжку, а на ней пятиконечную звезду.

- Кто тебе разрешил носить в Германии большевистскую звезду? - заорал эсэсовец.

Акпер собравшись с силами, спокойно ответил:

- Это звезда - наша свобода.

Как бешеный зверь, набросился комендант на заключенного, избивая его шлангом. Он бил Акпера до тех пор, пока не подошли другие эсэсовцы и не уволокли Акпера, потерявшего сознание. Мы не могли даже облить его водой, чтобы он пришел в чувства.

Подошла крытая машина, и Акпера бросили в кузов. Спустя пять часов он был доставлен в Бухенвальд и повешен в крематории.

Мы, товарищи Акпера Агаева, узнав о его смерти, поклялись отомстить проклятым бандитам.

Г.БОЙКО

Это письмо и рассказ, содержащийся в нём, привел в восторг редакцию газеты «Бакинский рабочий». Ещё бы, это же сенсация, еще один нераскрытый подвиг. Материалы были сразу же переданы для розыска и выяснения личности «Акпера» журналисту Артуру Лернеру.

Прежде чем побывать на родине героя, автор решил сам увидеть «Сборник...»

и его хозяина Г. Мартыненко. Он отправился к Г. Гургенадзе, который, как и Мартыненко, проживал в Батуми.

Журналисту посчастливилось не только увидеть книгу собственными глазами, но и побеседовать с её хозяином, который хорошо помнил Акпера.

- Акпер был высокий, худощавый, черноволосый, - вспоминал Г. Мартыненко. - Лет примерно 20-22-х. Пел красиво. Говорил с восточным акцентом. Пару раз ходил на задания, отчаянный парень, ненавидел фашистов. А уж что касается своих подлецов - предателей, то вовсе не мог терпеть... Горячился в таких случаях. Однажды из-за этого упустил одного из негодяев. Как-то Иван (до гибели мы и не знали, что настоящее его имя Акпер) разоткровенничался, говорил о себе, об Ордубаде, о матери...

Итак, убедившись в достоверности информации, увидев книгу, побеседовав с очевидцем, журналист Артур Лернер начались поиски Акпера в Азербайджане. Он искал Акпера, проживавшего в Ордубаде на улице Кирова и призванного оттуда на фронт.

Артур Лернер дает запрос в милицию города Ордубада и получает ответ, что на улице Кирова никогда и никакой Акпер Агаев не проживал.

И, тем не менее, журналист решает опубликовать все известные ему факты в документальной повести «Минута молчания», а, кроме того, на основе своей повести готовит передачу на телевидении.

«Для семьи Талхума Сидгияева,- пишет Пейсах Абрамов, - вся эта история начался в мае 1963 года.»

В Красной Слободе, в Баку и в пригороде Баку, в поселке Бузовны, многие были страшно взволнованы: с первой страницы телевизионной программы на них смотрело знакомое и очень родное лицо - лицо дорогого всем им Талхума.

Радость, слезы, гордость! Но в чём дело? Рядом с фотографией объявление о запланированной телепередаче под названием «Кто ты, Акпер???». И ещё заметка, в которой сообщается, что 16 мая 1963 года будет транслироваться передача, посвященная герою - фронтовику Акперу Агаеву!

Вообразите ситуацию: отчаяние, удивление, звонки родственникам и друзей. И все в полном недоумении!

Немедленно съехала вся родня. Все привезли сохранившиеся у них фотографии Талхума, и в Бакинский телецентр направилась целая делегация.

Какова была реакция работников телестудии на идентичность лиц на фотографиях сейчас уже передать невозможно. Все, начиная с редакции передач на военно-патриотические темы и кончая дикторами и ведущими телепрограмм, уже подумывали о том, что, видимо, передачу надо будет отменить до выяснения обстоятельств. И всё же... Дирекция решила сослаться на автора и ведущего этой передачи Артура Лернера и предложила родственникам Талхума прежде всего встретиться с ним.

Состоялись многочасовые переговоры, но никакие доводы и убедительные просьбы семьи отложить передачу до выяснения обстоятельств не возымели действия. И вот 16 мая 1963 года в эфир Азербайджанского телевидения вышла

программа «Кто ты, Акпер?», в которой подводился итог почти годового интенсивного труда сотрудника газеты «Бакинский рабочий» А.Лернера, выяснившего личность героя концлагеря «Бухенвальд», мужественного сына Азербайджанского народа, совершавшем беспримерные подвиги и оказавшегося уроженцем города Ордубады. А вскоре была издана и книга того же А. Лернера – документальная повесть «Минута молчания».

С момента той злополучной телепередачи прошло более сорока лет. Семье Талхума тогда так и не удалось ничего никому доказать.

Поднимая данный вопрос уже в 2002 году на страницах американской газеты, Песах Абрамов вовсе не желает принизить подвиги славных сынов

Азербайджана, героически сражавшиеся бок о бок с другими народами на фронтах Отечественной войны. Доказательством тому - десятки и десятки Героев Советского Союза - азербайджанцев.

Автор статьи поднимает совершенно другую проблему. И дело тут даже не в журналистской этике. Можно, конечно, сослаться на то, что автор повести и телепередачи Артур Лернер не вник глубоко в суть дела, попавшего в его руки, не захотел отказываться от уже готовой передачи и т.п.

Но ведь проблема тут гораздо глубже, чем просто недобросовестность журналиста.

Господин Лернер, да и другие работники телестудии наверняка знали, что, попадая в плен, многие евреи выдавали себя за кого угодно, только не за евреев. Это было вопросом жизни и смерти. Так случилось с горским евреем Соломоном Соломоновым, назвавшим себя Салманом Салмановым. Так было с героем книги «Черный капитан», легендарным разведчиком Мигдаши Хизгиловым, выдававшего себя за азербайджанца Мигдаля Абдуалиева, и со многими другими.

И дело не в том, что господин Артур Лернер не захотел как следует выслушать родных и близких Талхума Сидгияева. Хочешь или не хочешь, но приходишь к выводу, что ему просто не выгодно было вести дальнейшее расследование. Для него - Артура Лернера, еврея, сотрудника республиканской газеты «Бакинский рабочий» гораздо престижнее было написать о неизвестном герое азербайджанского народа, чем о горском еврее. А уж признаться в своей ошибке в данной ситуации для него было совершенно невозможно. В подтверждение можно привести последние слова, сказанные журналистом в разговоре с семьей Талхума:

Талхум СИДГИЯЕВ

- Я искал почти полтора года, но ничего реального в Ордубаде мне выяснить не удалось. Вернуться с пустыми руками, без материалов, я не мог. Ни одна редакция мне бы этого не простила. А сейчас тем более я не имею права заявить, что этот человек не Акпер из Ордубада!

Но вы, родные и друзья, должны поблагодарить меня за то, что я выявил для вас вашего «без вести пропавшего» Талхума!

Стоит ли винить этого журналиста? Пожалуй, нет. Редкий человек на месте господина Лернера в те времена поступил бы по-другому. Историческая справедливость - вещь, конечно, хорошая, но своя рубашка ближе к телу, как говорится. Это понятно всем, кто жил в условиях тоталитарного режима СССР.

Но нам, авторам этой статьи, всё-таки хотелось бы даже по прошествии долгих лет эту справедливость восстановить. Мы хотим донести до людей правду о замечательном человеке, настоящем герое, мужественном воине, Талхуме Сидгияеве, в память о нём и в знак уважения к его семье, для которой Талхум навсегда по официальным документам остался в числе как «пропавших без вести».

Нам, видимо, никогда не удастся узнать, как к Талхуму попали документы Акпера. Можно только догадываться, что они служили в одной части, в момент гибели Акпера они могли быть рядом, и Талхум - горский еврей, чувствуя безысходность положения и вероятность попадания в плен, мог воспользоваться документами погибшего друга и выдать себя за азербайджанца Акпера из города Ордубада. Такое на войне случалось и не раз. А может и не было никакого Акпера, и Талхум просто выдумал это имя, чтобы выжить? Как всё было на самом деле, теперь уже невозможно не выяснить, не доказать.

Единственным, но неоспоримым доказательством того, что в книге узников Бухенвальда описаны подвиги Талхума Сидгияева, выдавшего себя за Акпера, являются эти фотографии. И пусть бывшие товарищи по концлагерю называют его Акпером, все родные и близкие совершенно точно знают - это Талхум. А значит, он не пропал без вести.

НА КОНЦЕРТЕ АЛЬБЕРТА МАМРИЕВА

ДАВИДОВ
Вячеслав

*Родился в Москве в 1946 году.
Мать - горская еврейка, уроженка г.Куба.*

Окончил Московскую консерваторию по классу гобоя. Работал преподавателем в московских музыкальных школах, училищах и в течение 15 лет на Военно-дирижерском факультете при Московской консерватории, где защитил кандидатскую диссертацию.

Репатрировался в 1951 году. Стихи начал писать в 25 лет. В Израиле подтвердил степень доктора искусствоведения и выпустил три книги стихов: «Союз двух муз» (1996), «Россия издалека» (1996) и «На своей земле» (2001).

Регулярно публикуется в израильской периодической печати, альманахах и журналах. Активно занимается журналистской и краеведческой деятельностью.

Член Союза писателей Израиля с 1999 года.

С 2003 года является членом редколлегии и постоянным автором «Кавказской газеты».

К числу тех, кем вправе может гордиться горско-еврейский народ, можно отнести замечательного пианиста нашего времени, уроженца города Дербента Альберта Мамриева. Гражданин Израиля и житель г. Сдерот, он регулярно выступает и с сольными концертами, и в сопровождении оркестра. Его концерты с неизменным успехом проходят как в нашей стране, так и за её пределами.

Первые уроки игры на фортепиано Альберт получил в раннем детстве у своего отца Якова, заложившего правильную основу для его дальнейшего музыкального совершенствования. А в дальнейшем Альберту посчастливилось повстречать на своём восхождении к музыкальным вершинам ещё трёх учителей, сыгравших решающую роль в становлении Мамриева как пианиста-виртуоза. Первым следует назвать профессора Александра Бакулова, ставшего педагогом Альберта в специальной музыкальной школе при Московской консерватории. Затем, будучи студентом Московской консерватории им. П. И. Чайковского, он совершенствовался под руководством профессора Сергея Доренского.

Репатриировавшись в 1995 году в Израиль, Альберт продолжает обучение в Тель-Авивской академии музыки им. Рубина и защищает здесь вторую степень по музыкальному исполнительству под руководством профессора Арье Варди. Под руководством А. Варди он продолжает оттачивать своё исполнительское мастерство в Высшей музыкальной школе в Ганновере (Германия). Там молодой талантливый пианист в нынешнем году защитился на Первую докторскую степень.

Исполнительское искусство Альберта Мамриева было отмечено многочисленными на-

градами на различных престижных международных конкурсах: он удостоен первого приза на конкурсах в Мадриде (1998) и Тель-Авиве (Клермонт), занял 4 место в Шотландии (2001), 5 место в Южной Африке (2004) и др. Особенно трудной и почётной была последняя победа пианиста на Международном конкурсе в Китае (2004), где он занял второе место.

Надо сказать, что А. Мамриев постоянно выступает со многими известными оркестрами в крупнейших залах Израиля и разных стран мира. Мне посчастливилось побывать на одном из последних сольных концертов Альберта, состоявшемся в зале «Клермонт» Тель-Авивской академии музыки. В программе концерта значились сочинения Ф. Листа, его транскрипции отрывков из опер Р. Вагнера и знаменитый «Свадебный марш Мендельсона».

Музыканты знают, что исполнение музыки и обработок Листа является показателем «высшего пилотажа» в искусстве фортепианной игры. Крупнейший пианист и дирижёр Д. Баренбойм в своей книге «Жизнь в музыке» пишет, что пианизм Листа связывает четыре фортепианные школы: немецкую, французскую, итальянскую и русскую.

В игре А. Мамриева, как воспитанника двух школ – русской и немецкой, проявляются соответственно виртуозное и интеллектуальное начало. Кроме оригинальных сочинений Листа «Часовня Вильгельма Телля» и «Пастораль», пианист блестяще исполнил его произведения в собственной обработке: «Гроза», «На Валленштадтском озере» и «Полонез» №2 Ми-мажор.

Большое место в программе концерта было отведено произведениям Р. Вагнера. Известно, что в Израиле существует неофициальный запрет на исполнение музыки Вагнера, которая служила духовным оружием в фашистской Германии. Д. Баренбойм делал в Израиле несколько попыток исполнения сочинений Вагнера, но они – эти попытки, оканчивались скандалом. На мой вопрос, почему он избрал для своих концертов произведения именно этого композитора, Альберт ответил, что Вагнер для него стоял на втором месте, а на первом был Лист. Ис-

полнитель стремился показать слушателям на фортепиано оркестровое звучание вагнеровской музыки в транскрипциях Листа.

А. Мамриев поистине с виртуозным блеском и подлинной артистической свободой исполнил отрывки из опер «Риенци», «Летучий голландец», «Лознгрин» и грандиозную увертюру к опере «Тангейзер». Программу концерта достойно завершило исполнение Свадебного марша Мендельсона в обработке Листа-Горвца-Мамриева. А на бис был исполнен труднейший этюд №1 Ф. Шопена.

Не могу ни привести мнение об игре А. Мамриева, высказанное после концерта этого пианиста в кибуце «Негба», композитором Меиром Минделем: «Альберт как пианист – очень глубокая личность, затрагивающая своей игрой струны нашего сердца. Года три назад он поражал нас своей техникой, а теперь в его игре обнаружились глубина и изящество интерпретации. Его рояль просто поёт, а игра всегда интересна, ибо в ней присутствует мысль».

За время своего пребывания в Израиле А. Мамриев провёл для студентов Тель-Авивской академии музыки мастер-класс, поскольку он имеет уже большой педагогический опыт благодаря работе ассистента профессора в Высшей музыкальной школе в Ганновере, где он живёт в настоящее время. В Германии Альберт наладил тесную связь с еврейской общиной, для которой проводит серию камерных концертов «Интермеццо с Альбертом».

У Молодого музыканта обширные творческие планы. Возрос его интерес к транскрипциям оркестровых сочинений Вагнера, а также к дирижёрскому искусству. Так пожелаем же ему новых творческих побед на избранном пути!

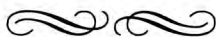
ЕЛИЗАРОВ
Михаил

Родился в 1949 году в г. Грозный, где и прожил до самой репатриации в Израиль. Окончил Красноярский техникум бытового обслуживания по специальности модельер-закройщик и факультет военной журналистики в Высшей партийной школе в Москве.

В 1993 г. репатрировался с семьёй в Израиль. Живёт в г. Ор-Акива.

Многие годы собирает материалы по истории города Грозный и истории горско-еврейской общины Грозного. Готовит к публикации книгу.

С 2001 года постоянный автор и член редколлегии «Кавказской газеты».

Жизни, зачёркнутые войной

Война есть война. С жертвами, заложниками и искалеченными человеческими судьбами. Жертвы среди мирного населения города Грозного появились в первый же день войны. Люди просто не успели выехать, не смогли укрыться и погибли во время первой же бомбардировки, и эта трагедия глубоко засела в сердцах родных и близких, оказавшихся очевидцами страшных событий.

Ханукаеву Лиду знал каждый горский еврей Грозного. Она была первой помощницей на любых торжествах, все для неё были родственниками, близкими людьми, всем она сочувствовала и помогала. Редко встретишь такого доброго и отзывчивого человека, каким была Лида.

Выросла она на еврейской слободке, с детских лет познала нужду, работать начала очень рано и почти 40 лет проработала на ТЭЦ. В 1961 году за свою добросовестную работу она получила от производства квартиру на Окружной. Грозненцы помнят, как далеко это находилось от центра города, и там не менее Лиду всегда можно было встретить на всех мероприятиях горских евреев грозненской общины.

Она погибла 31 декабря 1994 года, в первый же день военных действий в Грозном. Мне удалось встретиться с её сыном Ханукаевым Юрой, который, пройдя через кошмарный ад современной войны, сумел выбраться оттуда и сейчас живёт в Нетивоте. Он был свидетелем трагической гибели матери, сам получил ранение, но чудом уцелел.

- Юра, я понимаю, что тебе трудно и больно, и всё же Расскажи, если можешь, как всё было, и что произошло с вами?

- Знаешь, память, как в кинохронике, уже много лет прокручивает одни и те же кадры: руины разрушенного города, тысячи трупов на искореженных улицах, горящие дома. И уцелевшие люди мечутся в поисках укрытия, пищи и воды.

Ещё за год до этих страшных событий мама перебралась ко мне. Я жил тогда на Первомайской. Она пришла со слезами на глазах и рассказала, что её замучили соседи. Они приставали к ней, кричали, ругались и постоянно пугали, что вот, мол, недалёк тот день, когда она оставит свою квартиру вместе со всеми вещами и уберётся отсюда, потому что на территории Чечни всё для чеченцев, а она и ей подобные пусть убираются в Израиль. Я тогда сразу же забрал её к себе.

Война началась внезапно. Утром 31 декабря я пошёл за водой (воды в домах тогда уже не было), и вдруг началась бомбардировка: над городом с диким воем летели российские самолёты, кругом раздавались взрывы, а по улицам к центру города с рёвом неслись российские танки и БТР.

Я побежал обратно к своему дому, но войти не смог: во дворе стоял БТР и стрелял по домам. Один снаряд попал и в наш дом. А потом машина уехала.

Ханукаева Лида с внучкой

Кругом полыхал огонь, раздавались душераздирающие крики. Я забежал в подъезд своего дома, заскочил в квартиру и увидел страшную картину: на полу в кухне лежало обезображенное растерзанное тело моей мамы. Позже я узнал, что в соседней квартире были убиты 7-летний ребёнок, его мама и дедушка. Это были первые жертвы войны, которая продолжается и по сей день.

Больно и трудно рассказывать об этом (глаза Юрия наполнились слезами). 3 дня трупы погибших находились в квартирах. Мы не знали, что делать. Хотели повезти на кладбище, но люди стали говорить, что кладбище якобы заминировано. И тогда мы решили выкопать общую могилу во дворе и похоронили в ней всех погибших. Среди них была и моя мама.

Я был тогда в состоянии полного шока, абсолютно не осознавал происходящего, совершенно не понимал, что нужно делать дальше, как жить. К тому же у меня было пулевое ранение в локоть правой руки, и соседи начали говорить, что мне нужна срочная медицинская помощь, иначе может начаться гангрена. Необходимо было любыми путями выехать в безопасную зону. Что и говорить: мир не без добрых людей. Огромное спасибо моим соседям и многим другим людям, оказавшим мне помощь. Благодаря им, я выбрался из полыхающего воюющего города, через блокпосты добрался до железнодорожного вокзала г. Прохладного, где мне оказали медицинскую помощь. А

потом как в калейдоскопе: Нальчик, Пятигорск, Минводы, оформление документов и выезд спецрейсом в Израиль. Так закончилась моя трагическая Кавказская одиссея.

Страшные события тех дней не обошли стороной и довольно благополучную семью Богатырёвых, проживавшую в Грозном чуть ли не со дня его основания.

Василий Богатырёв – один из сыновей Богатырёвых Гавруша и Розы жил со своей семьёй в центре города. Он много лет проработал на центральном рынке в мясном магазине. В городе его знали многие, он пользовался большим уважением не только у горожан, но и у чеченцев из близлежащих сёл и аулов, среди которых у Василия было очень много друзей.

Интересный он был человек. Говорил всегда уверенно, но негромко и с остановками. Характер у него был покладистый, я бы даже сказал – артистично покладистый. Таких, как он, называют любимцами общества. В нём подкупали артистизм, искромётное чувство юмора и добродушие. В любой разговор он умел с лёгкостью вернуть анекдотец или смешной случай. Любую ситуацию, даже если собеседник настроен агрессивно и скандально, Василий умел привести к мирному исходу.

Василий Богатырев

Он был моим родственником, и мне всегда было очень интересно с ним беседовать – он обладал широким кругозором, у него многому можно было научиться.

Когда зимой 93-го я с семьёй уезжал из Грозного, Василий и его отец Гавруш (для меня дядя Гриша) пришли к нам домой попрощаться. Обводя тоскливым взглядом стены пустой квартиры, Василий сказал: «Вот и вы уезжаете. Счастливого пути. Скоро и мы тоже поедem».

Никто из нас тогда не знал, да и не мог знать дальнейшего хода событий. Я даже и предположить не мог, что вижу их в последний раз. Кто мог предвидеть, что летом 94-го в Хасавюрте умрёт дядя Гриша (вечная ему память), а в первых числах января 95-го погибнет Вася и его мать тётя Роза.

Сейчас трудно сказать, что помешало им выехать до начала трагических событий, что их удержало в Грозном. Видимо, судьба.

Как я уже говорил, 31 декабря 1994 в город вошли танки и БТР, и началась бомбардировка с воздуха. В первых числах января 1995 в центре города шли ожесточённые бои. Мирные жители стали жертвами и заложниками этой политической заварухи.

Дом Богатырёвых находился буквально в ста метрах от здания бывшего

Обкома партии, который теперь назывался Президентским дворцом. В нём находился Дудаев, и именно туда были направлены большие силы российских войск для уничтожения этого района.

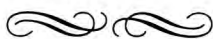
В один из дней кто-то сообщил, что вот-вот опять начнётся бомбардировка. Испуганные люди, расталкивая друг друга, устремились к подвалам, чтобы хоть как-то укрыться. Василий стоял у входа в подвал, пропуская вперёд стариков, женщин и детей. И вдруг раздалась автоматная очередь. Стреляли по людям, бегущим к подвалу. Несколько пуль попали в спину Василия Богатырёва. Его безжизненное окровавленное тело люди затащили в подвал. Жена и дети не могли поверить в случившееся.

Когда бомбардировка закончилась, соседи предложили похоронить Васю тут же во дворе. Но жена и дети отказались, они решили похоронить его как полагается, по всем обычаям горского еврейства, а для этого необходимо было найти возможность вывезти тело из города.

Мать Васи, которой было уже за 80-ть, жила неподалёку. Узнав от людей, что с сыном что-то произошло, она помчалась к его дому. Задыхаясь, вбежала в квартиру, увидела тело сына, упала рядом с ним на колени. Все попытки поднять её были напрасны. Прорыдав так несколько часов на теле сына, она умерла. Ситуация сама по себе страшная, а если представить себе состояние семьи, на руках у которой оказалось теперь уже два покойника, просто дрожь пробивает.

Больше недели все родные и знакомые искали пути и людей, которые могли бы вывезти тела Василия и его матери из Грозного. И, в конце концов, им удалось договориться со знакомыми чеченцами, которые помогли добраться до ближайшего российского блокпоста. Тела погибших пришлось волочить до блокпоста на листах фанеры. Там у руководства российских войск удалось получить разрешение на вывоз и БТР, на котором тела были доставлены в Моздок и помещены в морг. Уже из Моздока связались с родственниками в Пятигорске, те немедленно приехали, забрали тела и организовали похороны. Хоронили Василия и Розу Богатырёвых по всем горско-еврейским обычаям на еврейском кладбище в Пятигорске почти через месяц после их смерти. На похороны собралось огромное количество людей, все были просто потрясены трагической судьбой этой семьи.

Вечная память всем безвинно погибшим в те страшные дни. Пока мы живы, мы будем помнить их и эту безобразную, бесчеловечную бойню, искалечившую жизни многих семей.

Кавказский пленник

Немало представителей горско-еврейского народа, особенно жителей Грозного, чеченские бандиты брали в плен с целью получения выкупа с их родственников.

Одним из таких заложников стал мой земляк Семен Елизаров, прошедший все тяготы чеченского плена. Я записал его рассказ. Вот он перед вами.

... Шел 56-й день, с того момента, как я попал в заложники, в адскую круговерть чеченско-бандитского беспредела. За эти дни, которые мне пришлось провести в подвале, я мысленно перебирал все события, анализировал обстоятельства, чтобы понять, как и почему я мог здесь оказаться?

20 октября 1997 г. я как обычно в 8.10 вышел из дому на работу. В метрах 15-20 от моего подъезда находится арка, через которую я каждый день выходил на проспект Ленина к автобусной остановке. Я подошел к арке, и увидел, что её перегородил «Жигуленок» белого цвета без номеров. Я не придавал этому значения, потому что под аркой часто стояли машины. Но стоило мне приблизиться, как задние двери машины открылись и из них выскочили два парня в камуфляжной форме с пистолетами в руках. Они были на голову выше меня, крепкого сложения.

Все произошло в считанные секунды. Схватив меня за руки, парни приказали сесть в машину, а в ответ на мои сопротивления, скрутили руки, надели наручники и стали запихивать меня на заднее сидение. Водитель направил на меня автомат. Я понял, что силы не равны, сопротивляться бесполезно и влез в машину. Похитители спихнули меня на пол и приказали молчать. Машина резко тронулась. Приподняв голову, я увидел в окно силуэты проходящих людей, попытался крикнуть и позвать на помощь, но тут же получил резкий удар по голове.

Очнувшись, я почувствовал сильную боль в голове и тяжесть в боку от впившегося в меня дула пистолета. Я валялся под ногами у похитителей. Руки были в наручниках, лицо в крови, тело как будто в корсете. В общем, состояние мое было скверным.

Похитители еще не поняли, что я пришел в себя, а я, не подавая признаков жизни, старался осмыслить, что же все-таки произошло. Мысли путались. От удара голова была как будто не моя, ужасная боль не давала сосредоточиться.

Прошло некоторое время прежде, чем мне стало чуть легче, и я начал понимать и осмысливать все происходящее. Первая мысль, которая мучила меня в тот момент: «Кто же меня подставил?»

Целый день меня возили по городу, а когда начало темнеть, машина выехала за город. Мы проезжали мимо блокпостов, останавливались на заправке, но никто даже не заглянул в машину. Я понял, что у бандитов, как говорится, «все схвачено, за все уплачено».

Приехали селение, заехали в какой-то двор. Вытащив меня из машины, похитители завязали мне глаза. Зачем? Я и так не мог понять, где нахожусь, и еле стоял на ногах. Меня схватили за руки и поволокли куда-то. Открылось что-то железное, как я догадался по звуку, меня затащили вовнутрь и сняли повязку. Я увидел, что нахожусь в подвале. Наручники тоже сняли, но предупредили: «Будешь шуметь или попытаешься убежать, пристрелим как собаку».

Обыскав меня, отобрали все: часы, деньги, документы. Затем вошли еще два человека с автоматами, и похитители сообщили, что это мои охранники, и если я вздумаю бежать или что-либо предпринять, то пристрелят меня именно они. И еще: бандиты отвели мне срок. Оказывается, если за 60 дней они не получат за меня выкуп, то просто убьют меня и выбросят в ущелье.

Через некоторое время охранники принесли старый матрац, грязный кусок ткани вместо одеяла бросили всё это на топчан и ушли. Я лег и стал обдумывать свое безнадежное положение. Я никак не мог заснуть, всевозможные мысли одолевали меня, да и лежанка моя была не совсем подходящей для сна - несколько корявых, сбитых между собой досок, лежавших на двух автомобильных камерах. Я не знал еще, что это будет самым удобным местом в подвале, где мне придется находиться почти два месяца.

Прошло два дня моего пребывания в подвале. Два раза в день ко мне приходили мои охранники с автоматами, приносили еду и сигареты. И каждый раз, когда я слышал, что открывается дверь, в голове была одна мысль - пришли меня пристрелить. Неизвестность и неопределенность мучили меня.

Я пробовал заняться самовнушением, чтобы восстановить немного душевные силы. Попытался заговорить с охранниками. Один, который постарше, относился ко мне более человечно, чем молодой. Он сказал, что ничего не знает, что они просто охранники. Второй был помоложе и на мои попытки завязать контакт мог стукнуть прикладом автомата, приложиться кулаком, ударить ногой - это, видимо, доставляло ему большое удовольствие.

Трудно передать все издевательства, которые пришлось пережить. На третий день вечером явились несколько человек. В одном из вошедших я узнал своего похитителя. В руках у него была папка с документами, которую они отобрали у меня в момент захвата. Они стали задавать мне вопросы: что это за папка и с кем я работаю. Я ответил, что там все написано. Тут же раздался крик: «Будешь себя плохо вести, и так с нами разговаривать, - пристрелим, но прежде вырвем тебе правый глаз». И я тут же получил удар в область правого

глаза, пошатнулся, но устоял на ногах.

В подвал спустился еще один бандит, подошел ко мне поближе и заорал: «Хватит валять дурака». Он, как я понял, был посредником, хорошо осведомленным о моих делах и о моей семье. Тыча пальцем в папку он вопил: «Мы изучили ее и поняли, что это огромное состояние. Оно во много раз больше, чем мы за тебя требуем. Ты ничего не стоишь, а здесь миллиарды, ты должен помочь нам их получить - это твое спасение».

Я старался ему объяснить, что это только бумаги, а деньги переводят со счета на счет. Но мои объяснения никого не убедили. «Нам нужны деньги», – кричали они. И, как бы между прочим, сообщили, что созвонились с моим сыном и дочерью, сын уже приехал, и они требуют за меня всего-навсего миллион долларов.

Я сказал, что если бы у меня были такие деньги, я уже давно уехал бы в Израиль. Но, к сожалению, ни у меня, ни у моих родственников таких денег нет. «Собака,- заорал один из них и ударил меня, - у тебя в Нальчике есть заправка. Мы точно знаем, что у тебя есть деньги, большие деньги, где твои деньги?!». И последовали удары, я упал.

Очнувшись, я привстал, выпрямился, вытер кровь с лица и губ и сказал:

- Ну, вы, ребята, даете! Если у меня в Нальчике заправка, и есть такие большие деньги, что я делаю здесь, в Грозном? Жду, пока вы меня похитите?

- Хорошо, - сказал один из них, - тогда назови имена и адреса своих хороших знакомых в Грозном, которые могли бы помочь тебе и заплатить за тебя.

Я немного пришел в себя и сказал им, что у меня, действительно, есть хорошие друзья в верхах, и они будут меня искать. Я дал координаты своего начальника Грозненского пуско-наладочного управления Аслана Якубова и министра промышленности и энергетики Чечни. Он был моим однокурсником. Мы встречались с ним примерно за месяц до похищения, и он тогда сказал: будет нужна какая-то помощь, обращайся.

На помощь моего начальника я особенно не рассчитывал, хотя у него и было много родственников в команде Масхадова. Больше я надеялся на своих однокурсников Даура Ахмадова - ректора института и Руслана Мурдаева - министра.

Прошла еще неделя, но никто не появлялся. По ночам стало холодать. Из жалости ко мне, один из охранников, который был постарше, провел мне шланг от газовой плиты, один конец шланга подключили к газовой плите, а другой конец вывели ко мне в подвал. Это стало для меня и светом и теплом. Спать было невозможно, а если и удавалось заснуть, то снились мне одни кошмары.

Прошло еще несколько дней. Однажды вечером дверь открылась. На пороге стояли мои похитители и посредник. Они были вооружены автоматами, которые небрежно держали в руках. И сразу вопрос: подумал ли я, кто еще мог бы за меня заплатить?

Посредник сообщил, что приехали моя дочь с мужем и ребенком. Я вздрогнул, но постарался взять себя в руки и как можно спокойнее им объяснил, что у детей денег нет, и продавать им тоже нечего. Я просил, чтобы их отпустили домой, а там, может быть, кто-нибудь им поможет. В ответ удары, угрозы, брань.

Внутренне я понимал, что терпению моих похитителей приходит конец. Мысль о собственной смерти меня почти не тревожила, я знал, что это неизбежно. Гораздо больше меня беспокоила судьба моих детей и внуки. С этого момента я почти не спал и думал, что дети мои в руках бандитов, на порядочности и моральные качества которых надеяться не приходилось.

Мне снились кошмары, снилось, как они издеваются над моими детьми. В таком состоянии я провел еще неделю. Но кроме охранников ко мне никто не приходил.

Меня пронзила счастливая догадка: они блефуют, детей у них нет, и за деньгами к ним они не ходили. Видимо, надеются получить деньги через мое управление, поэтому меня до сих пор и не убили. Эта мысль успокоила меня.

Я знал, что внести за меня такую сумму, и даже сумму гораздо меньшую, некому, значит, меня расстреляют и выбросят в какое-нибудь ущелье. В этом варианте я был уверен на 99 процентов. И только 1 процент я оставлял на то, что с божьей помощью или благодаря исключительному случаю меня кто-то высвободит. Поэтому я психологически подготовил себя к худшему варианту.

По чистой случайности, под подкладку моего пиджака завалилось удостоверение ветерана труда. А это документ! На нем сохранились фотография, фамилия, имя, отчество. От пачек сигарет я отрывал чистую сторону, писал прощальные записки детям и прятал их в одежде и в обуви. Я решил, что если меня казнят и выбросят тело, то по удостоверению его можно будет опознать, и записки, может быть, передадут моим близким.

Похитители появились в конце ноября. Один из них сказал, что приехали еще какие-то мои родственники и привезли 500 тысяч долларов. Я ответил: если кто-то дал за меня столько денег, возьмите их и отпустите меня. Мой ответ, видимо, задел их за самое больное. Опять начались крики, последовало несколько ударов в лицо, грудь, ноги. Я упал. Один из них поднял меня за грудки, и, удерживая одной рукой, двумя пальцами другой вертел перед моим правым глазом.

- Мы сами знаем, сколько нам за тебя взять, - со злобой орал он. - Мы подключим сюда и Израиль, и возьмем столько, сколько нужно!

Я собрал последние силы и ответил, что в Израиле у меня нет никого.

День проходил за днем, а известий не было. Единственное, что отвлекало меня от страшных мыслей - это приход охранников ранним утром и вечером, когда стемнеет. Они приносили еду, сигареты, воду. Я пытался с ними заговорить, узнать хоть что-нибудь. Но они отвечали, что им разговаривать со мной не велено, и что они просто охранники.

Так прошло более 50 дней моего пребывания в заточении, неизвестность меня опустошала, полумрак моей обители затемнял и притуплял мои мысли, холод, скудное питание истощали мой организм.

Наступило 13 декабря 1997 года, оставалось пять дней до того срока, который отвели мне бандиты. Вечером вдруг открылась дверь, и зашли два человека в масках с автоматами. Я про себя начал прощаться с родными и детьми, ком подступил к горлу, хотелось кричать, выплеснуть свою боль в последние минуты жизни. Один из них подошел ко мне и спросил: «Ты здесь один? Никто с тобой не сидел? Больше здесь никого не было?» Я ответил, что я здесь один, и никого больше не было. Тогда они подняли маски и сказали: «Выходи». Не надели мне наручники, не завязали глаза. Я понял - это не бандиты.

Глазам было больно. За 55 дней я впервые вышел из подвала на свет божий. Радость охватила все мое существо. Я на свободе! Дышалось легко. Во дворе возле ворот я увидел своих бывших охранников, они были в наручниках. Они оказались хозяевами дома, в подвале которого я находился.

В Грозный мы выехали минут через 15-20. Когда подъехали к району «Минутки», я попросил своих спасителей заехать ко мне домой, это было рядом с местом, где мы проезжали. Я им объяснил, что там должно быть мои дети, которых вызвали бандиты. Мы подъехали к арке, у которой меня похитили, завернули, остановились у подъезда моего дома, и я с двумя охранниками поднялся в квартиру.

Квартира моя оказалась занята. Там уже жил один боевик с семьей. Детей, конечно, здесь моих не было. Я зашел к соседям, и спросил, были ли здесь мои дети или кто-нибудь из родственников. Соседи, с трудом узнав меня, сказали, что никого не было. А одна русская соседка только и промолвила: «Слава Богу, Семен, что ты остался жив».

Мы спустились вниз, сели в машину и поехали в следственный отдел, который находился где-то в районе Старопромысловского шоссе.

Подъехали к зданию, меня вывели из машины, выделили одну комнату-камеру, где я находился под охраной. Утром меня повели к начальнику ССОБ М.Магомедову. Здесь было много корреспондентов со всех телевизионных компаний России и других стран. Они по очереди задавали вопросы, фотографировали меня. Попросили рассказать о себе, о семье. Рассказал, что имею двух детей, внучку, а в 92 году от инфаркта умерла моя жена. Долгое время я работал главным инженером в управлении. Мы занимались настройкой и обслуживанием автоматики в нефтедобыче. Задав еще несколько вопросов, корреспонденты разошлись.

На следующее утро меня снова вызвали к следователю. Когда я зашел в его кабинет, то увидел своих бывших охранников, на них были надеты наручники, вид их был довольно жалкий. Там я узнал, что они взялись охранять меня два месяца, кормить так, чтобы я не умер с голоду, за что должны были получить 50 млн. рублей - это около 7-8 тысяч долларов.

А потом начальник спросил, есть ли у меня родственники, и где они жи-

вут? Я сказал, что дочь живет в Махачкале. И тут он предложил, чтобы я сообщил дочери о своем освобождении. Пусть она приедет и меня забреет. В противном случае, меня должен сопровождать взвод вооруженной охраны, т.к. не исключена возможность вторичного похищения с целью обмена на моих бывших охранников! Но лишних людей у моих освободителей на данный момент нет.

Я горестно усмехнулся: если меня должен охранять вооружённый взвод, то как его может заменить одна моя дочь?

Я позвонил моему соседу чеченцу и попросил забрать меня. Мне выписали справку, удостоверяющую мою личность. 16 декабря приехал мой сосед и забрал меня. Ночь я переночевал у него. Утром мы зашли в мою бывшую квартиру, и я кое-что нашел из своих вещей. Взяв одежду и оглядев в последний раз свою квартиру, с тоской и болью в душе я спустился вниз и сел в машину.

Мы поехали в Махачкалу. Не буду сейчас рассказывать, с какими трудностями мы добирались, сколько блокпостов нам пришлось преодолеть. Словом, мы добрались. Трудно описать мою встречу с дочерью и ее семьей.

На следующий день, придя немного в себя, я пошел в паспортный стол, чтобы получить паспорт или какой-нибудь документ. Но бланков не оказалось, и мне сказали, что нужно подождать. Пришлось пройти много инстанций, прежде чем 30 июля 1998 года я получил паспорт и сразу же начал собираться в Израиль. В отделе иммиграционной службе я получил удостоверение беженца и 28 сентября ступил на святую землю.

Я очень благодарен этой стране, что она меня приняла. В Израиле мне сказали, что как беженцу из Грозного мне положены льготы, но когда я стал хлопотать, выяснилось, что беженцами считаются только те, кто приехали до июля 1995 года. Не знаю, если меня, побывавшего в чеченском аду и оставшегося без квартиры, вещей, средств к существованию, с одной только справкой не считать то беженцем, то кто же тогда беженец?

Думаю, бюрократическая машина здесь работает не хуже, чем в России. К сожалению, в моем возрасте на работу здесь не принимают. Сорок лет я проработал в России, но и оттуда ничего не получаю. Правда, здесь мне платят пособие и квартирные.

Живу с семьей дочери. Снимаем квартиру в Ришоне, купить квартиру нет возможности. Хотелось бы иметь свой угол, но увы...

И все же, я не жалуясь. Я благодарен этому государству за то, что оно приняло меня, поддерживает морально и, как может, материально. А день моего освобождения я считаю днем моего второго рождения.

ИЛЬЯСОВ
Павел

Родился в 1948 году в г. Грозный. Окончил химико-технологический техникум и Грозненский нефтяной институт. В студенческие годы был редактором стенгазеты, а затем членом редколлегии заводской многотиражки. Многие годы проработал в системе Нефтехимпрома в Грозном и в Баку, куда переехал в 1976 году.

В 1990 репатрировался в Израиль. Проживает в Наарии.

Уже в Израиле окончил курсы по истории еврейского народа, еврейской философии и иудаизма. Является лектором института гуманистического иудаизма.

Постоянный автор «Кавказской газеты».

В своей работе, помещённой на страницах альманаха, автор предлагает читателю научные данные из еврейской истории в популярном изложении.

Тёмные пятна еврейской истории

Исторический период с I по X век самый тёмный в истории евреев Кавказа, да и еврейского народа вообще. Прежде всего, нужно отметить тот факт, что чётких сведений о расселении евреев, да и других народов как в античный период, так и в период раннего средневековья очень мало. Есть небольшое количество античных авторов и путешественников, в основном, арабского происхождения, информация которых зачастую имеет расхождения в фактах одних и тех же событий.

В конце XIX начале XX веков такие историки как Григорьев, А. Гаркави, Миллер, а позднее Прицак, Новосельцев, М. Артамонов, Л. Гумилёв и другие написали много работ по истории хазар. Нужно сказать, что хазарологи проводят большую исследовательскую работу. На сегодняшний день нет ни одной летописи хазарских царей за исключением письма Кагана Иосифа испанскому кордову (дипломату).

Библиотека Ивана Грозного, которая включала многие рукописи этого периода, по официальной версии сгорела.

400-летний период в существовании хазарского каганата (с VII по XI век н.э.) многие историки считают периодом расцвета, полного становления и как следствие – возведение иудаизма в ранг государственной религии. По данным БРЭ (Большая Русская Энциклопедия, изданная в конце XIX века под редакцией Южак-кова) хазарский каганат зародился в III веке н.э. и просуществовал вплоть до нашествия татаро-монгол, не прекращая своё существование даже после его разгрома русскими князьями в XI век н.э. Этой версии придерживаются большинство хазарологов.

Некоторые учёные утверждают, что первые пришельцы на хазарские земли принадлежали

к колену Симеона и были выходцами с Палестины. Этому факту очень трудно поверить, т.к. в VII в. н.э. и даже ранее в III в. н.э. колено Симеона уже не проживало на территории Палестины. В этот период на территории Палестины проживали потомки евреев переживших Вавилонское пленение, в числе которых были колена Иуды, Биньямина и часть колена Менаше. В северной части проживали самаритяне. После падения Второго Храма в 70 г.н.э. в своем большинстве эти колена расселились в городах Римской Империи.

А вот колена Реувена, Шимона, Звулуна, Иссахара, Эфраима, Дана, Ашера, Нафтали, Гада и часть колена Менаше были пленены ассирийскими царями в 720-722 гг. до н.э. и расселены в трёх регионах Ассирийской империи.

Самая большая группа была переселена на территорию Парфии, Мидии и Кушан – это сегодняшние Иран и Афганистан.

Вторая часть была переселена в Вавилон – сегодняшний Ирак.

Третья часть – самая элитная, включавшая колена родственные Моше Рабейну, была переселена в Харан – место, где был похоронен Терах – отец Авраама. Это сегодняшняя Сирия.

После падения могущества Ассирийской империи, на ее смену пришла Вавилонская империя. Ее правители переселили часть евреев из десяти колен израилевых по границам уже новой Вавилонской империи, включавшей в себя Кавказ. Большая часть этих колен попала в так называемые «ашкеназские» царства. Это территории современной Турции и Армении. Дело в том, что в период Ассирийской и Вавилонской империй ещё имели место кланово-родовые наделы, которые описаны в Библии. То есть раздел земель между потомками сыновей Ноя - Сима, Хама и Яфета. Словом «ашкеназ» назван народ, живший недалеко от горы Арарат в Армении, книга «Бытиё» 10:3 и Паралипоменнон 1:6, обозначая одного из сынов Гомера, потомка Яфета. Ашкеназ был братом Тогармы, которого хазары, по утверждению кагана Иосифа, считали своим предком.

Многие историки отмечают тот факт, что на территории так называемых «ашкеназских» царств в начальный период христианской эры проживало более 200 тыс. евреев. Как свидетельствуют письменные источники и археологические раскопки, первые еврейские поселения на территории Армении появились в VII – VI вв. до н.э.

Есть сведения, что евреи играли видную роль при дворе армянских царей. А потомки одной аристократической еврейской семьи Багратиани завоевали армянский престол.

О влиянии еврейских колен говорят сами за себя армянские имена и фамилии, например:

Рубен, Рубидян – колено Реувена;

Симон, Симонян – колено Шимона;

Ашратян – колено Ашера;

Захарьян – колено Иссахара;

Миносян – колено Менаше;

А также часто встречающиеся фамилии Давидян, Абрамян, Израилян, Ишаян

и т.п. Видный немецкий антрополог Ратцель в своих трудах отмечает, что армяне на территории местечка Наири имеют точно такой же антропологический тип, как и евреи.

О переселении большой массы еврейского населения из Армении говорит документ, найденный в генезе каирской синагоги в XIX веке. Автор – хазарский еврей, который считал хазар-иудеев природными евреями.

Вот выдержка из этой старинной рукописи: «И бежали от них – армян наши предки, потому что не могли выносить иго идолопоклонников. И приняли их к себе хазары. И они сроднились с жителями той страны и научились делам их. И они всегда выходили вместе с ними на войну и стали одним с ними народом».

Колыбелью хазар был восточный Кавказ, прикаспийские степи – сегодняшний Дагестан. В своей книге «Евреи, русы, славяне» Аркадий Гайсинский пишет следующее: «В VII – VI вв. до н.э. равнина между Терекom и Сулаком стала местом расселения евреев – потомков ассирийских пленников. Это место в свою очередь стало центром притяжения последующих миграций евреев в район Северного Кавказа и Северного Причерноморья и исходной точкой их будущего продвижения на северо-запад».

По всей видимости, колено Шимона и часть колена Менаше попали в тот период на равнину между Терекom и Сулаком и эта местность носила название Самандары.

По соседству проживали племена белуджи и пушты, также впитавшие в себя элементы 10 колен израилевых.

От Ленкоранской низменности до предгорий Кавказского хребта кочевали колено Дана, Гада, Нафтали и Ашера.

В городе Белинжер был образован анклав еврейских родовых объединений, который был создан для защиты от нападения полудиких племён, ведущих кочевой и полукочевой образ жизни. Здесь в Белинжере, имея тору и общие духовные ценности, объединились 10 колен израилевых.

С образованием государства хазар, во главе которого стоял каган, исповедовавший иудаизм, 25 народов начали платить дань и были рекрутированы в мощную и совершенную по тем временам армию.

Арабский путешественник Ибн-Фадлан сообщает: «У царя хазар 25 жён, каждая жена – это дочь какого-либо из царей, соседствующих или соперничающих с ним, которую он берёт волей или неволей. В числе 25 царей, дочери которых находились в гареме кагана, могли быть не только главы собственно хазарских родовых объединений, но и соседних с ними народов и племён».

Как пишет историк С. Шишман: «Распространение иудаизма среди хазар имело только ограниченную сферу применения и касалось одной вершины социальной пирамиды».

Мы видим, что во главе племён нееврейского происхождения – язычников, мусульман или христиан стояли цари, имеющие родственные корни с самим каганом. В VIII н.э. государственной религией хазар стал иудаизм.

Возведение иудаизма в государственную религию имело значение для поли-

тического самоутверждения и равенства Хазарского Каганата с Византийской Империей и Арабским Халифатом. Как известно, иудаизм – это религия не миссионерская. Её исповедуют только те, кто принадлежит к племени Авраама, Ицхака и Яакова. В результате эта религия не сумела объединить разноплеменное население, а наоборот – разъединила. Она отделила исповедующее её правительство от народа.

Хазары вели долгие войны с Арабским Халифатом, в результате этого столицу из Беленжера перенесли в Семендер, а затем, из стратегических соображений, и в дельту Волги в город Итиль.

Хазары контактировали со славянами – полянами, северянами, вятичами, радимичами, и те платили им дань. Они ходили походами в Закавказье и захватывали Армению и Грузию. Нужно сказать, что в государство десяти колен прибывали евреи диаспоры, гонимые за веру как из Византии, так и из Арабского Халифата. В период своего расцвета Хазарское государство стало основным пунктом притока еврейских иммигрантов.

Хазария сыграла важную роль в истории восточно-европейских народов, заставив их от арабов. Ее стратегическое положение помогало Византии, оттягивая на себя силы Арабского Халифата. Хазария стала самой могущественной силой восточной Европы. Она дала почву для возникновения и развития Киевской Руси. Не будь мощного хазарского противостояния арабскому проникновению, то развитие всей западно-европейской цивилизации могло сложиться совершенно по иному.

После падения Хазарского Каганата главный маршрут исхода вёл на запад. О причинах падения написано довольно много. Это и разгром Каганата киевскими князьями, это и постоянные набеги руссов, это и неуплата дани, это и вырождение хазарских племён как воинов и перерождение в торговцев, это и трансгрессия Каспийского моря, постоянно менявшее свой бассейн в течение последних 15 веков.

Некоторые общины хазар-иудеев остались на Кавказе. Часть из них поселилась в горах, некоторые остались в Крыму, исповедуя караимский вариант иудаизма, сохранив язык исконных хазар, кадарский диалект тюркской языковой группы.

Области на востоке центральной Европы, где селились еврейские иммигранты из Хазарии, к концу I тысячелетия н.э. только формировались. Становление Польского государства началось примерно тогда же, в 965 г. н.э., когда пришло в упадок государство хазарское.

Ещё в период расцвета каганата несколько хазарских племён под названием «кабары» примкнули к мадьярам (венграм) и откочевали в Венгрию. Византийский хронист Иоанн Синнамус писал о части венгерской армии придерживающейся еврейского закона.

Исход из бывшего каганата на Кавказе предшествовал образованию хазаро-еврейских колоний в различных местах Украины и юга России. В Киеве процветающая еврейская община существовала до захвата города у хазар русами, и

сохранилась после этого. Такие местечки как Чернигов, Переславль были основаны хазарами иудейского вероисповедования.

На Украине и в Польше очень много топонимов происходят от слов «хазар» и «жид» (еврей) – Козаржевск, Жидово, Козара, Жидова Воля, Козарзов и т.п.

Среди подвергнутых насильственному переселению было много караимов, проживавших в Крыму и на черноморском побережье Кавказа. Они предки караимов проживающих в Вильно, Паневежске, Луцке, Галиче, Троки. Они были пленены литовским князем – воином Витольдом в XIV в. н.э.

В XVI веке в Польско-Литовском королевстве, по оценкам современных историков, уже проживало около 500 тысяч евреев. Согласно данным Еврейской энциклопедии в этот период еврейское население всего мира составляло около

миллиона человек. В средние века, большинство исповедующих иудейскую религию были в прошлом хазарами. Значительная часть этого большинства переместилась в Польшу, Литву, Венгрию и на Балканы где образовала Восточно-европейское сообщество.

Ученый теолог и почетный раввин Санкт-Петербургской синагоги Авраам Яковлевич Гаркави в конце XIX века написал ряд работ по истории хазар-иудеев. Он исследовал переписку последнего кагана Иосифа с испанским дипломатом Хасдаем ибн Шафрутом. Гаркави с глубоким пониманием определил, что сегодняшнее ашкеназийское еврейство представляет собой сплав ассирийского и вавилонского пленений, и изначальным местом его формирования был Кавказ.

В мрачный период сталинского режима, а также в период зарождения фашизма в Германии история хазарского царства практически не освещалась. Основные факты расселения народов Европы и миграции еврейского населения были перевернуты с ног на голову.

Во время Второй Мировой войны и в начале 50-х годов известный израильский историк заведующий кафедрой истории Тель-Авивского Университета Авраам Полак написал две важные работы: «История евреев Европы» на идиш и «Хазары» на иврите. В своих работах он четко последовательно и правдиво отразил ход событий эпохи раннего средневековья.

Знаменитый советский археолог М. Артамонов в начале 30-х годов прошлого века проводил раскопки в районе сегодняшнего Цимлянского водохранилища. Он раскопал город-крепость Саркель, который был транзитным пунктом миграции евреев в восточную Европу. Однако в те времена результаты своих исследований опубликовать полностью ему не удалось по причине сталинских запретов. Лишь только в середине 60-х годов вышла в свет его книга «История хазар». А сам исторический город-крепость Саркель после раскопок был затоплен под строительство водохранилища для сельского хозяйства и промышленности.

Таким образом можно сказать, что кавказский регион стал колыбелью зарождения европейского еврейства, давшего миру большое количество талантливых людей, повлиявших на развитие культуры, науки и других сфер жизни человечества во всем мире.

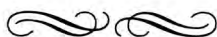

ШАМАЕВА Мазаль

Родилась в 1936 году в Дербенте. В 1955 году окончила Дербентское музыкально-педагогическое училище, в 1966 – филологический факультет Дербентского университета. Работала преподавателем.

В Израиле с 1978 года, живёт в г. Хадера. Училась в Институте искусств. Много времени уделяет занятию живописью и литературой. Её работы были неоднократно представлены на израильских художественных выставках, а также включены в альбом-каталог «Краски времени» художников – выходцев с Кавказа.

Свои литературные произведения Мазаль пишет на русском и горско-еврейском языках. В данном альманахе вниманию читателей представлены научно-популярная статья «Пирамиды» и три рассказа на горско-еврейском языке.

Пирамиды

Тема пирамид меня давно увлекала. Чем чаще я сталкивалась в литературе с этой темой, тем чаще меня поражало то, что до сих пор, по истечению стольких тысячелетий и веков, человечество не может расшифровать великую тайну пирамид: кто, когда и с какой целью строил эти гиганты? Постепенно я собрала очень много сведений по интересующему меня вопросу. Да, пирамиды встречаются в разных уголках земного шара. Хотя их отделяют друг от друга огромные расстояния, но в их построении, в формах и даже в строительном материале есть много аналогичного. Вот какие сведения мне удалось собрать. Так, например, на Тибете есть целые комплексы пирамид, о которых подробно рассказывает учёный, профессор Эрнест Мулдашев в своих уникальных книгах «От кого мы произошли», которые он написал в результате трех экспедиционных исследований на Тибете с группой учёных, своих соратников. Экспедиция Мулдашева смогла найти комплекс из 108 пирамид, указанный им тибетскими монахами, находящийся на высоте свыше 5000 метров. Члены экспедиции были поражены различием размеров, форм этих 108 сооружений. На вершине одной из пирамид они обнаружили плац, очень напоминающий космическую площадку.

В другой книге о талантливейшем программисте, еврее из Америки Гильеренском, говорилось о странном явлении, которое было зафиксировано им, когда он пролетал над тремя пирамидами Египта - Хеопса, Хефрена и Микерина. Приближаясь к вершине пирамиды Хеопса, он обнаружил, что его компьютер зарегистрировал какие-то неизвестные сигналы, а затем он увидел какие-то феерические,

сверкающие лучи. Анализируя увиденное, Гильеренский делает вывод: внутри пирамиды Хеопса есть никому неизвестные космические отражатели на стенах в виде золотых пластин, их действие начинается в момент попадания на определённые участки стены лучей солнца.

В своей книге «Каменный век был иным» Эрих Фон Дэникен говорит о том, что в загадках прошлого скрыто будущее. Он говорит, что громадные мегалитические сооружения-колоссы встречаются и в Колумбии, Испании, Индии и в других местах, и все они как будто построены по единому плану. В его сенсационной книге утверждается, что каменный век был совсем иным, нежели мы его себе представляем, опираясь на традиционные научные представления о развитии нашей цивилизации.

Интересно, что все эти сооружения, о которых мы ведём речь, представляют собой постройки удивительной геометрической точности. Архитекторы, спроектировавшие эти колоссы, должны были обладать величайшими математическими и астрономическими знаниями. Естественно, что у многих путешественников и исследователей возникали сомнения в земном происхождении этих строений. Так Диодор Сицилийский говорит, что первоначально древний Египет строили Боги, и что они же построили и несколько городов в Индии.

Обтёсанные поверхности пирамид Эрнст Мулдашев, упомянутый выше, объясняет использованием в строительстве какого-то летательного аппарата, ибо человек не мог на весу, да ещё и при такой высоте пирамиды, обтёсывать эти колоссальные блоки. Человек не мог их даже передвигать. Следовательно, и здесь не обошлось без вмешательства иных цивилизаций.

А как же иначе, если исследователи доказали, что основополагающая теорема геометрии, на которой базируется вся эта наука, – теорема Пифагора, греческого философа и математика, жившего в 502 веке до нашей эры, была открыта и применена в строительстве пирамид за много тысячелетий до его рождения.

В гробнице Чин-Сан (остров Кюсю в Японии), датированной 2000 годом до нашей эры, изображён древний царь, простирающий руки к семи летящим дискам. В мифологии Японии говорится о полётах в небо и об обитателях морских глубин «каппа». Они имели плавники и ласты и владели удивительными знаниями, которые стремились передавать людям.

Пирамиды Гуимар, расположенные в деревне Гуимар на восточном побережье острова Тенерифе, входящего в Канарский архипелаг, до сих пор являются загадкой для археологов. Это шесть прямоугольных пирамид, подобные пирамидам, построенным майя и ацтеками в Мексике. Изначально в деревне было девять пирамид, но местные фермеры, считая их бесполезными, разобрали три пирамиды и использовали для строительства.

В 1991 году известным путешественником Туром Хейердалом были об-

наружены отчётливые следы обработки камней на углах пирамид в деревне Гуимар. Это были не круглые валуны, а куски лавы. Также им было обнаружено, что в день летнего солнцестояния с вершины самой высокой пирамиды можно наблюдать двоекратный заход солнца. Солнце исчезает за горной вершиной, затем снова появляется и заходит второй раз за соседнюю вершину. У всех пирамид на западной стороне имеются лестницы, которые в день зимнего солнцестояния ведут точно к восходящему солнцу. Так Хейердал обнаружил астрономическую ориентацию пирамид. Но он не сумел определить возраст пирамид, и кем они были построены. Известно, что в пещере под одной пирамидой жили гуанчи (аборигены) Канар. До 15 века Гуимар был резиденцией одного из десяти менсеев (королей) Тенерифе. Хейердал выдвинул теорию, что Канарские острова в древности были перевалочным пунктом между Америкой и Средиземноморьем. Это самый быстрый путь, который потом использовал и Христофор Колумб. В 1998 году при материальной поддержке Тура Хейердала и его друга норвежского судовладельца Фреда Олсена, был открыт этнографический парк пирамид Гуимар. Информационный центр знакомит посетителей с экспедициями Хейердала и его теориями происхождения пирамид.

Есть там и два павильона, посвящённые Хейердалу, где размещены макеты его лодок в натуральную величину.

И, наконец, пирамиды в Мексике. Они расположены в Веракрусе. Некоторым пирамидам даже присвоены имена: есть пирамида Магии, пирамида предсказателя Майи. Есть в Мексике одна пирамида также и в Тикале. Это пирамида своеобразной формы. Пирамиды такой формы выполняли двойную функцию: они были храмами Богов и гробницами властелинов.

Кроме пирамид по миру разбросаны и некоторые другие сооружения, которые также, как и пирамиды, находятся в отдалении друг от друга, и, в то же время, невероятно похожи. В Европе сохранилось много сотен древних дольменов - каменных черепашек. Они первоначально служили могилами. Встречаются в разных местах и каменные круги, сохранившиеся в Индии, в Австралии, в Англии, в Восточной Иордании. В Канаде и в США их называют «медицинскими колёсами». Они есть и в сердце Ливийской пустыни и на границе Италии и Швейцарии. Даже в Ветхом завете есть сведения о таких древних сооружениях из камня.

Я надеюсь, что сведения, которыми я поделилась в этой статье, вас заинтересуют и послужат отправной точкой в ваших собственных исследованиях этой захватывающей области знаний.

2005 год

*Всякое творчество есть по сути
своей молитва. Всякое творчес-
тво направлено в ухо Всевышне-
го.*

Иосиф БРОДСКИЙ

ПОЭЗИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

АМИРОВ Лазарь

Поэт, драматург, лингвист, переводчик. Родился в г. Махачкала в 1936 г. Автор книг «Кизилловый костёр», «Ларец мудрости», «Сердце отдаю тебе», «Есть на свете любовь». Долгие годы занимался собиранием горско-еврейских сказок, песен, пословиц, поговорок. Часть из них включена в его книги.

В настоящее время готовятся к изданию книги: «Восставшие из пепла», «Волшебный светильник», «Источник разума» и русско-еврейско-татский словарь, над которым Лазарь Амиров работал много лет.

С мая 1999 года – член Союза писателей Израиля.

Передо мной голубизна
Каспийских волн сверкает вновь,
Где в каждом отблеске видна
Моя нескрытая любовь.

Она, как лодка, в этот час
Плывёт, торопится в Баку.
Где много добрых, тёплых глаз
Её там ждут на берегу...

Всё ближе город, вышек строй,
Фонтаны радугой горят,
И над морской голубизной
Лишь чайки белые парят.

Привет, Баку! Я буду петь,
Как соловьи в твоих садах,
И будет песнь моя звенеть
На струнах солнца, что в горах.

Собрал на выступлениях скалы
И натянул на горский саз*...
Прими любовь Махачкалы, -
Любовь, не скрытую от глаз.

Мне строки звонкие подвластны,
Мне рифмы точные верны,
Но я не трачу их напрасно
Под стон расслабленной струны.
Под вой ветров, под плач гитары
Не будет места тем строкам.
Они по цели так ударят,
Как буду целить их я сам.

Я встречал немало в жизни выюг,
Отражал с друзьями их атаки.
Хорошо, когда собака - друг,
Но противно, если друг - собака.

Если путь твой проложен сквозь темень в ночи,
Ты иди сквозь неё и в пути не молчи.

Назови моё имя в дороге хоть раз –
Я по зову приду к тебе в этот же час.

И, ударившись грудью о скалы в ночи,
Я зажгу своё сердце, как жгутик свечи.

И когда, разгоревшись, осветит твой путь,
Я вложу его утром в горячую грудь.

Но едва ты решишься немного в пути
Отдохнуть и прижмёшься щекою к груди,

Так, теплом согреваясь, поймёшь ты меня,
Что не каждое сердце горит без огня.

Скалою стану, если ты
Волной морскою станешь
И белым гребнем с высоты
На грудь мою нагрянешь.

Землёю стану, если вдруг
Ты тучей обернёшься
И нежной влагой сотен рук
На грудь мою прольёшься.

Но если станешь ты цветком,
Твоим я стеблем стану,
И соком жизни я потом
Поить не перестану,

Чтоб ты цвела, волнуя всех
Своим бутоном ярким,
Мне возвратив счастливый смех
И поцелуй мой жаркий.

Жизнь плывет, как в море судно,
По волнам извечных дней.
Человеком быть не трудно.
Человечным стать трудней.

Чистота - первейший признак
Наших мыслей и речей.
Если чист источник жизни,
Значит, чист ее ручей.

Когда иду я поутру
По горной вьющейся тропе,
Под звуки скрытых в сердце струн
Пою я только о тебе.

Пою, и образ милый твой,
Пусть тёмной ночью или днём,
Повсюду странствует со мной,
Светясь таинственным огнём.

Как эти горы, этот край,
Ты, Гунзари, в моей судьбе,
Мне даже мир весь - будто рай,
Когда мечтой стремлюсь к тебе.

Мне даже вьюга не страшна,
Когда студит моё лицо.
Мне даже осень - как весна,
Когда выходишь на крыльцо.

С душой, открытой на ветру,
Шагаю с песней по тропе,
Чтоб звуки скрытых в сердце струн
Рождались только о тебе.

Молодому поэту

Когда желаешь ты прославить голос
Своей поэзии, которой горд,
Не забывай, что ты - всего лишь колос,
А ширь степная - твой народ.

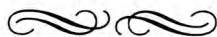

АСАЙЛОВ Шарон

Читатели уже имели возможность познакомиться с творчеством Шарона Асаилова в разделе «Проза на русском языке».

В этом разделе автор раскрывает свой поэтический дар.

Приняв причудливые формы,
Диктует жизнь свои реформы...
За невезенья полосой
Нежданно следует покой.
За маленьким кусочком счастья
Приходят бури и ненастья.
Враги становятся друзьями
И вновь меняются ролями.
Любовь приходит и уходит,
Кто не теряет, тот находит.
Устав от шутовских ролей,
Шуты свергают королей.
Кто голодает, кто пирует,
Кто честен, кто всегда ворует.
За веру Бог кому воздаст,
Кто душу Дьяволу продаст.
Смельчак за счастье подерётся,
Без боя трус всегда сдаётся.
Но только ведь, на склоне лет,
Держать нам всем один ответ...

Под сводами картинной галереи
с картин на нас глядят не феи,
не герцоги, не короли, не их лакеи,
не клоуны, не маги-чародеи,
не лицедеи и не гении-злодеи...
Глядят на нас творенья живописца,
людской истории и судеб летописца.
И смотрим мы на них, не понимая,
как может вдруг картина неживая
глядеть на нас, отрывисто дыша...
То в ней живёт ХУДОЖНИКА ДУША!

Не гений тот, кого толпа признала,
и не поэт, кому она вторит,
а тот, кого камнями забросала,
и тот, над кем свой страшный суд вершит.

В полёте над бездной,
быть может, поймёшь,
что не безвозмездно
на свете живёшь.

Когда-нибудь наступит день

Когда-нибудь наступит день -
И я найду обратную дорогу
В свой дом родной.
Там, за ступенькою ступень,
Взойду к порогу –
Всё та же дверь.
И Слава Богу!
Её откроет мне бессмертная душа.
«Сынок, мой руки и за стол,
Ведь ужин стынет.
Ты где ходил так долго?»
И нет ответа.
Глазами в выщербленный пол,
Проямлив извинения убого:
«Мам, я не голоден, спасибо.
Вот только лишь соскучился немного.
Прости, но мне пора
Обратно, в дальнюю дорогу».
«Иди, сынок.
Пусть от ошибок и от бед,
Господь тебя хранит».

Когда-нибудь наступит день -
И я найду обратную дорогу
В свой дом родной.

Серенада

Разложив пред собой книгу нотную
Вам раскрою свою подноготную:
Кем живу, кем дышу, кем болею я,
За кого жизнь отдам без сомнения.
Трону клавиш хмельных кость слоновую.
Объяснение в любви – богословие.

Дрогну голосом - хриплой октавою,
Подслащу песнь любовной отравой.
С обнажённой душой, без стеснения,
Ветром вольным войду в сновидения
Иль рабом Вашим стану – невольником,
Ваших мыслей грехом и крамольником.
Я в любовь, словно в битву батальную,
Между молотом и наковальнею
Окунусь с головою неясною
И погибну за Вас, за прекрасную!

В Голливуде (диалог)

- Иду по Аллее Славы
и топчу имена знаменитостей
на мраморе чёрном.
- Зависть?
- Да нет же – всё ради забавы.
- Но что их загнало под мрамор
при жизни? Ведь им ещё рано!
Иных ли дурная слава?
Или зависти чёрной отравы?
- Всё просто – такие здесь нравы...

Слепой скрипач

В благой тиши, под звёздным небом ночи,
рыдала скрипка, ныли струны под смычком?
Слепой скрипач, прикрыв невидящие очи,
играл элегию в дуэте со сверчком.

«О чём ты плачешь так убого, Скрипка?
О чём твоя слеза?» -
«Прозренья для тебя прошу у Бога,
чтоб светом озарил твои глаза !»

«Не плачь родная и не падай духом,
не отвлекай Всевышнего от дел,
ведь музыку твою я вижу слухом,

МЕЗЕНЦОВА

Любовь

Я родилась в солнечном Дагестане. Окончила художественную школу.

Вся моя жизнь, так или иначе, была связана с детьми. В школе была вожатой, от завода избиралась производственной вожатой. Затем 8 лет работала в детском саду. Вела кружки мягкой игрушки и рукоделия. Люблю все, что связано с ручной работой, увлекаюсь вышивкой, вязанием, фотографией и др.

Вышла замуж за прекрасного человека. Мама 5-х детей, которыми очень горжусь. Оптимист по жизни.

В Израиль приехала в 1998 г. Живу в городе Хайфа, который стал для нас вторым домом. Три года назад начала писать стихи. Публиковалась в сборниках «Русская лирика в Израиле» № 3, 4, 5, 6, и «Русский Радар» литературно – музыкальной студии, в котором печатались детские и иронические стихи. Детские стихи стала писать в этом году, толчком послужило прочтение стихов Лидии Кацура, Томми Рут, Милы Крипс, которым бесконечно благодарна за участие к моему творчеству.

Луч солнца

Луч солнца заглянул в окно,
И на губах моих застыл.
Наверное, любимый мой,
Свой поцелуй мне подарил.

Со светом солнца мне прислал,
Свой поцелуй - длиною в вечность.
Как жаль, что это лишь мираж,
И ты не веришь в бесконечность.

Время не лечит

Я с тобой говорить хочу,
Знаешь, время совсем не лечит.
Больно сердце сжалось внутри,
Вспоминаются наши встречи.

Понимаю, что долг путь,
К исцелению и покою.
Я забыть тебя очень хочу,
Только сердце забыть не хочет.

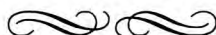
Время быстротечно...

Я думаю, как время быстротечно
И, кажется, прошло немного лет,
С тех пор, как в платье подвенечном,
Давала клятву верности обет.

Я помню первое свиданье,
Как ты тогда бежал за мной.
И первое твое в любви признание,
Что ты навечно будешь мой.

Я вспоминаю наши встречи,
И поцелуй украдкой твой.
И в путь мы отправлялись млечный,
В любви огромной, неземной.

Я возрождалась снова к жизни,
Ты предначертан мне судьбой.
Связали нас навечно нити,
Чтоб быть вдвоем с тобой...

Весна, казалось, будет долгой
И не погасит в нас любви.
Как жаль, что в жизни быстротечной,
Мы чувств своих не сберегли...

Мама с Семой рисовали

Дали Семе мы тетрадь,
Чтобы мог он рисовать.
Нарисуй сначала домик,
Где живет ушастый кролик.

Подрисуй дорожку там,
Чтоб ходили гости к нам.
Солнышко изобрази,
И деревья отрази.

Травку тоже подрисуй.
Карандашик в рот не суй!
Мама с Семой рисовали,
И, конечно же, устали.

Сема сразу лег в кровать,
Чтобы мог чуть-чуть поспать,
И приснился ему дом,
Кролик милый за окном.

Солнышко, трава, цветочки,
И все то, что на листочке.
Сема спал и улыбался,
Вот как за день намотался.

Птица счастья

Улетает птица счастья.
Мне ее не удержать.
- Без тебя я одинока,
И прошу не улетать!

Но беспечно птица счастья,
Отвечала мне, звеня:
- Не грусти, ведь ты же знаешь,
Где и как найти меня.

И взмахнула своим ярким,
Словно радуга, крылом,
И слеза моя скатилась,
Будто по сердцу ножом.

Но без птицы нет мне жизни,
Мир оделся в серый цвет...
Вот и скрылся за горою,
Золотистый, яркий свет.

Моему любимому малышу

*Моему сыночку,
самому сладкому малышу,
Артурушке, которому 2.8 лет,
посвящаю этот стих.*

Маленький сыночек,
Мамины глаза,
Спи моя малютка,
Не шуми гроза.

Я тебе тихонько,
Сказку расскажу.
Прикоснусь легонько,
И смахну слезу.

Мамин зайка сладенький,
Спи, сыночек мой,
Пусть тебе приснится
Голубой прибор.

Розовые щечки,
Спят и видят сны.
Пусть всегда сбываются,
Все твои мечты.

МИХАЙЛОВ

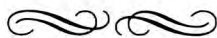
Эмиль

Родился в 1955 году в Дербенте. В Израиле с 1979 года. Живёт в Натани. В 1998 году окончил институт искусства Шломо Дрора.

Ранее Эмиль был известен знатокам и любителям культуры горских евреев как художник. Его работы включены в альбом-каталог «Краски времени». Он участвовал в различных выставках, в том числе и в коллективных выставках художников – выходцев с Кавказа.

Работает и учится – в последнее время занялся изучением ювелирного искусства.

На сей раз, Эмиль неожиданно раскрывает новую грань своего дарования и представляет на суд читателя стихи.

Ветер в степи

Стихотворение в прозе

В необъятной степи, распростёртой меж каменных гор, словно дикий зверь, мечется и воет ветер. Его прерывистый вой эхом раздаётся в скалах. Вихрем кружась, он бьётся о каменные выступы, стремясь преодолеть преграду. Но скалы непреступны.

Ударяясь о них, ветер с неистовым рёвом откатывается назад и, кружась по степи, вновь прилагает невероятные усилия, чтобы вырваться на волю. Но тщетны все его попытки. Ветер в отчаянье бросается на деревья, с корнем вырывая их из земли.

А с неба за безумием ветра следят нависшие над степью тяжёлые тучи. Из всех сил они ударяют стрелами молний, а затем бросают на землю крупные капли дождя.

Ветер, будто ища укрытия, снова начинает метаться по степи, но постепенно сдаётся, успокаивается и припадает к земле, признавая свою покорность.

Успокоив разбушевавшийся ветер, исчезают и тучи. Уходя, они уступают место солнцу, и вся степь озаряется ласковым светом.

Сочные травы, мокрые от дождя, сбрасывают с себя серебристый покров и, освободившись от страха и уныния, льнут к влажным степным цветкам, чтобы вместе насладиться теплом небесного светила.

А вот и птицы! Они притаились во время дождя, а теперь вылетают из своих укрытий и игриво порхают над степью.

Попрошайка

Примостилась она у причала,
Прижимая младенца к груди.
Она за день безумно устала,
И нету сил дальше идти.

Робко просит она подаянья,
Прикрывая лицо от стыда.
Но оставив её без внимания.
Все торопятся, кто куда.

Мимо медленно, словно гуляя,
Постовой идёт не спеша.
Вдруг сидящую он замечает
И глядит на её малыша.

И немедля велит удалиться:
«Так недолго в тюрьму угодить,
Не положено здесь находиться,
Здесь не место копейки просить!»

И всё начинается снова:
Попрошайка тихонько встаёт
И дальше идти готова.
Может завтра ей повезёт?

Город теней

Только тени по улицам бродят,
А людей там нигде не видать.
Когда солнце с закатом уходит,
Остаются тени стоять.

Часовые им с башни велят:
«Не толпиться и всем удалиться!»
Сверху грома раскаты гремят,
Но они не хотят расходиться.

Пламя в небе вспыхнуло вдруг,
Вниз упало огненным шаром.
Сотни факелов пляшут вокруг –
Странный город охвачен пожаром.

Тени в страхе перед огнём
Разбегаются до рассвета...
Повторяется день за днём
Бег теней в мрачном городе этом.

Ожидание

Багряное небо над морем.
Плывут, не спеша, облака.
Лебединая стая клином
Возвращается издалека.

А на мысе, у самого края,
В лёгком платьице голубом
Красавица молодая
Машет радостно птицам платком.

И птицы над ней пролетая,
Крыльями машут в ответ.
Будто из дальнего края
Несут ей от друга привет.

А женщина тихо смеётся.
И хочется верить ей,
Что скоро любимый вернётся.
Как этот косяк лебедей.

Дагестан

Раскинув крылья широко,
Орлы парят над горною рекою.
И лани быстро и легко
Бегут по тропке чередую.

Вот лихо скачет на гнедом коне
Джигит. Клинок свистит над головою.
Несёт горянка на плече кувшин,
Он полон родниковой водою.

На склонах гор, средь вечных скал,
Аул укрылся боязливо.
Сидит у сакли аксакал
И курит трубку он неторопливо.

Сидит он так уж целый век
Над головокружительным ущельем
Шум водопадов, бурных рек
Смешались в его сердце с птичьим пеньем.

А вдалеке течёт Сулак
Стремительно, отчаянно, бурливо.
И что там в лодке за чудак
О волны бьётся смело, горделиво?

А вдалеке среди лесов и гор,
Глянь, Кубачи – селенье мастеров.
И славится оно уж с давних пор
Искусством златокузнецов.

А между виноградных лоз
На протяженье многих лет
Среди кустов цветущих роз
Краса и гордость – наш Дербент.

Здесь среди гор, лесов, полей
Промчались детство, юности года.
Всё сохранится в памяти моей,
Я буду помнить Дагестан всегда.

Письмо арестанта

Ветер по двору кружится.
У ворот патруль стоит.
С вышки часовой грозитя,
В камеру войти велит.

Если б мог освободиться
От цепей-оков моих!
Если б снова окунуться
В глубину очей твоих!

Арестант я. И под стражей
Ты ж – святая из святых.
Мы не пара. Нет не пара,
Но любви огонь не стих.

Знаю: скоро нас этапом
Вышлют в дальние края.
Ждут меня тоска, печали,
Да конвой и лагеря.

Всё, письмо своё кончаю.
Не вернуть нам жизни вспять.
Спи, любимая, спокойно.
А меня не стоит ждать.

МИШИЕВА

Зинаида

Родилась в Баку в 1951 году. Мастер спорта СССР по фехтованию на рапирах. Неоднократная чемпионка Азербайджанской ССР, двукратный призёр Всесоюзного спортивного общества «Динамо». В 1989 году репатрировалась в Израиль, живёт в городе Кирият-Ям. Судит чемпионаты Израиля по фехтованию на рапирах.

Но гораздо более важным событием в её жизни, по утверждению Зинаиды, является то, что здесь, на святой израильской земле, обратив все свои помыслы и стремления в религию и, благодаря этому, познав доселе неведомые истины, она начала писать стихи. Все произведения, предложенные Зинаидой Мишиевой для данной публикации, приоткрывают перед читателем потаённые уголки души автора. Все стихи объединены одной общей темой и пронизаны искренней любовью к Всевышнему.

Господу нашему, создателю и творцу

Нам нечего делить – господь един!
Эй, иудеи, христиане, мусульмане,
Давайте вместе храм мы создадим
И вместе мы Творца единого прославим!

Един мой Бог, велик мой господин!
И благодарности достоин он один:

За дела его за чудесные,
За милости его сердечные,

За труды его, деянья вечные,
За щедроты его бесконечные,

За суды его справедливые,
За заботы его терпеливые.

За силу его величайшую,
Карающую и направляющую.

Тебя я в мыслях постигаю,
Тебя в мечтах я создаю.
Не видела Тебя, но знаю,
Как сильно я Тебя люблю.

И созерцая мир прекрасный,
Что призван нам любовь дарить,
Хочу представить лик Твой ясный,
Но не с чем мне Тебя сравнить.

А дивная краса Твоя –
Она в деяньях, коим нет предела.
А мир наш – это только миг.
Миг между Словом он и Делом

В нём мудрость вся Твоя:
И райское садов благоуханье,
И солнца луч, и лунный свет –
Всё это – Ты. И в том сомненья нет.

Увы, не в силах я Тебя постичь,
Твоё понять величье неземное.
Ведь солнца свет или сверканье звёзд –
Они ничто в сравнении с Тобою!

В своём стремлении Тебя познать
Одно способна я понять,
Я – малая песчинка, капля в море,
И необъятное хочу объять.

Из тысяч голосов узнала б голос Твой
Твой чудный глас –
Его веленью всё подвластно.
Дестью реченьями Ты мир весь сотворил

И к праотцам благоволил,
Когда Ты сильною рукою
Народ, возлюбленный Тобою,
Из дома рабства выводил.

Мне не забыть гору Синай,
Как будто всё со мной происходило:
Когда владыка мира, свой покинув рай,
К избранникам спустился
И с Моисеем говорил он.

В сей миг весь избранный Тобой народ
Затрепетал и отступил в испуге.
Гора дымилась, пламень полыхал,
И были громы, молнии, шофара звуки.

Момент истины народу не забыть –
Он в поколениях и в веках передавался.
Священный трепет, что вселяет голос Твой,
И мне в наследство от отцов достался.

Хотела б я побыть средь ангелов Твоих,
Любить и исполнять Твои все повеленья.
Хотела б я узнать, как этот мир возник?
Как начиналось рук Твоих творенье?

Как солнце и луну в небесный свод вознёс,
Рассеял звёзды силой мановенья?
Как землю утвердил средь водных бездн,
Как создан был Адам венец творенья?

Его Ты создал по подобию своему
Вложил в него любовь, надежду и терпенье.
Ты целый мир поверг к ногам его,
И он понёс в века Твоё благословенье.

Люблю Тебя всем сердцем и душою.
И так моя любовь к Тебе сильна,
Охватит всю вселенную она.
И я живу давно одним Тобою.

А если вдруг меня тоска одолевает,
Лишь только помолюсь, и грусть вдруг мигом исчезает.

В молитвах и стихах не раз просила я
Простить нам все грехи,
Прийти и царствовать над миром,
Свой маленький народ любя.

И раз в тиши глубокой ночи,
Когда уж крепко спит людское племя,
Во сне я слышу голос несравненный:
«Не торопись, дитя, ещё не время!»

И вздрогнув, вмиг проснулась я.
Ночь проведя в раздумьях и сомненьях,
Я поняла, что это был ответ
На просьбы и мои моления.

Но знаю я, придёт тот день и час,
И в этом нету у меня сомненья,
Все взгляды устремятся ввысь,
И им предстанет чудное виденье.

А я надену лучший свой наряд
И выбегу стремглав к Тебе навстречу.
Лишь только б мне дожить
Лишь только б дотерпеть.
Я знаю точно – день тот недалече.

И горечь всей тоски моей пройдёт,
И воцарятся радость и веселье,
И вечным светом озарится мир,
И тьма падёт. То будет миг спасенья.

Всю жизнь стремилась я Тебя познать:
Каков Ты, где Ты, как деяния Твои понять?
Но никогда никто мне правды не сказал.
Ты только в снах свои мне тайны открывал.

Ну, а в душе моей Ты был всегда.
Шли чередой юности года.
И хоть частенько спорила с тобою,
Ты всё же управлял моей судьбою

Я за гордыню наказанья получала,
И многое в той жизни проиграла.
А ты своею властною рукой
Меня – еврейку направлял домой!

И вот я здесь! Израиль золотой,
Земля обетованная - дом мой!
Твоё присутствие здесь в каждом лепестке,
И в дождевой воде, и в молодом листке.

О, царь правдивый, о, царь святой,
Отец мой милосердный и родной!
Тебя люблю, Тебя превозношу,
Тебя молю я и Тебя прошу:

Прости меня, прости грехи отцов,
И спорить более не буду я с судьбою,
Лишь собери со всех земли концов
Детей заблудших, но возлюбленных тобою!

Ты так велик и так великолепен,
И так непостижим в красе своей.
И образ Твой так лучезарно светел.
Тот свет доходит до глубин души моей.

Ты днём всю землю освещаешь,
А ночью в мрак нас погружаешь,
Зимою дождь ты посылаешь,
И щедро землю орошаешь,

Водой ты реки наполняешь,
Людскую жажду утоляешь,
Один всем миром управляешь,
И мир немислим без Тебя!

Так властвуй вечно Ты над миром,
И радуйся творениям своим!
Да будет так всегда! Аминь!

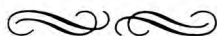

НИСИМОВ Валерий

Родился в г. Дербент в 1976 году. Там же окончил среднюю школу и СПТУ по специальности повар. В 1994 г. репатрировался в Израиль. В 1997-1999 служил в рядах ЦАХАЛа. Живёт в Хадере, работает по специальности.

Самыми большими увлечениями Валерия являются музыка, поэзия и театр. 5 лет он работал в горско-еврейском театре в Хадере. Играет на гитаре и органе. С 1999 пишет стихи, а спустя полгода начал писать музыку.

Вашему вниманию мы предлагаем как стихи Валерия Нисимова, так и тексты песен.

Мне звёзд чужих не собирать.
Да я и не мечтаю.
Мне бы свою звезду достать
Во-он ту, седьмую с краю.
До неё не далеко, до неё не близко.
Ну, а то, что высоко, это – дело риска.

Мне в радость летняя прохлада.
Она напоминает осень.
Люблю гулять под листопадом.
Он в сердце радость мне приносит.

Ведь в день осенний я родился,
Впервые осенью влюбился.
Эх, бабье лето! Что сказать?
Ты для меня вторая мать!

Сигарету сменяю сигаретой.
Тошнит, но всё же хочется курить.
И в жизни не поверю, что песня моя спета,
Мне хочется ещё чуть-чуть пожить.

Мне хочется расти лишь над самим собою,
Так, чтоб другим не помешать творить,
Счастливым видеть каждого, когда себя открою,
И обнимать тебя, ту, что так рад любить.

Мне сегодня не спится.
Знаю: если усну,
Сон кошмарный приснится,
И я в нём утону.

Я сегодня в угаре.
Не сдержался я вновь –
Сердце в страшном пожаре
Ощутило любовь.

Я боялся влюбиться,
Ведь любовь – это плен.
Что ж, придётся смириться
С тем, что я в вас влюблён.

Что ж, придётся по новой
Лунной ночью не спать,
Чтобы ласковым словом
Тебя мысленно звать.

Будет сердце надрывно
В такт биенью кричать,
Что я болен и гибну.
Приходи выручать.

Появись, дорогая,
Покажись на глаза.
Мы с тобой поболтаем,
И иссякнет слеза.

Эпилог

Долго сердце рыдало,
Но под утро устало.
Я стянул одеяло
И присел на кровать.

Рядом ручка лежала.
Мне её не хватало.
Взял бумагу и вяло
Стал поэму писать.

Когда мечты мои станут реальностью,
Я скажу:
«На свете много скрытых звёзд».
И докажу.
Стихом, что доведёт до слёз,
Когда мечты мои станут реальностью.

Когда мечты мои станут реальностью,
Не совру.
Скажу, что сделал, что хотел.
И умру.
Одним из трупных стану тел,
Когда мечты мои станут реальностью.

Когда мечты мои станут реальностью,
Оставляю след
На протяжении лет.

Когда мечты мои станут реальностью,
Я допою куплет,
И сущего пойму секрет.

Но то, что мечты мои станут реальностью,
Надежды нет.

ПЕСНИ

Посвящение ночи

У костра
до утра
мы с тобою сидели.
Обнимал,
целовал
на песке морском.
А ребята вдалеке громко песни пели.
Пели хором в две гитары песни с юморком.

Припев:

Какая ночь была, я в жизни не забуду.
Огонь в глазах бездонных путь мне освещал.
Как море синее, твой взгляд туман окутал.
И я в тумане этом разум потерял.

Свет костра,
словно бра,
лица освещает.
Ты молчишь,
но не спишь –
время не для сна.

А струна, как нерв, мне душу раздирает.
Вот ещё чуть-чуть, замолкнет и она.

Припев:

Какая ночь была, я в жизни не забуду.
Огонь в глазах бездонных путь мне освещал.
Как море синее, твой взгляд туман окутал.
И я в тумане этом разум потерял.

Мы часто в жизни ошибаемся своей,
Всегда смелей себя считаем и умней.
Не думая о том, что больно матерям
Смотреть на то, как от ошибок больно нам.

Припев:

Милее мамы человека нет на свете
Её любовь сверкает ярче, чем алмаз.
Мы даже в старости для мам родные дети,
Как в тот желанный самый долгожданный час.

Никто на свете, так как мать, любить не сможет.
Никто, как мать, не сможет детским фразам внять.
И пусть жестоко наши души совесть гложет,
Коли не сможем мы слов матери понять.

Припев:

Милее мамы человека нет на свете
Её любовь сверкает ярче, чем алмаз.
Мы даже в старости для мам родные дети,
Как в тот желанный самый долгожданный час.

РАХАНАЕВ Дмитрий

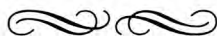
Родился 2.03.1977 в городе Нальчик.

По окончании средней школы репатрировался в Израиль в 1993 году по программе НААЛЕ - Ноар Олим Лифнэй аорим (репатриация молодежи перед родителями).

В 1996 поступил на мехину - подготовительный курс перед Вузом.

С 1997 года по 1999 служил в армии в пограничных войсках. Печатался в четырех поэтических сборниках поэтов «Русская лирика в Израиле» 1995-1996.

С 1995 года руководит литературной студией «Радар» при редакции Международного Информационно-образовательного и Культурного Центра «ИТЕРЛИН-ГВА». Работает физиотерапевтом. Холост. Увлекается психологией и философией.

Разбудите в милых дамах счастье
Розами и теплотою ласки.
Шепотом горячим им признайтесь
В искренней любви, как в доброй сказке.

Не жалейте слов и поцелуев,
Не жалейте времени и слез,
Пусть душой ликуют, пусть ликуют!
Женщины, причины наших грез!

Я находился в обществе поэтов
И в нем отраду жизни ощутил.
В нем столько доброты, порывов, света!
В нем столько мне необходимых сил!

О, магия пленительного слова!
О, души, коим дорог свежий стих!
Я внемлю вам, и буду слушать снова
Вас, пробудивших трепет чувств моих!

Не судите по первому взгляду,
Не судите по первому слову.
Посидите, прислушавшись, рядом,
Присмотритесь внимательней снова.

Кто ищет, тот всегда найдет
И тот добьется, кто стремится
Всегда дождется тот, кто ждет
И на судьбу не нужно злиться.

Душа наполнена мечтами,
И сердце верит в благодать.
Сию в раздумьях вечерами
Перед дрожащими свечами.
В углу смиренно ждет кровать.

Застеленная покрывалом
В багровых бархатных цветах.
Ждет милая, пока устало
Укроюсь теплым одеялом
И потеряюсь в сладких снах.

Душа наполнена мечтами
И сердце верит в благодать,
Но вечера идут годами.
Устал мечтать перед свечами
И, сидя у кровати, ждать.

Жалоба Музе

Он говорит: «Поэзия - наука»,
И мотивирует: «Я знаю, я поэт»
О, Муза! На тебя подняли руку!
Тебя тут изучают, как предмет!

Он говорил художнику седому
В упор, без такта, словно ломом в кость:
«Стихи слабы, пишите по-другому,
В вас опыта еще не набралось».

Он удивить решил нас словом «троп»
И этим нас в плебеев обратить.
Я дал понять ему, что я не жлоб,
Но Муза, я тебя хочу спросить:

«Скажи, поэтов Муза, умоляю,
Неужто термин наших чувств важней?
Уже ли душу, что мы в стих вплетаем,
Заменят строгий ямб или хорей?

Он говорит, что только самородок
Имеет право терминов не знать!
А что иным...? Ладонь под подбородок
И о тебе лишь, милая, мечтать?

Иль вместо изложений чувств глубоких
Под звуки музыки прекрасной лиры,
Запоминать верлибры, тропы, стопы
Лимерики, октавы и терцины?

Прошу, о, Муза! Спой моим друзьям!
Тем, кто, поэзией дыша, живет в сем мире,
Кто пишет по утрам, ночам и дням
И внемлет музыке твоей сестрицы Лиры.

О том, что тот поэт, кто песнь свою поет
Под струны двух сестер божественно прекрасных,
Пусть и не знают терминов и нот
И всё ж творения их вовсе не напрасны!

Терпение

Хочу раскинуть мысли я
И разложить по полкам,
Чтоб не было сомнения
И делать мог все с толком.

Теперь я понял, суета -
Одно лишь искушение.
Нужна нам мыслей чистота
И чуточку терпения.

Я просьбу посылаю в небо

Я посылаю просьбу в небо,
Чтоб муза снизошла ко мне.
И с нетерпеньем жду ответа.
Сейчас уж ночь, мне мало света,
Но думать не могу о сне.

Хочу услышать музы струны.
И под мелодию ее
Душою воспарив, безумно.
Кружиться в вальсе злато-лунном.
С подругой-ноченькой вдвоем.

Хочу услышать музы звуки,
Хочу поэзией дышать.
Без них я задыхаюсь в муке.
Покуда с ними я в разлуке,
Не жить мне - лишь существовать

Услышь мольбу, Господь Всевышний!
Не зря ж Ты жизнь мне подарил!
И вот! ...мне в ухо муза дышит,
О, Боже, ты меня услышав,
На творчество благословил!

Привычка или любовь?

Что сильнее привычка или любовь?
Что сильнее пленит необъятные души?
Что толкает на то, чтобы видеться вновь?
Что же все-таки легче в нас можно разрушить?

Не любовь ли сама в нас привычку рождает,
Иль привычка вливается плавно в любовь?
Но любовь лишь одна, что осталось от рая.
А привычка в раю... вот, я думаю вновь.

Люди вместе живут, привыкая, друг к другу
И отратно им вместе бывать, как одно,
И супруг говорит, что он любит супругу.
Та в ответ: «Я привыкла уже, все равно».

Но откуда измены друг другу берутся,
Что толкает людей, на презренный сей путь,
В омут скверны, порока и лжи окунуться,
В чем же, кто мне ответит, есть суть?

Не всегда есть в привычке гармония счастья.
Та гармония, что в нас рождает любовь.
Лишь она обладает огромною властью.
И, любовь обрета, мы, хотим её вновь.

Роза без аромата

Я как-то розу в клумбе увидал.
Стройна, горда была и сочно ала.
Хотя бутон её рубинами сиял,
Но запаха она не издавала.

И я подумал: значит холодна,
Ведь аромат для розы - как душа!
Так для чего она расти должна,
Коль ей цены, как розе, ни гроша?

И сколько же на свете этих роз,
Которые, красою привлекая,
Затем в нас пробуждают море грёз,
В измотанную душу шип вонзая!

СИМАН ТОВ Шауль
(Агаев Шамиль)

Читатели уже имели возможность познакомиться с творчеством Шауля СИМАН ТОВА (Агаева Шамиля) в разделе «Проза на русском языке».

В этом разделе автор раскрывает свой поэтический дар.

Она

Она одинока, как осень, и тепла, как апрель.
Ей уже тридцать восемь, и что же теперь.
В её жизни есть только работа и дом.
Вечерами выходит она на балкон.

На тротуарах люди, на дорогах авто,
Её не замечает в этой жизни никто.

Вот уже сколько лет телефон молчит.
Вот уже сколько лет к ней никто назвонит.
Она стоит на балконе и смотрит ввысь,
Шагает за перила и падает вниз.

На тротуарах люди, на дорогах авто,
Её смерть не заметит в этой жизни никто.

Азербайджан. Баку.
Январь, декабрь 1993.

Кавказ

Не нужны мне Гаити, Гавайи, нет, не нужны.
Не привлекают. Красоты мне их не важны.
Есть только место одно, что радует глаз,
Неповторимый, мой солнечный, горный Кавказ!

Чистый и свежий воздух, как будто в раю,
Горные реки шумят, словно птицы поют.
Здесь наливаются мёдом в садах виноград,
А хлопок одел все поля в белоснежный наряд.

Всех городов и селений не перечесть,
Здесь помнит народ, что такое гордость и честь.
Древний Дербент, Тбилиси, красавец Баку,
Много чего на своём повидали веку.

А если задумал себе невесту найти,
Ты можешь искать и мир пешком обойти,
И через года, когда весь мир обойдёшь,
Ты вернёшься сюда и здесь невесту найдёшь.

Девушек наших милей и добрей в мире нет,
А их красоту воспел и ашуг и поэт.
Здесь у каждой горянки есть свой любимый джигит,
И он её образ в сердце до смерти хранит.

Всех их достоинств не перечесать,
Помнят они, что такое гордость и честь.
В древнем Дербенте, в Тбилиси, в красавце Баку,
Не восхищаться я их красотой не могу!

Ну, а кухня кавказская просто на редкость вкусна,
Шашлык, хачапури, лявянги и дющпяря,
Шор гогал, чахохбили, люля, бастурма и бозбаш,
Наршараб, чигыртма, суп харчо, а по утру хаш.

Сациви, хингал, чинахи, пити и довга
Буглама, хоюгушт, сатени, шякярбура,
И пахлава, говурма, кябаб и лаваш,
Ну и, конечно же, плов или попросту аш.

Всех блюд кавказских не перечесать,
Их миллион пять тысяч четыреста шесть,
В Древнем Дербенте, в Тбилиси, в красавце Баку,
Умеют и любят готовить к обеду долму!

Израиль. Хайфа.

Апрель 2001, январь – март 2002.

Юная

Встретил тебя юную, раннею весной,
Сразу понял, что люблю милый образ твой.
А ты такая юная, а я почти седой,
Я прошу красавица, ты побудь со мной.

Ну, давай поедem мы к озеру сейчас,
Оно цвета одного с цветом твоих глаз,
А ты такая юная, а я почти седой,
Буду любоваться я бездной голубой.

Прожито немало мной на земле годков,
Повидал немало я в жизни городов,
А ты такая юная, а я почти седой,
Не встречал по жизни я красоты такой.

Где ж найти волшебника, чтоб вернул туда,
В юность ту беспечную, где молодость цвела,
А ты такая юная, а я почти седой,
Не видать, наверное, мне любви с тобой...

Израиль. Хайфа. 29 июня 2001.

Песочные часы

Жизнь моя часы, часы песочные,
И Бог, когда-то их на стол кладя,
Сказал что каждая упавшая песчинка
Это время прожитого дня.

С той поры песчинки тихо падая
Уменьшают жизни моей дни.
О, как порой бывает больно мне,
Что вот-вот все упадут они

Время мчится, жизнь проходит,
День за днём, за годом год.
И не знаю я что завтра
Мне судьба преподнесёт.

Должен помнить, что придётся
Мне потом держать ответ,
На вопрос перед Всевышним
Зря я прожил или нет.

Азербайджан. Баку. Май.1990.

Израиль. Хайфа. Март. 2001.

Где же ты сейчас...

Ночь на город опустилась,
И ты снова мне приснилась,
Вижу я тебя как наяву.

Твои длинные ресницы,
Словно взмах, какой то птицы,
Как же я сейчас без них живу.

Моя милая родная, где же ты сейчас?
Губы кто твои целует в этот поздний час?
Всё судьба за нас решила - нам не быть вдвоём,
Только в сердце остаёшься навсегда моём.

Снова я рассвет встречаю,
И глаза я открываю,
Только рядом вижу не тебя.

Лет прошло наверно десять,
Как с тобою мы не вместе
Но тебя забыть не в силах я.

Моя милая родная, где же ты сейчас?
Губы кто твои целует в этот поздний час?
Всё судьба за нас решила - нам не быть вдвоём,
Только в сердце остаёшься навсегда моём.

Израиль. Хайфа. Февраль 2004.

ЮСУФОВА Фрида

Родилась в 1949 г. в городе Грозный. Жила в Баку. Репатрировалась в Израиль из Баку в 1990 г. Журналист, член Союза писателей и Союза художников Израиля.

Стихи пишет много лет. По её словам, стихи как молитвы уносят трудности. Но профессиональным стихотворцем стала себя ощущать в 1994 году, когда с напутствия поэта-лирика Николая Доризо вышла в свет первая книга. Автор нескольких поэтических сборников «Распахнутое сердце», «Признание в любви», «Птичка - злючка». Печаталась в альманахе Марка Котлярского «Роза ветров», «Творческий Акко», «Пером и кистью», «Русское эхо», в литературном публицистическом альманахе Союза писателей горских евреев в Израиле «Наша звезда - Астарайм» и в каталоге художников - выходцев с Кавказа «Краски времени». Занимается живописью, графикой, лепкой, вышивкой.

Работает на добровольных началах инструктором кавказской молодежи. Ведет кружки рисования, лепки и рукоделия.

Является собственным корреспондентом журнала «Российский адвокат» в Израиле. Пишет очерки об Израиле и об интересных людях.

Сорок лет, как Моисей в пустыне,
Мой отец ходил по полотну –
Шпалы, рельсы, степь, полно полыни,
Ночь рождает Звезды и Луну.

В каждом, говорил, живет бессмертие,
Каждый носит в брэнном теле смерть.
А в степи такое многоцветье,
Просто невозможно умереть!

Как кометы движутся составы,
Свист и пламя, снова тишина.
И отец, простой и величавый,
Все бредет по краю полотна.

РОМАНС

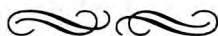
Осень наступила, на душе тревога,
Стучат в окно колючие дожди.
Передо мной степь и дальняя дорога,
Я слышу голос твой: «Прошу, не уходи».

Но что же ждать, не знаю я, любимый,
Весь вышел срок, мне надо уходить.
Когда-то был и ты неумолимый,
И я молила, принять меня, простить.

Ведь были у тебя жена и дети,
Семья была, теперь живешь один.
Кому же быть за одиночество в ответе,
Я думаю, во всем виновен ты один.

Все в прошлом, и время лечит раны,
Тогда была я очень молода.
Теперь лишь дети для меня отрада,
Ах, сколько от детей тепла.

Любимым ты останешься навеки,
Но изменять судьбу я не хочу.
Прошли года, и повзрослели дети,
Тебя как друга, в год раз навещу.

Я путешествую, и предо мной дороги,
Их много неизведанных путей.
Полна душа печали и тревоги,
Но возвращусь домой, и вновь я средь детей.

АРБАТ – 96 - го.

Ты напомнил мне, милый московский Арбат,
Почти, что былинный парижский Монмартр.

Как в запретную зону открыто окно,
Милицейских постов здесь не видно давно,
И пустуют театры и большое кино,
Только барды крутые в вороненых авто.

Металлисты грохочут – полупьяный народ,
Живописец из фото портрет создает.
Свою первую пьесу читает юнец,
Декламирует прозу хор поэтесс.

Расточают рекламу огни казино,
Циркачи виртуозно крутят в небо сальто.
А в музее, как в Лондоне восковые фигуры,
Гагарин и Гоголь совсем как в натуре.

А на книжном развале – разноцветный анклав,
Ленинизма вопросы рядом с «Майн Кампф».
Тут же бойкая бабка трясет кружева,
От матрешек и мишек разбежались глаза.

И грустит на ступеньках взъерошенный бомж.
То ли пьян, то ли болен – не разберешь.

БАКУ

Этот мир настолько старый,
Даже выцвел он.
Только подняли чинары
Свечки свежих крон.

Знойный полдень в «Ширван-Шахе»
Желто - голубой.
Старец в серенькой папахе
Смотрит на прибор.

Первый вечер в Парке Дружбы,
Первое «ханум»!
«Гюлистана» полукружья,
Гул базарный, ГУМ.

Площадь, митинг миллионный,
Первый час войны...
И нагорный парк, в котором
Плачем у стены.

РУКА В РУКЕ

В обнимку, вразвалочку,
Ходили мы с тобой.
И мне неинтересен был
Тогда никто другой.

Была совсем девчонкою,
Всего семнадцать лет.
Еще не дорисован был
Мой девичий портрет.

И неразлучной парой
Гуляли мы с тобой
По той заветной, старой
Бакинской мостовой.

Был нам двоим понятен
Таинственный язык:
И нежный шепот моря,
И белых чаек крик.

Луна светила ярко,
Играя на волне.
Ты нежною рукою
Прижал меня к себе.

Звезда в волну роняла
Сверкающий свой блик...
И я тогда узнала,
Как мир любви велик.

МЕРТВОЕ МОРЕ

(баллада)

Взрезая горы, как пирог слоистый,
Бежит меж ними лента серпантина.
Всё вниз и вниз лежит наш путь неблизкий,
Тихонько шинами шуршит машина.

Остался где-то позади Арад,
Одетый в яркий праздничный наряд,
А горы древние стоят за рядом ряд,
И нескончаем их торжественный парад.

Вдруг – море!...нереальной красоты,
Величия такого, широты
Едва ли можно разыскать по свету,
Хоть обойди из края в край планету.

Здесь у подножия великих гор
Играет красками морской простор:
Топазы, бирюза и изумруд
В воде, что люди мертвою зовут.

Но между тем в касанье этих вод
Находят исцеленье от невзгод
Туристы многие из разных стран.
Кто Тору почитает, кто Коран.

А в давние седые времена
Стояли здесь большие города,
Не хватит тысячи печальных слов
О доле рассказать тех городов.

Стояли здесь Гоморра и Содом,
И поглотил их вмиг небесный пламень:
За пьянство и распутные дела
Господь их превратил в горячий камень.

Но спасся Лот со всей большой семьёй:
Всевышний даровал награду из наград.
Он даровал им жизнь за праведность и веру
Велел лишь строго - не смотреть назад.

Ох, сладок вкус запретного плода.
Из любопытства обернулась вдруг жена,
И на глазах у дочерей и мужа
В столб соляной была обращена.

На этом самом месте с давних пор
Разлилось море у подножья гор,
И солью лечит раны у людей.
Нет в целом свете той воды живей.

О, море-море, как же ты прекрасно!
И согласитесь: все-таки напрасно
Зовется море Мертвым, ведь оно
Приносит людям исцеленья счастье...

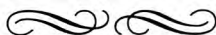

ЯГДАНОВ Юрий

Родился в 1936 году в городе Махачкала. Имеет высшее экономическое образование. 40 лет проработал на предприятиях Минсудпрома в городе Каспийске. Ветеран труда.

Стихи пишет с 16 лет. Его произведения публиковались в городских и республиканских газетах, в поэтических сборниках. 12 лет был председателем литературного объединения города Каспийска.

В Израиле с 1998 года. Живёт в Хайфе.

Хочешь быть со мною

Хочешь быть со мною
Ласковой рекою?
Течь по горным кручам,
Отражаться в тучах.
Ласковой рекою,
Хочешь быть со мною?

Хочешь быть со мною
Чистой росой?
Украшать деревья
Белым ожерельем.
Чистой росой
Хочешь быть со мною?

Хочешь быть со мною
Юною звездою?
Близкой и свободной,
Яркой путеводной.
Юною звездою
Хочешь быть со мною?

Не пришла

Не пришла...
Видно не захотела.
Моросит.
Я с надеждою жду.
Неужели
Любовь пожелтела,
Как осенние листья в саду.

Зима

Обманула зима жестоко:
Слышен радостный птичий крик -
Распустились почки до срока
И завяли, замерзнув в миг.

Восточные напевы

Двух сердец журчат ручьи,
Родниковые ключи.
Пусть весь мир перевернётся
Нас с тобой не разлучить.

Ты росинка по утру.
Чаровница на ветру.
Так меня околдовала,
Отвернёшься – я умру.

Я - Ручей, а ты – Земля.
Вместе – Лето и Зима.
Даже солнцу одиноко,
Если прячется Луна.

Между нами встала тьма:
Злоба, зависть и обман.
Но наступит наше утро,
И развеется туман.

Ветер локон треплет твой –
Я ревную сам не свой.
И за что такая мука
Мне дарована судьбой?

Закружила словно смерч,
Подняла меня на смех.
Все стерплю - коль ты со мною,
Расставанье - это смерть.

Ты - волшебная лоза,
Жалишь словом, как гюрза.
Но какое это счастье,
Утонуть в твоих глазах.

Не ворчи – морской прибой,
Пусть горька моя любовь.
Сколько б ты не ворожила,
Окольцован я тобой.

Ты счастливый мой билет,
Тьма кругом, но ты – мой свет.
Если вдруг не примешь сватов,
Пропаду во цвете лет.

Ты моя дурман – трава,
Как всегда во всем права.
Нас не горы разлучили –
Разлучила нас молва.

Ты давно должна понять:
Отгорев, не вспылать
Молодую кобылицу
Волку – старцу не догнать.

Пью янтарное вино.
Пусть. Лечебное оно.
Нет тебя со мною рядом –
Опускаюсь я на дно.

Не прикрывайся девушка чадрой,
Хозяйкой будь, и двери мне открой.
Впусти к себе и сядь ко мне поближе,
Чадра для тех, кто красотой обижен.

*Не умер, никогда не умрёт,
Поэт в сердце народном живёт,
Чьи стихи, и поэмы, и песни,
Из уст в уста народ передаёт.*

Сергей ИЗГИЯЕВ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ НА ГОРСКО- ЕВРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ЭЗ ТОВНЭЙ ƏЛИФБОЙ ДƏРБƏНДИ

Түрмэтлүйə һəзизмəндə хундəкорһо! Мəрə войисдəни э Азəрбайчон зүһүсдəниһо чуһурһой доги, ə əхири салһо гобул сохдиһо əлифборə йəбойкəш ə мəслəһəт ишмүрəвəз чумə-чару сохдə, ə бүтүн һилом сəпəлəмиш бириһо əри һəммəй чуһурһой Гафгазиһо (Гүбəйиһо-Дəрбəндиһо), ə йə дəкиш нə бирəниһо чəдвəлə хуно һəмишəлуғ сəдиг мундə чикə, дийə ə йə чиройкə үкəйтəлүйə əлифбоһо вомундə, һəсонтəлүйə хундəйи миллəтə ə гəлизлүйə чəтиниһой зобунə мүшкүлйəтиһо вə һəйбəчəрийəтиһо вəнкəсдə, хүшдəрə ə пишой бийовһо нəсилһоймуш пəшмунəтийə сəргузлү нəйилим. Хундəйиһорə бүтүн миллəтһо ə дүнийһи зиһисдəнүтһо, йə сад бо эз сəдиглүйə гəрболһой һəггийəти һəр вəхт һитийотлу кировундə-кировундə, һəр сəс лəһəрə ə йə һəрфəвəз бурбундəт, ки һич ə хов одомиш нə оморəниһо бичорəйə гəришугиһо софə дүлə ним-ноһог буландирмиш сохтə, хəлгə ə нəразийəти нə вəнкəнүт. Əри əни товнə иму зу-зу истифадə сохдəнимһо һəрфһо – «һ» нə «һ», əйи форма нүвүсдə оморəнки, лап хубтə ə мəгсəд дəһəммəнди əлифбой чуһурһой əн догиму йə нүгсон, йə хото нə бирə мəсəлəһорə дəгигбəндлү һəл сохдə танусдəним. Имоһой əйиму хуб мəһлүм һисдиһо чəдвəл əн əлфбой чуһурһой догирə (Гүбəйирə) войисдə ə йор ишму вəнкəнүм, ишму бəгдə и 2 чəдвəл əлифбоһорə эз чум кировнит:

Аа Бб Вв Гг Дд Ее Чч Зз Ии Йй
Кк Кк Лл Мм Нн Оо Пп Рр Сс Тт
Һһ Ғғ Һһ Уу Фф Хх Чч Шш Əə Үү

Һəзизə хундəкорһо! Имоһой войисдə чəнд чиро мəсəлһо бийорум, ки ишму хүшдəнишмуш винитки, ə əлифбой Дəрбəндирəвəз чү чиройə тəфəһəт дəрикə.

Мə йə кəм дəрəтə чəдвəл əлфбой Дəрбəндирəш əришму ə һəрфһойүрəвəз очуг имбурбунум. Эз йор вəдəшəндə кəрəк нисди, ки ə дəрбəндиһо кирош: Һ = г1, Һ = хь, Ү = уь, Ə = э, Һ = гь, Ч = ж, К = г, Г = гь, Йо = ё, Йу = ю, Йа = я.

Əкəр иму нүвүсдимкə «гүчүмлүйə», ундə, и кофə ə Дəрбəнди киро бийо тазадəн «гъуьжүьмлуйьгь» – һəчи нүвүсим. Йə кофикə: «гүлгүлөлүгһо», һəкəнə ə Дəрбəнди киро: «гъуьлгъуьлелуьгьгь» – һəчи нүвүсим. Йəнобкə: «һəдəтмəндəлүйə»рə – «г1эдəтмəнделуьгь», «һəрһəр»ə – «хьэрхьэр», «чүчəрмиш»ə – «жүьжермиш», «бəбəлуғһо»рə – «бəбелуғьгь» вə чəндиһо.

Соги кофһоймə уники, тə дир нə бирə, əзи чиро мəлһəмлүйə əлифбо дур мундə, хүшдəрə ə чəтиниһо вəнкəсдəниһо шoһирһо-нүвүсдəкорһойму вə йə сəнəһəткорикəһо, бил эз дүли-чуни фикир сохдə, əзи чəшмишə рəһ зүтəтə вокошдут. Чүнки, ə пишo оморəниһо мозолмəндə, хушбəхтə нəсилһойму һич чүрə имурə əри зуһун дəдəйиму гəриблүйə үкəйə йə əлифбоһойкəрə гобул сохдə нитанут вə əримүш Худолүтəйə бəгшлəмиши нихойут. Амбар əзишму əдəм хоһиш сохдə, ки ширинə арзуйə вə əгүлмəндə тəклиф һoшмүрə ə Израил вəдирəморəниһо ə козит «Кавказ»и фүрсит. Кəлə Худо кумəк ишму кəрдo!

ЭЗ ТОВНЕЙ АЛФАВИТ ГУЬБЕИ

Хуьрметлугье глэизменде хундегоргьо! Неденишире е чендбогьо э товней элифбой жугьургьой догьи э гозитгьой «Кавказ»и ве э жуьр-бежугьор възхтгьо, э мажлуьсгьо меселейуь норе омorigеш, те имбурузине възгдгьо е хэйрлугье пишовоте рафдеи гьелелугьэ веде ние бире. И михьтожи э е бичорее ночогь хуб небирени чарусде, э жэглми нувьуьсдегоргьой имуревоз, китобгьоре не гозитгьоре хундегоргьоре э е келе чешмишигьо дешенди. Гьеле э 1939 сал э Догисту, э е межлуьс (ижлас) гобул биригьо и яралугье элифбо имогьоиш эз гурунде бихьоллугье луьхьуьчек 67 сали невэхуьшде, е элифбогьойгере хуно э китобгьо чарусдгеш, нурелугье чумгьой эн глэизе хундегоре эдебийетчигьо имогьоиш вердуьш бире насдануьт. Эз девр эн сенгьиш те имогьой е эзини муьгьугьужуьзе элифбо не бири, не бирениш нисди. Чунки, и элифборе энжегь нувьуьсдегоре шогьиргьо, хьэвескоре е ченди эдебийетчигьо темиз данусде хунде. Оммо, хэлгь гложизети хуьшдере эзи 67 сал пишоте э хьолпиревоз бурбундики, и жиро элифбо угейи гуфдире. Э жедвелевоз тониш бошит:

Аа Бб Вв Гьгь Дд Ее Ёё Жж Зз Ии Йй Кк
Лл Мм Нн Оо Пп Рр Сс Тт Уу Фф Хх Хьхь
Чч Шш Ыы Ээ Юю Яя Уьуь Глгь Гьгь Гг

Э герек бире жиге эри гофгьой эн уриси «ц» не «щ» иштирак сохдени. Берекалла и 36 хьэрфлугье жедвел эн элифбой эн те 300 гьозор, э буьтун дуьнэгь гьисдигьо жугьургьой эн догимуре! Е эзини мезелугье вошгуне гьеле гуьруькмиш не бири. Эхи инсофеш нимей дин-дэглот гуфдиренуьт!

Имогьой э кумеки ишмуревоз э е ченди меселегьо тухунмиш бошим.

Мере воисдени, ки э и жедвелевоз е жуьмле хэтт нувьуьсуьм ве ишмуш мэглэнойугье хуьшденишму э Худолугье Тироетиревоз ведешенит: «Мэглугьмлугье гьэретиконлугьэ муьгьугьужуьзгьой эн бэглэизи биглэсуьллуьгьгьо, буьмуьздлугье бендегьоре э гьэтрелугьэ жэхьти дешенде възгдгьо, чуьруьтмуьше хьолгьо-эхьволгьоре э чумгьой хуьшдеревоз очугь денуьшуьгьо, эз жуьр-бежугьоре гьуьзуьрмелугье нечогьигьош мэхьруьм бире э говлелугьгьо луьнг нидешенуьт».

Эгер: гл = һ, гь = г, гь = һ, хь = һ, г = к, уь = ү, е = э, ж = ч бисдоге унде и жуьмле хэтте гьечи имбу хунде: «Мәһләмләе гәрәтиконләгә мһһчүзһой ән бәһизи биһәсүллүһо, бүмүздләе бәндәһоре ә гәтрәлүгә чәһти дәшәндә вәһдәһо, чүрүтмүше һолһо-әһволһоре ә чумһой хүшдеревоз очуг дәнүшүһо, әз чүр-бәчүрә гүзүрмәләе нәчогһиһош мәһрум бирә, ә ковләлүһо лүнк нидәшәнүт».

Худоменде глэизе хундегоргьо, седигьэ тефэглэтлугье фергь зурбе ведини. Теклифгьошмуре э гозит «Кавказ» митанит фирсоре. Э Худолугье жун согьиревоз мозолмендлугь зигьошит!!!

Элдар ГУРШУМОВ,
шогьир, Рэхьбер союз нувьуьсдегоргьой
жугьургьой догьи Израиль.

НЕКАЕ
Ә ЗУҺУН
ЧУҺУРИ

ПРОЗА
Ә ЗУГЬУН
ЖУГЬУРИ

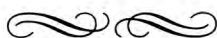
ПРОЗА
НА ГОРСКО-
ЕВРЕЙСКОМ
ЯЗЫКЕ

ШАМАЕВА
Мазаль

Читатели уже имели возможность познакомиться с творчеством Мазаль ШАМАЕВОЙ в разделе «Публицистика на русском языке».

В этом разделе автор представляет свои произведения на горско-еврейском языке.

Инсон зебу эйчуь бие бу?

Э е эз шегьергьой Догъисту зигъисдебу е келе мерд не келе зен. И келе мерд данустей хуьшдере хуно вокурдебу э дести-десуьрево е дуьхунеи. Игьоре хъэйтиш бу. Мерд э хъэйт хуьшде дешендебу богъ. Гъеме жиро бегъериш кошдебу э у богъ. И зен – дуьйуьмуьн зен эн келе мерд бу. Омон, эн зен и сеимуьн хуней песи бу. Мерде эз суьфтеи зен е кукиш, дуь духтериш бу. Зенеш бу гӀзилгьой. ГӀзилгьой гьердуьй энигьо эвленмиш биребуьруьт.

Зен мерд шоре зен бу. Мерд е соките мерд бу, метлебгьой эн зен хуьшдере гье ебирден воровунденбу. И е кем эз зен терсиренбу. Рузгьой е рузгьо, мерд бисто хьолсуьз. Огол зе зен хуьшдере, гьишт келеи кук хуьштере эз суьфтеи зен огол зенуь эки ю. Омо кук, деберд угее кукке э доруни хуне эки бебешуь. Зен хуьштению э гуш поист э песей дер, эй шиновусте чуь сургьойиге игьоре эз ю.

Мишинову, мерд эдей э келеи кук хуьшде жигей пэхьникие эршефигьой хуьшдере гуфдире. Те геде э сер офторе гофгьой бебере, зен вуьдов-вуьдов дешендени хуьшдере э омбор, офтени бухчей эршефигьой шуьвере, пэхьни сохдени эй хуьшде э е жигейге. Мерд олхоим бирени омонению э дес эн ю амбар хостенио эгъуьлменде кукю мидаров гуфтире, монухьо бирени. Угее кук мундени дес тигьи. Зен бирени сэхьиб эн хуней мердиш, эн эршефиой мердиш. И имогьой нуьштени гӀзилгьой хуьшдере дошде. Ги-рошденуьт салгьо и гӀзилгьо келе биренуьт. Эй духдер дироморени илчи. Дедей дорени рафте, гьелем бегьем келе не бире духдере э

е оюе кук. Духдер глэруьс бирени, е глэилиш бирени ире. Шуьвер духдер э рэхь бердение инсон ние бире. Зере гьер руз куфдени. Жоиле зен тоб ние доре, вегуьрдени глэиле, ведиреморени э хуней дедей. Имогьой духдер гене э жевгъ не хьоройгьой инсофсуьзе дедей домундени. Дедею лап хьуьршлуье зен бире. Духдер домундени гене э боле:

– Имогьой чуй рэхь офум эй ме? Эз дес е гъэритикон ведиреморум э дести десмерево, э дес е гъэретикониге дерафт. Имогьой чуй сохум ме? Духдер имогьой гъечи норе эри хуьшде: Гене э хунейме вогошдумгьо хуби, чоре не бире. Оморени, офдорени духдер э пой дедей, бэхшлемиши хосдени эз ю, гуфдире, глэилме келе биренки, бебей хуьшдере мигешдуь, ихдийор ди мере гене эки шуьверме вогошдуьм. Чумгьоре чарунде, оморени дедей э дуь десирево э сер эни, гуфдире, туьре гене эки жингире шуьвер рафте воисте?

Данустени туь, де ранг хунеймере э ховиш ни вини, гуфтире, гене эки зну делуь рафдиге эй гигермиш сохте туьре? Духдер де дедере жогьоб ние доре, глэиле эки ю гьишдени, рафдени э хьомум. Лап хинике руз зимисту бире.

Дедей э хуне э соворе глэилово хьуьршлемиш бирени домунде. Оморени духдер эз хьомум, диреморени э шишэхоне, мивинуь дер хуне гъилини. И сер гуьрдени дер хунере эй куфте, дедере хьэрой зерени, омон и суруле дедей дере ние вокурде имишев эй эни, сер-тенуь тар гьисдигьо и шев зимисту духдерю. Те себэхь духдер мундени э эз, су-глэтош гуьрдени, сер гуьрдени эй сэхт суьврьюсте. Дедей шиновусте сес суьврей духдере, вокурдени дере, дирени духдерю э чуй хьоли. Хьэрой сохдени куке, гьердуьшуь деберденуьт духдере, дегердунденуьт э хьэлов. Огол зеренуьт духдиргьоре, де угьош чоре сохте ние данусденуьт эй езугъэ духдер. Соворе глэил мундени есир. Тэхсир хуьшдере э герде вегуьрде, келе зен э гужово келе сохдени и глэиле. Юре эй эни глэил гьеме мегъ пенжогъ монетиш дорени себес, те гьеждегъ сале бире. Оморени духдерле хьэшт сале бирени.

У вэхт куклеш той зен хосте бирени. Кук е духдере соймиш сохдени, дедею э одоми хуьшдере илчи дефирсорени э хуней бебей духдер. И жоиле духдериш дедейсүз келе бире, дедешу гьелем э глэилию монухьо бире. Бебей духдер э тэхьно келе сохте юре. Унегуьре бебе лап унгъэде ние шинохде сэхьибгьой куке. Эвозогьой бебешуьре екем шиновусдени, е хубе мерд бу, гуфдире, дедей куке ние шинохде. Бебе пуьрсирени эз глэил хуьшде, чуьтам оморениге эй ю геде? Дехдер сере гьуз гуьрдени эз глэйб, бебере жовоб ние доре. Бебе варасирени, духдере эз геде хьэз омори гуфдире, юш рази бирени э вихдей духдеруь. Имогьой келе зеш оморени э хуней глэруьс э дес ю эри энгуьшдери доноре. Энгуьшдери доноренки э дес глэруьс,

зен э е ширине зугъурево гуфдирени эз ю: «Холуй туь муно, туь э руьгъэн офдорейки, туьре сибе хуно э куьф миденуьм, мигердуьнум». Оморенуьт нуьшуьнденуьт глэруьси, овурденуьт юре э хуней домор. Омон э глэруьси э хуней домор чет эн огол зерегоргьош ние оmore. Гъэйгъуй не оmore пулгьош ние гуьрде сэхьиб хунере, игьоредерд эн мунде ягънию, глoшгьо, нунгьой тенуьи гуьрде. Фировунденуьт деде не писермунде чигьоре э омбор, чуьнки у вэглдегьо холодильникгьо элем ние бире. И чигьоре келе зен чордэгъ руз тазе доморе не глэруьсе дорени. Глэруьс келе ночогъ бирени, эз шуьгъэм парпар сохде.

Э домор куьгъне чигьо дедей кори ние сохде. У эз глэилиревоз хутеи э домунде чигьой деде. Оморени хэгьер эн глэруьс винирени э чуь хьолиге чуькле хэгьерю, зу доморе фирсорени э туку эй сэхте пени висдоре, дорени хэгьере, биебур сохдени и сагъатгьоре эй инсофсуьзе хосиетгьошу. Эле э песой эни ихтилотиш, бордоре глэруьс е согъэ салиш чи гушти ние дире э хуней хуьсуьр. Иш бирени е мерез, е мерезе глэилиш бирени ире. Дузире гуфдиге, э и хуне екиш бегъеме рузиш ние винире, не бегъеменуш ние хурде. Эй глэил духдер хуьштеш келе зен е гилеш не пойвокуш, не парталиш ние восторе.

Зимистуш, э хинике верфгьош э и глэил дедейхолуре ёзугъ ние оmore. Е гиле и духдерле вэхуьшдени руз зимисту тенбирэхъне, журубсуьз, э келе галушгьой мердунерово эки зохолу э кор рафте. Глэруьс келе хижолоти кеширени э кор и духдерле гъечи виниренки.

Гъетто э хуне оmore, глэруьс е-дуь булшей хуьштере нуьшдени эй духдерле чуькле сохдени. Пул декрети хуьштереш палтуй зимистуне восторени эй есире духдерле. Гъелем э глэруьсево келе зен эз у келе женггьой хуьштеш гуьрдени, гуфдире, эйчуь пулгьоре хэржи сохтей эй ону, у гъечу келе бири, генеш келе мибисдо мирафт. Омон ю э гъэриш хунеш э гьолинде шолово нуьште. Эз у пенжогъ монет глэилиш, себес доронигьо эри ю, дедейхолу не партал, не пойвоку ние восторе эри косибе глэил. Пойгьой эни духдерле эз глэилирево бомбосил бирени, унегуьре, и духдер келе бире э шуьвер рафденкиш, ире де глэил ние бире. И жиро гуж воноре и зен э сигъде дедейсуьзе глэил хуьште, пулгьой хуьштереш, эн невелереш эй хуьште э тэхъно эй доште. Жоиле глэруьсеш и кем дердежер ние сохте. Жаруй хунере эй хъзз шенденбу э миглей хуне, эз пэхъники фем сохденбу, эгер глэруьс жарура вегуьрденбуге эз хори, эй данусте, и глэруьс тембелиге. И коре и гъе мисохт. Глэруьс пул мегъи хуьштерезз кор миёвурд э хуьсуьр мидо. Эз е сэглэтиге глэруьс миофт э е биней хуне ейлугъэ э пулгьорево. Глэруьс гене мидо пулгьоре э зен. У гене песде мишенд пулгьоре э е жигейге. Гъечи, кем ихътиборе хуьсуьр, глэруьс э пулгьоюревоз синемиш

мисохт, гъеме руз дердежер мисохт. Гъечи гӀзилгъой хуышдере дердежер сохти и зен. Эзинигъоре гӀзил гереки, ненгеомонеи гереки? Э хушдеревони беруьге. Ини согъи гоф.

Профессор

Э кабинет дироморени е гъуьндуьре, шивитие мерд, сифетю лап лӕгъэр. Е десте студентгъош диреморени э юрево. Е студент дер кабинете вокурдени, Ночогъз огол зерени. Ночогъ гӀзйбе-гӀзйб дироморени э кабинет, нуьшдени э сер истул э раче-берачей профессор Мигъиров. Профессор э сабуревоз гуш вонорени чуй жигей ночогъ дорд дорениге, гъишдени е студентигере гуш воноре синегъо-кемергъой ночогъз. Ночогъз вэхусунденуьт эз кушетке, Нушунденуьт гене э сер истул э рачей профессор. Сифет эн ночогъ лап зерд оморе эй духдир. Пр. Мигъиров кеширени дес хуыштере э сер истул, дениширени э чумгъой ночогъ, тейте у дес хуышдере куьнд овурде эз дес ю.

Мерд мивинуь, ночогъ терсирени дес хуыштере куьнд овурде эз дес ю. Сифот ночогъ ежиро дуьлеспесере хуно оморе эри Мигъиров. Профессор Ебо дес хуыштере мивенуь э сер дес ночогъ, песте мугуб эз ю: «Туь дуьлпесо Мебош, ме туьре хос мисохум». Мигъиров вокурдени дефтер хуыштере, нуьвуьсдени нумгъой дермугъоре эй ночогъ, кей десиге биёвгеш э кию. Ночогъсер гъуз диреморевугъо э кабинет духдир, сер тик ведарафдени эз кию, имид бире юре э и дустерэхъмедуьле инсон...

Гъечи и ночогъ дуь сал оморени рафтени э ки эн профессор, нуьвуьстеюре сохтени гьер вӕхт. Хьол ночогъ евош-евош сер гуьрдени хуб бире. Омон е одомигъо оморени гурунд дегешдени, духдир гъэдер дермукюре ошибке бире, се гиле звер нуьвуьст эри ю. Гъэдерсуьзе дерму чарустени э огъу, ночогъ монухъо бирени, чуьнки духдиргъо де чоре ние офтенуьт эри ю. Ночогъиге эз дерд хуыштере э гуш ние гуьрде, э хӕйол хуште ние бире. Профессор когъоз фирсорени э хуне, и э духдир эйчуь ние омореге. Профессор дуьл дорени ночогъз, гуфтире, кей танусдеге биё э духдир, э гъавл туь бош Ночогъ эз се мегъиге, хьолю гурунд биреки, оморени эки профессор. Мерд сохтени анализгъой юре, анализгъой ю лап зебу ведироморе. Ёвош-ёвош профессор норени эри эни операциесуьз имогъой эй эни де чоре нисти гуфтире. Ночогъ дебирени э келе стересс. Ночогъ эз болнице де хбэрзо ние сохденуьт. Эй эни духдиргъогуфдиренуьт и операциере дуь жирои гуфдире, ю ночогъ бие вихуь жирей операциере. Имогъой эки ночогъ э рузу ченд духдир дироморе. Ночогъ жовоб доре ние танусте игъоре. Э

ю гуфдиренуѣт эйшуѣ глѣмел ние оmore э жигей ночогъ вихте. И винирени екиш э ю согъи гофе ние гуфтире, профессоре огол зерени э телефоново эз ю е отделениге. Ночогъ кумеки хостени эз ю, коми операциере вихуѣге. «Еки куѣгъне жиреи. Ужире жигей операцие келетеи, дирте хос бире.

Эн дуѣимуѣн операцие жигеѣо чуѣклеи, омон е жигеигереш бие операцие соху, э унжо эй чуѣкле фотоаппарат доноре, эй дуз танусте жигей операциере. И лап тозе жиреи, хубе жиреи, чунки куре-кур сохте ние оmore операцие. Э момент операцие эз Америка оморени е келе специалист ведироморе, чуѣнки и операцие э фотоаппаратова тозе жиреи. У бурбундени хуѣштению э духдиргъой Исроил чуѣтам сохуге и операциере. Операция гироштенге, ночогъ вокурдени чумгъоре, винирени э ило-улею духдиргъо пури. Шори сохте, операцие уже гирошти гуфдире, ночогъ е-дуѣ мѣхсереш сохтени э игъорево. Ведеберденуѣт ире э палатею. Э минуѣу е десте духдир диреморени экию эй фѣгъм сохте жигей тозе жирзе операцие юре. Игъо мѣхѣтел мунденуѣт, гуфтире: «И кор эн заргере хунои, гъич жигей операциеюш веѣи нисти.» Профессор имогъой э рузу дуѣ гилеш диреморени эз е отделениге э ночогъ эй сер кешире. И профессор муѣгъуѣжуѣзе дуст ночогъи. Ижире духдире муѣу беѣемигъе последователь Гиппократ хъисоб сохте. У бу кук келе духдир эн Греция. Гиппократ Аристос бебешуѣреш гирошдени, парчогъ Македониере – Филиппе, бебей полководец Александр Македонскийере, Александр Великийире хуб сохте. Игъо э хъѣѣт хуѣште вокурденуѣт эй гурунде ночогъгъо отделение, эй те эз де-суѣшуѣ вероморе эй ночогъ чоре эй офте. Эйчуѣ игъо биренуѣт хуѣѣрметлуѣ э гъемей Греция. Шовгълой Гиппократе духдиргъой гъемей гилом эй хуѣште те имбурузине рузиш закон духдиргъо хъисоб сохте, чуѣнки у лап э ночогъ амбар фегъм вонори. И профессор Мигъиров беѣемие последователь Гиппократи. Омо чуѣ шовгъло дори у духдир, эз десуѣ эй ногъогъ ночогъ монухъо биригъо, чуѣнки у гъэдер дермуѣ ночогъе се гиле звер нувъусдигъо?

Тозе шинох э Ершолем

Е руз е гъуѣндуѣре жонлуѣ мерд э е келе сег хуѣшдерево эдем бу эз рѣхъ гирошде. Сег ю сер гуѣрд ире э е лойигей куче эй кешире. Куѣнд омо мерд, мивинуѣ э е лугъонде чолоки е чуѣкле сегле эдей виз зере.

Пар-пар сохте. Думит сохт мерд ю хуѣштenuѣ митануѣге и чуѣкле хаюлере эз и чухуреки ведешенде. У вѣгъде е жоиле гъилиш омо поист эки ю. Виники мерде воистени хуѣштере э чухуреки дешенде сеглере эй хилос

сохте, ю дешендени хуыштере, вегуьрдени сеглере э гъужогъ, хъэрекет сохдени э сегево эй ведироморе эз чухуреки, ние танусте ведироморе. Келе сег эдей э гъирогъ чолоки пар-пар сохде эй эз расе хилос бире. Сэхьиб келе сег гъуз бирени, дес хуышдере дорени э жоил, у ведешендени хуышдере э сеглерево.

Эз чухуреки. Мерд вегуьрдени сеглере эз дес жоил, келе сег умэхъэли олхоим бирени. Э рэхъ гьердуь мердгъо шинох биренуьт э еки, сер гуьрденуьт эй пирсире, ки эз чуьжоиге. Мерд гуфтирени эз жоил ю эзи куьндигъой Ершолейми, кими вэгде екем эй геште ведиреморенуьт э сегево. Геде гуфдирени, ю э и куьндигъо кор сохте, специалист эн сенгъгъои, ю шинохдени угъо эн коми взхтгъоиге. И вэгде оморени е раче жогъиле духдер giroшде эз и куче. Жогъилгъо сер зеренуьт екире, духдер giroшдени рэхъ хуыштере, геде гъирмизи бирени. Чуь глэселе духдери и духдер, у чуьй буй балаи, тегьер партел вокурдею, сие бирангъине муйгъой хуышдере чуьтам кура сохдиге э песей сер, шишере хуно гъисдие дузе гъуьжумюре виниш.

И е хъэменде духдер бие бу. Геде гъирмизи бирени, сере гъуз гуьрдени. Мерд э думитово дениширени э сифет эни.

Эйме оmore, туьре хъэз оmore эз и духдер. Туь сэхьибгъой онуре шинохдени? Геде сере жумундени, ние шинохде гуфдире. Данусдени чуьниге? Мере эз туь хъэз омори. Мере э туь кумеки сохде воисте. Дан духдер кей вогошдениге эз гимназие, ёвош-ёвош бурайм э песею, таним у эже зигъисдениге. Игъо игърол сохденуьт кей десиге мивохуруге э еки. Геде у руз э гузет поисдени, гимназисткогъо кейвогошденуьтге э хунегъошу.

Эз дуь рузиге игъо ёвош-ёвош рафденуьт э песей духдер. Духдер оморени расирени э ён хунешуь, дер гъопуре зинг зерени, дерафдени э хуне. Имогъой мердгъо куьнд оморенуьт эз гъопу, хунденуьт и хуней эн раби Миши Мердэхэйи гуфдире. Жогъиле геде гуфдирени эз тазе хъэрмэхъ, ю одоми шинохдени гуфдире. Духдер эз расдекиш хъэменде духдер бие бу. Мивуьнуь э ловгъой мерд хэнде вери. Чуьни, туь эдей хэндуьсде? Мерд имогъой очугъ хэндуьсдени. Ме е гиле э у рабирево э нимаз иму шинох бирем, мере э Ёршолейм бисдорумге э хуней хуыштеш э гъуногъ огол зери.

Жогъил шор бире, хосдени эз хъэрмэхъ юреш вегуьруь э хуыштерево гуфдире.

Оморенуьт игъо шэхъэнгум гъопуй мерде куфденуьт. Деро духдер мерд вокурде. Духдер гъогъ бирени жогъиле гедере виниренки, мердгъоре эки бебешуь дебердени, дерафдени э хуней хуышде. Раби шогъире шинохте шор бире, омори ведиромори э хунею гуфдире. Эй киниг нуьвуьсдейтуь мере амбаре историей эн дин имуни. Ме э туь ёвош-ёвош гъемере мишинохунум.

Туь вэґде офде зйтуь бие-бира эки ме. Имогьой э и жогьиле гґзилово шинох сох мере. Ме эдей диренуьм иреш амбаре гофгьо пуьрсире воисте эз ме. Шогьир ихтилот сохдени эй раби Миши Мердэхэй чуйниге сенигІэт жогьил. Раби шори сохде гуфдирени, лап хуб, имуре амбар гереки сеньгьой пушеите садсалио шинохденигьо хундегоргьо. Э ишколей ме амбара книггьой специальност туь дери. Гьердуйшмуре вэґде биренки бийт-бирайт э хунейму. И книггьой мере эн хуьште хьисоб сохит, не эз ме, не эз духдерме гґзйб меёвгу ишмуре. Духдермеш хундегори, белки кими вэґде э ишмуш кумеки сохде мидануьге. Духдер хэнде-хэнде ведерафтени гьуногьгьоре рэхь сохдени, гьопуре килит зере.

Жоиле геде имогьой амбар оmore рафте э хунешуь, рабиреш песде эз ю хьэз оmore, духдерюреш. Жоилгьо лап зугьун екире офденуьт. Екем вэґде гиросште, раби варасирени духдерюре лап хьэз омори гуфдире эз жоиле кук.

Кук гириге э и метлебево оморио э хуней раби, очугь сохдени дуьл хуьштере эки духдер, гуфдире, юре эз зурево хьэз оmore эз туь, омон ме дуьлепесеюм.

Раби Миши Мердэхэй э ме мидуьге туьре? Бебейму мере амбар хосте, эгьуьл мереш лап гьобул сохде. Данустге меш туьре хосденуьм гуфдире. Шори-шори гґзрисимуре минуьшинуь мирав.

Духдер эз растекиш гґзруьс бирени. Доморе раби э жигей кук хуьште дошде, гьеме данустей хуьштереш юре хуте сохдени. Гьечи сэхьиб ферзенд хуьштере хуб варасиренки, э шоре рузгьо гьиште юре.

ШӘЙИРҲО
Ә ЗУҲУН
ЧУҲУРИ

ШИРОГҲО
Ә ЗУГҲУН
ЖУГҲУРИ

ПОЭЗИЯ
НА ГОРСКО-
ЕВРЕЙСКОМ
ЯЗЫКЕ

ОВГОИЛ БАТ ИЛИЛ (Агаронова)

Овгоиль бат Илизь Манаширова-Агарунова родилась 1-го января 1948 г. в Красной Слободе г. Кубы Аз. ССР в многодетной семье. В послевоенное время жилось очень трудно и голодно, родители трудились день и ночь, чтобы прокормить детей - двух сыновей и семейных дочерей.

С самого раннего детства (она была младшей дочерью) помогала по дому, была любознательной, занималась рукоделием, рисованием, писала стихи. Красочная природа родного края, волновала девичье сердце, и в груди рождалась песня. Песня о бескрайних просторах зеленных полей, о яблоневых цветущих садах, о снежных вершинах Шахдага, о журчащих серебряных водах Гудииль-Чая, о любви, о Родине.

По кавказскому обычаю замуж отдали рано, не дав закончить школу. Жизнь не сложилась, видно, стать матерью, было не суждено. Упреки, скандалы, затем последовал развод и в 1978 году репатриация в Израиль. И вновь замужество, вырастила и воспитала 4-х детей.

За это время записала несколько музыкальных кассет со стихами и песнями: «Песнь о родном крае» - они помещены на интернет-сайте: juhujo.com.

Шолуми сохит

Эй инсонһо, вәсси сохдәйтһо чәнкһо-довһоһо,
Хәрәбә сохдәйтһо кәндһо-шәһәрһо.
Йәтим нә йәсир һишдәйтһо чәнд чүклә һәилһо
Йә руз һисоб бийо дит, әки худо ишму.

Дәсә-дәс дит, әйәки шолуми сохит.
Бүтүн һиломә әводу сохит.
Күрпиһо дәшәнит, рәһһо дуз сохит.
Инсонһорә әйәки шолуми сохит.

Бийофит чорә, нәмүрү инсонһо.
Мәлһәм бийофит нәбу нәчогиһо.
Әри һәр дәрә, сәхдә мүшкүлһо,
Инсонһорә хилос сохит, әз дәрә болоһо.

Әри хори сәһиб бошит, нәбу зимиләрзһо
Ә һәсму варафдә, Худорә гәһр мәдит.
Бомбоһо-танкһорәш ишму сур сохит.
Мошинһош амбари, уһош чун бәрдә.

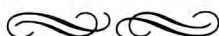
Йә зуһун коф сохит, һәммә варасу
Йә пул вәдәшәнит, нуму йәки бу.
Әчә воисдкә рафдә, рәһһо очуг бу
Ә дүл тәрс нәдәри инсонһо кәшдү.

Танусдәнүм, и войкоһоймә әри ә сәр оморә,
Чү амбара салһо кәрәки кузәт сохдә.
Мә танусдәнүм, ә сәр мийов йәбо и корһо,
Чүклә һәилһойму мүвүнү уворә.

Ловой Овгоил ә чикә мийов йәдов.
Худо урә мүшүнү йәдов.
Хубә корһо ки хосдәкә әз Худо
Худоһ рәһм мисоһу мишүнү урә.

Мә Губәйинүм

Нуммә Овгоил, Губәйинүм,
Ә Исроил зүвүсдәнүм.
Ә и һово, ә и хори мә боглунүм.
Хосдәнүм мә милләтмәрә, нә динмәрә.

Кәрәк бисдока әри вәтәнмә мүдүм чунмәрә.
 Нәшумоймә мундикәш ә у шәһәр Губә,
 һәр пәнчәй хок Исроил кәрәки, фәрлүни әримә.
 Бәбәймә нә дикәш и хорирә, нәшумойү инчо дә.
 Дәдәймә омо ә Исроил, вәхтсүз офдо.
 Ә хок Исроил говрә бисдо.
 Мәрәш инчо кәрәки, йә вәтәникә нувой мәрә,
 Милләт иму кура кәрдо һәммә инчо.
 Әри кәшдә һәр кил һилом лап рачи.
 Әри зүһүсдә милләтмәрә Исроил кәрәки.
 Мә Овгоил, әдәм куфдирә, һәммәймүрә и хок и вәтән кәрәки.

Губәймә

Ә дәрә Шондог мәскән күрдәбу чәһмәт Губә.
 Ә сәр никәрәй Гудйал бу хунәй бәбәймә.
 Күһнә күрпи бу, ә рачай хунәйму.
 Кирошдокорһорә һәр шәв томошә сохдәнбирим иму.
 Мә әз довһоһой Гитлер бәгдә бирәм әз дәдәй.
 Ә чум чәһмәт һәрс вомундәбу һәлә.
 Әри әз довһо нә вокошдәһой хүшдә.
 Лап косиб бу чәһмәт иму, ә тәнки дәбүрүт һәлә,
 Хунәйму бу ә сәр никәрәй Гудйол.
 Ә зүм-зүмәй Гудйоләвоз ә хов варафданбу, муку чуммә.
 Ә зәвәр хунәйму зүвүсдәнбу Шәлмү Бинйәми.
 Ә дәрәй хунәйму ә сәр рәһ ханандә Симон Бәбә Күршүм.

Шаир Бинйәми, Йаша Машийахов унчо сәр күрдәбу нүвүсдә шәйирһорә.
 (Ә инчош, ә һәсрәти Губәровоз нүвүсдүт шәйирой хүшдәрә)
 Шорә рузһойму ә миһидһо бирәнбу.
 Гүдишиһо-шориһо ә ковкилһо бирәнбу.
 Сәс комончәй Мәлкәй-гәйиш варафдәнбу ә һәсму.
 Һашданки кирисдәнбу, нолә зәрәнбу,
 әри әз довһо нә вокошдә кук хүшдә у.
 Мухоил чүклә куку хундәнбу мугаматә, ширнә шүкәстәһо.
 Ә дәдәй хүшдә кумәки доронбу әри комончәйү мәһни бәсдә.
 Чәһмәт иму бүрүткәш косиб,
 һә дусди, йә һүрмәт добу ә гәд онуво,
 Әзу рузһо кирошд чү амбара салһо.
 Мә дур бисдорум, әзу һәзизә Губә.
 Чәнд салһойи, нә винирәм, рәһмә нәс офдорә бурам ә унчо мә.
 Ә дүлмә йә һәсрәт, йә нискил дә ки винирә Губәрә.
 Ә гәд ширинә ховһоймәш һәмишә Губә дә!

Вәтәнмә

Ә гәд җилом лап чүкләйи Вәтәнмә.
Дәрд дүләсдийүш анбари әйи Вәтәнмә
У тараф дүшмәйи иму ә минчи
Худо рәһм сохо ә и чүклә Вәтәнмә.

Инсонһо сабурлу, инсонһо йәзуги.
Һәрбой йә хәбәр дүл ләрзүндәни.
Ә җәилһой чәһмәт Худо рәһм сохо,
Дүшмәй чувурһо вәкүрдә гәрдо.

Әз чәнд үлкәһо кура бирәйм ә инчо,
Әйәки бу куфдирә милләт иму ә инчо.
И бәрәкәтлүйә хорирә дори Худо чуһурә,
Дүшмәһойму динч зүһүсдә мүдүкә.

И хори җәсәли, хори рүгәни,
Солхум-солхум онкурһойү дуллуни.
Кәй войисткә әз һәр мәйвә мийофи.
Чү войисткә митай офдә әйи чүклә Вәтәнмә.

Дәрийонһойму ә чәһовоз пур бирә.
Ә шориһо кушд мангали лап ләззәт дорә.
Хүшкә мәнәво, ә чү мудовоз
Ә стулһо йәрәшуг дорә.

Рачә кукһо, духдорһойму Вәтәнә гәрәвул сохдә.
Шәвһо-рузһо әз хунә дуртә,
Ә динчә җилом әри зүһүсдә.
Нәтәрсирә уво ә дүшмә синә докошдә.

Шориһо бирәнки, гәнәт вороморә инсонә,
Сәс мәңни Юсиф –Ухай, ә җәсму варафдә.
Овгоил һәмишә ә сәр иму үшүг дәшәндә,
Ә әшг Вәтәнәвоз у әз дүли вәчәсдә.

Ә һәр кил җилом бирәнки зимисдүһо,
Ә Вәтәнмә кәрмиһо, чүмәнкәйиһо бирә,
Мәнк һәмишә ә сәр иму үшүг дәшәндә,
Тәвәс дорә инсонә әри зүһүсдә.

Кумәк бошит әйиму

Ә тәнки дә Вәтәнмә,
Кумәк кәрәки урә.
Бил кура бу чуһурһо
Кумәк бу ә Вәтәнмә.

Туп-туфәнкә сур сохит,
Инсонһорә дуст сохит,
Һәилһорә зийод сохит,
Милләтә кура сохит.

Һәммәй инсонһо бил шор зүһү,
Тәрссүз бәхдәвәр зүһү,
Шори кук-духдәр винү,
Йә шолимийә һилом бу.

Һәр кор ә дәс инсон дә.
Әкәр войисдкә инсонә,
Һәммә йә дүл бисдокә,
Ә кәнгидим миданү чарундә Вәтәнә.

Әз тәнки хилос кәрдо һәммә чуһурһо.
Ә һилом булиһо-фировуниһо кәрдо.
Дүшмәй чуһурһо вәкүрдә кәрдо.
Худо ә хори шолийәһ фирсо.

Овгоил хосдәни әз дүли Вәтәнә.
Һәмишә әз Худо, у әри шолумиһо лово хосдә.
Һәрс рухундә әз чум хүшдә, амбар кирисдә.
Әри һәр дәрә-боләй Вәтән әз дүли сухдә.

Ловой Овгоилә Худо шино йәбо.
Инсонһорә әйәки шолуми сохо.
Кәлә бирәниһо чүклә һәилһойму,
Ә шолумийә һилом динч-рәһәт зүһо.

Йәзугә Вәтәнмә

Әз чәнд шәһәртү әдәй буй хун оморә.
Коми инсофсүз вихди инчорә.
Чортараф дүшмәйи, иму ә минчи.
Инсофсүз дүшмәһо нәс дорә динчи.

Ә чор тараф ҳилом бәҳши чуһурһо.
Насданут кура бирә ә йә чикә уһо.
Йә вичә хори һисдикәш ә минчи дүшмәһо.
Динчи нәс дорәнүт зиһим ову хориһо.

Һәммә руз чәнки довһойи.
Һәрбой йә хәбәр дүл ләрзундәни.
Амбара йараһо вохурди ә чәһмәт.
Рафди сирогсүз, мүрдәт һәилһой чәһмәт.

Әзи чәнд салһо пишо ә шәһәр Мигдалайим,
Дусд бүрүт әйәки Оврум нә һилил.
Әйәки бирәнбүрүт дү бирорә хуно.
Хубә салдат бүрүт әри Исроил.

Гәрәвул сохдәнбүрүт имурә әз дүшмә,
Ә хори Ливанон әйә кәлә бинә.
Йә шәв лов сохдут унчорә дүшмә,
76 салдат йаралу сохд имурә.

Оврум нә һилил кәнә әйәки оморот ә Мигдалайим.
Ә кәлә группһо - әсәр дүшһой һәрмәһһо.
Дәдәйһорә йаралү, кәмәр бәбәһо хүрд сохд уһо.
Ҳәтон нә бирә, һәриси нә винирә, чүм һәрси сохдут һәммәрә.

Леви Писахов, таза салдат бу, дүрүсд нә кәшдәбу ә Исроил.
Ә Афула дүшмә күшд урә, гәрибә дәдәйүрә чум һәрси һишдүт.
Авнир һәил Дәрбәнди әз Беер- Шева,
Танкүрә лов сохдут ә чәнд һәрмәһовоз ә хориһой чинин.

2 сала йәтим кәлә бирәбу у, һәилһой хүшдәрәш дүрүсд нәди у.
Дәдәйә дәрдәчәр сәрсон сохди у.
Шумордумкә ни варасүм ишмурә шумордә, әй йәзугә һәилһой Вәтәнмә.
Һәрбой ишмурә ә йор дәшәндә, кирисдәни и дүлмә.
Һәилһоймә һисоб сохдәнүм, әз дүли сухдәнүм әришму мә.

Ә чү йараһоровоз әдәй зүһүсдә инчо анбара чуһурмә.
Чум һәрсинүт уһо һәмишә.
Дийә ә чәһмәт нә вохуро йара,
Ә и Вәтәниму йәкиш нә миро дийә.

Рачи Вәтәнмә

Һәр тараф Вәтәнмә күлли-богчәйи.
Үшүг мәнк һәмешә ә сәрү вәри.
Зимистүйүш һәммә лап һәминони.
Һәрчү лап були әйи Вәтәнмә.

Гирйәтлүйә кукһо-духдорһойму
Гәрәвул сохдә, имурә әз дүшмә.
Кәрәк бирәнки уһо, нәтәрсирә,
Әри Вәтән иму чун дорә ә дүшмә.

И хори һәсәли, хори рүгәни
Мунди әриму әз девр Мишиһо.
Кура бу куфдирә бүтүн чувурһо
Чәндгәдә хун тийи сохди уһо.

У руз бийово ә гәд Вәтәнмә,
Йә тәкләш дүшмә һич нә домуно.
Ә дүл тәрс нә дәри зүһо инсонһо.
Зийод кәрдо, кура кәрдо инчо чувурһо.

Инсонә әри зүһүсдә шолумийә һилом кәрәки.
Ә дүл тәрс нәдәри, һәр кил һиломә кәшдә кәрәки.
Һәрдов вадарафдә ә күллү-богчә,
Әз рачи һилом дүлшор-бәхдәвәр бирә кәрәки.

Һәрдов вадарафдә ә күллү-богчә,
Әз рачи һилом дүлшор-бәхдәвәр бирә кәрәки.
Мә Овгоил хосдәнүм, милләтмәрә нә динмәрә.
Лово хосдәнүм әз Худо, шориһо-шолумиһо бу әйи Вәтәнмә.

Сабурлүни и инсонһой Вәтәнмә

Чү кәлә дәрдһо дирикәш уһо
Чәнгәдә хунһо тийи сохдикәш уһо
Әз чәнд чәнкһо-довһоһо вәдроморикәш уһо
Сабурлини, и инсонһой Вәтәнмә.

Кәй войисдкә хурдә, һисди ширинә мәйвәһо.
Әчәш кошдкә ворморәни рача күлһо-савзаһо.
Солхум-солхум дуллүни онкурһо,
Лап ширини һәр мәйвәһой Вәтәнмә.

Һәр зимисду-һәминон һисди помидур-хийор,
Сәр сүфрәһо бул бирә, әйи чүклә Вәтәнмә.
Дәрийәһһойү ә чәһовоз пур бирә.
Чәнгәдә хурд инсон сиройи нәс бирә.

Үшүг мәнк һәмишә ә сәр Вәтәнмә,
Зимисдуйүш-һәминони әйи Вәтәнмә.
Кәлә-пирһо-рабиһойү лап амбар дәри.
Чәнд ловохой, тошувохой Вәтәнмә.

Ә и Вәтән иму шолумиһо кәрдо.
Инсонһойму дүлшор бәхдәвәр зүһо.
Һәмишә инчо були-фировуни кәрдо
Мәнк һәмишә ә сәр иму үшүг дәшәно.

Ә 2002 – сал ә Тәл-Әвиә пәс-пәсәйәки ношумо

*Лов сохдобу дүшмәһойму,
у руз нүвүсдәм и шәйирә*

И һофтә таза сали!
Ә мәһәлә һәилһо сукоһо бәсди.
Имбуруз шинирә хәбәрһо
Дүлмәрә йаралү сохди.

Ә чәнд хунә кәнә вой дә, шивән дә.
Чәнд һәилһо кәнә ә вой бәбә-дәдәй дә.
Анбара инсонһо, гәриб-гәрубә,
Ә чәнд болнисәһо ә һорой чун дә.

Дүлмә әдәй шивән сохдә әри милләтмә,
Танусдүмкә һәрс рухундә киләй һәрсмә.
Кумәк инбу ә милләтмә, һә микирисүм.
Лово михойүм әз Худо мә.
Әри шолумиһо, әри Вәтәнмә, әри милләтмә!

Шәви, хов нәс оморә мәрә.
Әдәм вокоруш сохдә ә гәд дүлмә.
Чү бирәнини әйи корһорәвоз һол милләтмә.
Әдәй сухдә амбар гәриш ән дүлмә.

Шарон бәбә! Шимон ләлә! Бинйемин бирор!
 Чү воисдә сохит ишмуре?
 Ишму сәһиб, ишму кәләйит.
 Чорә бийофит, әри вәтән, әри милләтмә!

Мә минәтүм әтү Худо

Худо, Худо, әй Худо, годойтү әмә, әй Худо!
 Әтү минәт сохдәнүм, шолийәһә фүрс ә хори.
 Рәһм сох эйиму, Худо, бил нәбу и довһоһо,
 Бил инсонһо нә мүрү, сох дустихо, әй Худо!
 Худо, Худо, әй Худо, годойтү әмә, әй Худо!

Йәхәнмәрә лов сохдәм, әтү минәт сохдәнүм,
 Бил һәйилһо нә мүрүт, шолуми сох, әй Худо!
 Бил зийод бу чуһурһо, һич нә мүрү инсонһо.
 Әтү минәт сохдәнүм, фүрс шолийәһ, әй Худо!
 Худо, Худо, әй Худо, годойтү әмә, Худо!

Һәр милләтһо бил дуст бу, һәммә рәһһо очмиш бу.
 Булиһо бу, фиrowуниһо, чәһмәт иму бил тух бу.
 Нә чәнкһо бу, нә довһо, инсонһо бил бирор бу.
 Овгоил минәт сохдә, лово хосдә,
 Худо, Худо, әй Худо, годойтү әмә, әй Худо!

Воисдәнүм гәнәт вокунум

Воисдәнүм гәнәт вокунум,
 Кәшдүм әсәр һилом мә.
 Томошә сохум һиломә
 Әз һәр дәрә, әз һәр болә.
 Нәилүм расү ә хори,
 Әз һәсму йә тәфүргәш.
 Синәймәрә докорум,
 Бил әмә вохуруку,
 Һич ә хори нә расү.
 Кәшдүм әруй һәсму мә,
 Хәбәрдор бошум әзчә оморәкә
 Ворвориһо-ворушһо,
 Кәлә вәрфһо-сайлһо.
 Лов-тум сохум уһорә, әһәрки йәкәм расү.

Кәнизо сохум җиломә әз чәнкһо- довһоһо.
 У шәндә тупһо-бомбоһорә әз инсонһо дур сохум.
 Воисдәнүм гәнәт вокунум, кәшдүм әруй җәсму мә.
 Вүнүм ә тәнки ки дәкә, ә уһо кумәк бошум.
 Воисдәнүм гәнәт вокунум ә җәсмуһо мә кәшдүм.
 Вүнүм һәммәй җиломә, у дурә шәһәрһорә тә сироймә кәшдүм.
 Варам әсәр Шоһдог Губә, йәкәм вәрф вәкүрүм бийом.
 Әзу шәләләй овһо, әкиму кәшүм бийов.
 Воисдәнүм гәнәт вокунум, бурам вүнүм Вәтән җәилимәрә.
 Бәбәймә-ләләймә, Донилмә-Довидмә, говрә бириһо хорирә,
 Ә дундугмә вәкүрүм хок онуһорә, мә бийорум әйинчо.
 Бил хок онуһош гәриш бу ә хокһой әнинчо.
 Дүлпәсә нә бршум мә әзуһо,
 Әзир гәнәт бил бу, хок әнуһош ә инчо.

Воисдәнүм гәнәт вокунум,
 Кәшдүм бүтүн җиломә.
 Әчә һисдикә гәрибһоймә,
 һәммәрә ә инчо кура сохум.
 Ә һәр кил җилом бил бу шолуми.
 Инсонһо әйәки дуст бу, бирор бу.
 Милләтһо йәки, зуһунһо йәки,
 Әз сәс шори инсонһо мә,
 Әруй җәсму шор бошум!

Һәммәйму йәкиним

Хош оморә мәрә сохдә дусдиһо,
 һисди мәрә гуншиһо, хубә дәрбәндиһо.
 Йә җәсәлә нәвә һисди мәрә, әз духтәр гәйтәгиһо,
 Вомухдәнүм ову мә, вәчәйү ләзкинкәрә.

Әчә һисдимкәш иму чуһурим,
 Ки һисдимкәш әйәки хубә гуншиним.
 Гүбәйи, йәки Дәрбәнди, Мәхәчкәләйи, Налчики
 һәммә чуһури, кавказиһоймуни.

Бәбәһойму, әзуһо кәләтоһойму, куфтә-күштә бирәт.
 Тә әйәки кура бирә, тә ә Исроил оморә,
 Чү амбара хунһо рихди, иму чуһурим куфдирә.

Мә Овгоил Гүбәйинүм, нәвәй күшдә Һәзәрйо-инсуним,
Бәбәймә тәшнә мүрди, нәдири у Исроилә.
Әзчәш оморикә чуһурмә һәммә әйәки бирори.
Йә кор нисди, әз Сарфати, әз Мароко, йә Күрди.

Һисди имурә доморһо әз чәнд үлкәһо,
Кәлә сохдәмһо духдәр Испанийолурә,
Һәрүс сохдәм әри Кавказиһо,
У дори мәрә 4-рәчә нәвә,
Войкоһой дүлмәрә овурди ә чикә.

Һәммәйму чуһурим,
Әри шолумиһо лово хоһим.
Нәсил имурә зийод сохим, амбар сохим.
Ләрз дәшәним ә чун дүшмә.

ГУРШУМОВ

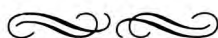
Эльдар

Родился в 1940 г. в г. Куба, в Красной слободе. Поэт, композитор, певец. Окончил муз. школу по классу тара, а затем народную консерваторию по классу композиции и классу вокала. В 1964 году окончил Бакинский педагогический институт им. Ленина, физико-математический факультет.

Преподавал в медучилище, занимал должность зав. кафедрой в Институте усовершенствования учителей, а перед отъездом в Израиль работал старшим редактором Азербайджанского телевидения и радиовещания.

В 1998 г. репатриировался в Израиль. С 1999 г. – член Союза писателей, выходцев с Кавказа, с 2003 – председатель Союза.

Всю жизнь занимался музыкой и поэзией. В 2005 году вышла в свет первая книга стихов «Божественные синагоги Тальхума», на 700 страниц.

Дү чәркәһо

1

Әри дирә хушә руз,
Кәмәр нийо бошу гуз.

2

Дүләдәрди тә күрдә,
Коф мэдәшән әз мүрдә.

3

Бирәһмирә винирә,
Тик мәвошән винирә.

4

Чупон дирә – шоһирә,
Гимәт мәди – шойирә.

5

Шоботирә вәрзундә,
Митай шәрә ләрзундә.

6

Худомәндлү зүһүсдә,
Митай бәндлү нүвүсдә!

7

Нур сәбәһә вәкүрдә,
Нибу лүһүф дәкүрдә.

8

Ә Израил оморә,
Шил-күт мәсох һоморә.

9

Кәй шидрайу гәд мибу,
Ҷиломкәзиш һәд нибу.

10

Әри шушдә һовунәш,
Ә сүрх чарун һовунәш!

Йә бәндәйүм

1

Йә бәндәйүм, – йаралү.
Дүллү нибу – йаралү.
Бирәһмиш әз тәрс Худо;
Күллү мибу – паралү!

2

Йә бәндәйүм, – шәрәлү.
Мочол нийов – шәрәлү.
Шоботирә күрдәйиш;
Мозол мийов – хәрәлү!

3

Йә бәндәйүм, – вәкәрдош.
Әз зир шәлә вәкәрдош.
Вор-дәвләтлү бирәнкиш,
Сухтәкәлә нә кәрдош!

4

Йә бәндәйүм, – парүм мә.
Гәнәтлүйә парүм мә.
Чумә ховлү бәсдәнкиш,
Ә хок чүларз чарум мә?

5

Йә бәндәйүм, – бим дәрүм.
Ә дәһшәтә бим дәрүм.
Түсүз күчмиш бирәнкиш,
Сәрә әчә имбәрүм?

6

Йә бәндәйүм, – низүһү.
Һисдә-нисдәш низүһү.
Чун согирә доруһо,
Сади бисдәш мизүһү!

Йәршөлеим

Ә һәсрәттү дәмундәйиш,
Нәчоғ дирәм, Йәршөлеим!
Ә гисмәттү вәмундәйиш,
Гучоғ бирәм, Йәршөлеим!

Ө бинәйтү вәрзундәйиш,
Моһир дирәм, Йәршолеим!
Ө синәйтү кәрдундәйиш,
Шоһир бирәм, Йәршолеим!

Өз софтәйтү дуркундәйиш,
Тәләф дирәм, Йәршолеим!
Өз офтойтү нурчундәйиш,
Хәләф бирәм, Йәршолеим!

Өз залумтү – нәһсийәтиш,
Зәһмлү дирәм, Йәршолеим!
Өз судумтү – бәһсийәтиш,
Рәһмлү бирәм, Йәршолеим!

Өз Давидтү зомонәлүш,
Хәйол дирәм, Йәршолеим!
Өз данантү Саломонлүш,
Җәлол бирәм, Йәршолеим!

Өз кофитү – Тиройәтиш,
җәсүл дирәм, Йәршолеим!
Өз софитү – Худойәтиш,
Җәсүл бирәм, Йәршолеим!

Азәрбайчан

Әгибәтәш тәмәһүни,
Дүллүбәнди, – Азәрбайчан!
Һәгигәтәш сәбәһүни,
Күллүмәнди, – Азәрбайчан!

Офтойирәш нурһойуни,
Үшүгмәнди, – Азәрбайчан!
Софтәйирәш суррһойуни,
Ошугмәнди, – Азәрбайчан!

Низамирәш Кәнчәйүни,
Шоһирмәнди, – Азәрбайчан!
Низәйирәш пәнчәйүни,
Моһирбәнди, – Азәрбайчан!

Короглураш одһойуни,
Һәчәрмәнди, – Азәрбайчан!
Физулираш кодһойуни,
Гәзәлбәнди, – Азәрбайчан!

Сазмәйиләш зәрмәһуни,
Хәзәрбәнди, – Азәрбайчан!
Израиләш һәрмәһуни;
Һүнәрмәнди, – Азәрбайчан!

Әлйорирәш шүһрәтүни,
Чәсурмәнди, – Азәрбайчан!
Әлдарираш мүһбәтүни,
Чуһурбәнди, – Азәрбайчан!

Израил

Шоботмәндә ховләйирә хоштәйиш,
Һәдәтмәндә товләйирә дошдәйиш,
Вәтәнмәндә ковләйирә хосдәйиш,
Тиrolүйә шоримәни – Израил!
Худолүйә хоримәни – Израил!

Ләззәт дирә әз нийрәһой кәрәйиш,
Сәдиг бирә ө дог Синай дәрәйиш,
Фәрәһ чирә әз хәндәһой зәрәйиш,
Тиrolүйә тәмәһмәни – Израил!
Худолүйә сәбәһмәни – Израил!

Асдараһо нәхш бәхтирә норәйиш,
Сириг зәрә әз һәдәтһой чорәйиш,
Никиһорә әз арзуһо доройиш,
Тиrolүйә һәсәлмәни – Израил!
Худолүйә васалмәни – Израил!

Шобәтмәндә сабуһорә һә күрдәш,
Һорлүмәндә кипәһорә дәкүрдәш,
Нимазмәндә Сифирһорә вәкүрдәш,
Тиrolүйә мочолмәни – Израил!
Худолүйә мозолмәни – Израил!

Синэй Элдар – сэдэфэ тар дирэйиш,
Чумэй дүнийоһ – нурэйэ зар чирэйиш,
Коврэй ҳәсму – чорэйэ сар бирэйиш,
Тиrolүйе хунәймәни – Израил!
Худолүйе мунәймәни – Израил!

Әри дуркунә «шоһирһо»

Гәләмһой пәнчәйтү әз сүрх парусткәш,
Һә кәнәш йә шоһир нитани бирә!
Хүрмиһой винитү ә зүлг чарусткәш,
Әз чорәй мәлһәмһо тә зани дирә;
Һә кәнәш йә шоһир нитани бирә!

Һәмәлә хәйолһо йә сәнәт докәш,
Һәмүрә һәримһо ә гәләт нокәш,
Дүруйә һовурһо гул-гәнәт докәш,
Әз сәркуш һәйбиһо чупони дирә;
Һә кәнәш йә шоһир нитани бирә!

Рүхшәндә хәндәһо дүлә вәбәрдкәш,
Рүһшәндә бәндәһо күлә кәбәрдкәш,
Пүхшәндә мәндәһо күлә гәбәрдкәш,
Әз һүкүм күтиһо нәдани дирә;
Һә кәнәш йә шоһир нитани бирә!

Рәһмәтә – һорсүзи бурбундәникәш,
Зәһмәтә – борсүзи гурбундәникәш,
Чәһмәтә – шорсүзи фурмундәникәш,
Әз мүшкүл точиһо садани дирә;
Һә кәнәш йә шоһир нитани бирә!

Мувәһә – гитоблу вәбурчундикәш,
Сәбәһә – битоблу сабурчундикәш,
Тәмәһә – китоблу һә кунчундикәш,
Әз сундуг дананһо дүзд-хуни дирә;
Һә кәнәш йә шоһир нитани бирә!

Әри Заур микирисүм

(Әри йәровурди Заур Гилалов-Гуршумов)

Нум Тәлһүмә кәширәнкиш, әри Заур микирисүм!
Гәм-гүссәрә дәчирәнкиш, әри Заур микирисүм!

Ә дог сүрхи раст оморә, ә мүйточи нә мундәнки,
Мозолһорә вәчирәнкиш, әри Заур микирисүм!

Тәшвоһорә әзбәр сохдә, һәдәтмәндлү һә хундәнки,
Бор ловорә нә чирәнкиш, әри Заур микирисүм!

Әз бәрәкәт нишон буһо чүл-чәмәнә нә рундәнки,
Ә иһтибор дәбирәнкиш, әри Заур микирисүм!

Хәндәй ловһо гәнәт зәрә әз гутинә чарусдәнки,
Һич миһтийор нә бирәнкиш, әри Заур микирисүм!

Одомлүйә синәй богһо ә суй чәннәт чарусдәнки.
Гүзүркүлү вәбирәнкиш, әри Заур микирисүм!

Ә вишәһой ән дог-дәрә аташ әз чум парусдәнки,
Чәйрон чүлә нә зәрәнкиш, әри Заур микирисүм!

Ә шор чәһмәт вәкир бирә, әнкүл бәдә ворхундәнки,
Ә фурм чорәй ән зирәнкиш, әри Заур микирисүм!

Асдараһо чәсдә-чәсдә ә рәһ сурог вомундәнки,
Сийә шәвһо, ә суй мәнкиш, әри Заур микирисүм!

Дастанһорә хәрә зәрә, ә һол Әлдар домундәнки,
Чүн йә шоһир чуһурбәндиш, әри Заур микирисүм!

Әри чуммә

Ән һәзизә мол-дәвләти бәндһой муйтү әри чуммә!
ХУДО дорә бәхшийәти бәндһой муйтү әри чуммә!

Әнчәг, һүмүр варасданки, руй йәкирә нитайм дирәш.
Мичәй шорә йә нийәти бәндһой муйтү әри чуммә.

Һич бичорә нибу мундә, һәсмү торик бирәникәш,
Товуш дүһо мозол-бәхти, бәндһой муйтү әри чуммә.

Ә коф мәрдүм дәниширә, чүр-бәчүрә ранк зәрәнкиш,
Һәчәллүйә дәрдийәти бәндһой муйтү әри чуммә.

Чәшмиш бирә, әз һүмүрү вичәлүгә кәм сохдәнкиш,
Йә сурлүйә шикойәти бәндһой муйтү әри чуммә.

У мәнклүйә товә руйә әсәр синә вонорәнкиш,
Ән һәсәлә мәшгуләти бәндһой муйтү әри чуммә.

Әз у сүрхһо-бриллийанһо гәт-гәт зийод бирә чикәш,
Йә софлүйә вәфойәти бәндһой муйтү әри чуммә.

Шәвһой шобот Тиро хундә, шәһәмһорә сүхундәнкиш,
Шон-шүһрәтә һәсүлийәти бәндһой муйтү әри чуммә.

Аташ мүһбәт точ мисоху, никә рәһһой ән һүмүрәш,
Нур сәбәһи сүрхә тәхти бәндһой муйтү әри чуммә.

Әйи һилом йә арзу дә ә гәд дүлмә, Әлдар, кәнәш –
Һич нәйоро пәшмуйәти бәндһой муйтү әри чуммә.

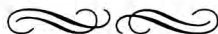

ЛЕВИ Рута

Я родилась в 1961 году в г. Куба, в Красной Слободе. С 1972 г. жила в Баку. В 1994 репатрировалась в Израиль. Живу в г. Акко. Мама троих детей. Увлекаюсь шитьём, вязанием.

Стихи люблю с самого раннего детства. Помню, ещё в 4-5 лет обожала читать детские стихи, и восхищалась тем, как меня слушали взрослые. Сама начала писать лет в пятнадцать, но юношеские стихи, к сожалению, не сохранились.

Можно сказать, что четверть века не бралась за перо. Но здесь, на святой земле, ко мне вернулось вдохновение. Я вновь начала писать, особенно последние 2 года. При чём, если в юности я писала свои стихи на русском языке, то сейчас начала писать на родном – горско-еврейском.

Әри хәһәркили мә

Сә сали тонишим, дустим әз дүли,
Тү һәми хәһәрмә, һәм – хәһәркили.
Нүштә-вәхүштәйму һәр руз әйәки,
И дуст-мәһрибони бийоро ники!

Ә ловтү хәндә вә, ә руйтү вәшәң;
Җололи хойуһо нәс бирә нәшәрҗ.
Сүфрәйтүш очуги, дүл түрә хуно,
Шор зиһош, кифләтлүш, әз хосдәй Худо!

Дәс дураз сохдәни ә офдорәкор,
Кумәки расундә ә нәбирәкор.
Дәрд дустәш әри тү нәзник танустә,
Һәр сохтә кәлмәйтүш әз сүрх парустә.

Дустйәти нә пули, нә мол, нә дәвләт;
Дүл тәмиз буһорә нәс бирә гимәт.
Әз имкон рәһмиһо, хуби сох әнчәг;
Сог һүмүр хәрәбиш нә хой әри хәлг.

Бәхилүт ә иму бәһзи инсонһо;
Дустирә – йә хәһәр куфдирә уһо.
Әз хосдәй хәһәри, – софә вәкирһош;
Кәм кәрдо ә җилом чум нәвәкирһош!

Нәшумой бәбә

Сәр - ә болнә норә, чум - ә хов дорә,
Ә хов ән балаһо бәбә оморә.

Әз әһвол фәрзәндү хәбәрдор бирә,
Руй җәилә тимор сохтә куфдирә:
«Әз җәрстү, балайма, мәрә хәбәри.
Ингәдә дәрд мәкәш, Худо кәләйи.

Һүмүр хәчәләти дураз нәс бирә.
Әз һәр ворүш бәгдә офто вәбирә...
Вәкирйәтиш ә дәс сабур дәбирә;
Бисабураш һич вәхт һүрмәт нәс бирә.

Куфдирә кофһорә бәбә әз бала,
Дәфтерәш, гәләмәш до ә дәс бала:
«Фикиртү амбари, әдәм винирә;
Пур сохтә вәлкһорә, буш сох дүлтүрә.

Һәр кәрә кәлмәһо маров ә вәрәг,
Шәйирһо дәс-бәдәс имбу әри хәлг.
Дүлтү шориш имбу, ловтүш михәндү.
Умоһой рәһм Худо бәхтәш мизәндү».

Ә руй бәбә дәнишүрүм хәйли вәхт,
Мукумки: «Әримә нәс хосдәнүм бәхт;
Мозол дикә балаһоймәш нә чәһмәт,
Әри дәдәй әзиш зийод нибу бәхт».

Шиниирә кофһорә бәбә әз бала,
Ә духдәр йә бәхш до и хов ән сала!
Нәм бисто дүш бала әз һәрсһой бәбә.
Куфдирә үкүдиш чаруст ә дәбә!

Вини, әсәр болнә дәфтер нә гәләм;
Сәхт домунд ә хүшдә, ә гәриш дәрд-гәм:
«Ә хови и корһо, нобкә әз расти.
Әз чичо и дәфтер, нә синәй һәрси?»...

Нитамкәш ә хоктү расирә, бәбә,
Ә хунәй һәр бала нәшумойтү дә!

Нитанү бирә

Ә дуртә нисдикәш тү әзмә, хәһәр,
Әз һәр дүләстимә нисд түрә хәбәр.
Дәһәмһой дәдәйәш әз шортү дирә;
Чон, хәһәр, түрә той нитанү бирә!

Сәр йәбо сәсмәрәш әз тәл шинирә,
Сад чиро дәрд хурдә, фикир кәширә.
Ә һәр мәсләһәттүш чорә дәбирә;
Чон, хәһәр, түрә той нитанү бирә!

Кәлмәйтүш мөлһәми, – ә бим зәһмәлү,
Зуһунтүш ширини, дүлтүш – рәһмәлү.
Чүтам мокордунум и сой никирә?
Чон, хәһәр, түрә той нитанү бирә!..

Шинирә; – чум бәсдәм, нәфәс поисди;
Ловһоймә килити, һәршош – бәисти.
Куй: «Куку һәтон нисд, духдәрүш – һәрүс;
Дәрдлү рафт әз һилом, – тәшнә, тамарүз!»

Һич нәбу, әз кофмә һәрс булог боши,
Мә әзтү разинүм, амбар сог боши!
Мун, әри кифләтмә, – дәдәй нә холә;
Дийә нист имконмә әз дорд нә нолә!

Шүвәрлү сәрпуши, – тү әри нәсил!
Мә – нәвә, түш – нишрә винош йә фәсил!
Бил, Худо хәндуку ә руйту һәр вәхт!
Бил, әз тү кәм нәбу һәм мозол, һәм бәхт!

Ә рәһтү чунмәрәш гурбучә дорә,
Ә рафдә пойһойтү сәр митам норә.
Әз нумтү ә хунәш офто дәбирә;
Чон, хәһәр, түрә той нитанү бирә!

АЗƏРБАЈЧАН ДИЛИНДƏ ШЕЙРЛƏР

*Для познания нравов какого ни
есть народа старайся прежде
изучить его язык.*

ПИФАГОР

ПОЭЗИЯ НА АЗЕРБАЙД- ЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

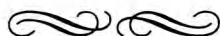
**Данил
КӨЈЧАЛЫ
(Данилов
Данил
Исмаил оглы)**

Родился в 1932 г. в г. Геокчай Азербайджанской ССР. Окончил Бакинский техникум по специальности техник-технолог, а затем Бакинский педагогический институт им. Ленина, факультет азербайджанский язык и литература.

На протяжении 20 лет работал преподавателем и воспитателем в профтехучилище № 48 при МВД СССР в г. Баку. За успехи в работе был неоднократно награжден грамотами и премиями Министерства Внутренних дел.

В 1994 году репатриировался в Израиль. Живёт в г. Акко.

Член союза писателей, выходцев с Кавказа. Стихи пишет с 1956 г., но публиковать их не решался. Эта публикация – первая в его творческой жизни, а на данный момент автор готовит к выходу в свет свой первый сборник стихов.

Көјчајым мәним

Унуда билмирәм - билмирәм сәни,
Унутмағ олармы доғма вәтәни?!...
Семирәм чаным тәк, еј - вәтән сәни,
Көзәлләр - көзәли, Көјчајым мәним,
Синәндә кечибдир, кәнчлик илләрим...

Чанлара дәрмандыр, күлөјшә нарын,
Учалыр көјләрә хан чинарларын,
Ахыр курна – курла, сәрин суларын,
Көзәлләр - көзәли, Көјчајым мәним,
Синәндә кечибдир, кәнчлик илләрим...

Шаирләр јурдусан, еј әзиз вәтән,
Һүснүнә һејрандыр, һәр јолдан өтән,
Гәлбимин өзәји – сөзү дә сән-сән,
Көзәлләр - көзәли, Көјчајым мәним,
Синәндә кечибдир, кәнчлик илләрим...

Кимләрсә бәјәнмир, хош авазымы,
Тәк, устам бәјәнсин, мәним јазымы,
Семирәм Устадым, Хәлил Рзаны,
Көзәлләр - көзәли, Көјчајым мәним,
Синәндә кечибдир, кәнчлик илләрим...

Ашыглар чалырлар, симли сазыны,
Семирәм еј - вәтән, сәнин јазыны,
Де, кимләр танымыр Рәсул Рзаны ?!
Көзәлләр - көзәли, Көјчајым мәним,
Синәндә кечибдир, кәнчлик илләрим...

Дилләрдә дастандыр бығырмын нары,
Артыр күндән – күнә халгымын вары,
Халгымыз чох семир, бизим Анары,
Көзәлләр - көзәли, Көјчајым мәним,
Синәндә кечибдир, кәнчлик илләрим...

Нә вара – дөвләтә, олмадым саһиб,
Ешгә вәфалыјам, сөзүмә садиг,
Ән јахын достумдур Фәтәли Саһиб,
Көзәлләр - көзәли, Көјчајым мәним,
Синәндә кечибдир, кәнчлик илләрим...

Ибраһим Көјчајлы, јерлимдир мәним,
 Шаирә гардашдыр, мәним ләғәбим,
 Көјчаја вурғундур, бу шаир гәлбим,
 Көзәлләр -көзәли, Көјчајым мәним,
 Синәндә кечибдир, кәнчлик илләрим...

1961

Севкилим вә Баһар

Баһарын хош чағы севкилимлә мән,
 Чыхдыг дәстә тутаг бәнөвшәләрдән...
 Көрдүк ки һәр тәрәф бәрли – бәзәкли,
 Дағларын дөшләри, күллү – чичәкли,
 Ағачлар кејиниб, мин рәнkdән көјнәк,
 Күлдән – күлә гонур, халлы кәпәнәк...
 «Көј – папаг» – сөјүдләр јырғаланырды,
 «Баһар санки күлүр», ловғаланырды...
 Бахдым севкилимә, бахдым баһара,
 Көрдүм баһар һара, севкилим һара!...
 - Дедим - ловғаланма, чох да ај – баһар,
 Сән ки, тез вурурсан өмрүнү баша,
 Мәним өз севкилим, өз баһарым вар,
 Кәзирәм онунла һәр заман гоша...

1955

Ачы хәбәр

(гардашым Илјасын әзиз хатирәсинә)

Сәксән икинчи илин мартын бешиндә,
 Дәһшәтли хәбәрдән сарсылдым јаман,
 Бу ачы хәбәри мән ешидәндә,
 Дилимдә сөз донду, дамарымда ган...

Дедиләр: һардасан, а башыдашлы?!...
 Мүггәддәс гардашын, о шаһлар – шаһы,
 Үрәји гәфләтән сөндү – дедиләр,
 Шаһ дағы, дүзәнә дөндү – дедиләр...

Булутлар тоггушду, илдырым чахды,
Көз жашым, лејсан тэк, үстүмә ахды...
О, архам – дајағым, о, гибләкаһым,
Мәни атыб кетди, нәди кунәһым?!...

Дүнјадан – дојмадан, дүнјадан көчән,
Һәр сөзү – сөнбәти мин дәфә өлчән,
О көврәк үрәкли, о әзиз инсан,
Әлли ики јашда, көчдү дүнјадан...

Һеч тәнһа гојармы, гардаш – гардашы,
Ахмасын нејләсин көзүмүн јашы?!...
А гардаш! – Бу дәрдә, мән нечә дөзүм?!...
Сән јатан торпаға гурбанам өзүм...

1982

Анам

*Әзиз, меһрибан вә севимли анамын ил
дөнүмү мунасибәтилә.*

Еј – асиман кими кениш үрәкли
Еј – ајым – улдузум, күнәшим анам...
Јохлуғун јаманча көврәлдиб мәни,
Еј – одум, аловум, атәшим анам.

Көзүм сәни кәзир, һәр заман һәрак,
Мәним ханым анам, меһрибан анам.
Аналар – анасы, вәфалы анам,
Гәлбимин ајнасы, сәфалы анам...

Шаһзадә оғлунун өлүм хәбәри,
Јаманча ағратды – сарсытды сәни,
Чалды үрәјини, дәрди – кәдәри,
Кечә дә - күндүз дә, ағлатды сәни...

Гамәти палыд тэк, вугарлы анам,
Әјилди - әриди, о мума дөндү,
Һеч көзләнилмәдән, мајын сон күнү,
Күнәш тэк јанды да, сонра да сөндү...

Көзүм сәни кәзир, һәр заман, һәр ан,
Мәним ханым анам, меһрибан анам,
Аналар – анасы, вәфалы анам...
Гәлбимин ајнасы, сәфалы анам...

1984

Севмәмәк олмаз

Көрпә Лиорум
Тез-тез ағлајыр.
Бала сәрчә тәк
О, ағзын ачыр...

Үзү ај кими,
Гашлары чатма.
О ки ағлады,
Үзүнә бахма...

Ким көрсә ону,
Өпәрләр дәрһал,
Дејәрләр: пәһ-пәһ,
Бу ки, балдыр-бал...

О, чох шириндир,
Јемәк дә олмаз,
О, бир күнәшдир,
Севмәмәк олмаз...

Гардашы Саги,
Санки бир чичәк.
Дәрһал күлүмсәр,
Һәр мәни көрчәк...

Лиор вә Саги,
Әзиздир - әзиз,
Бах, бу чичәкләр
Әкиздир - әкиз...

Бу көрпәләрә,
Һејранам – һејран,
Бал тәк шириндир,
Нәвәләр һәр ан...

2003

Севкилим вә Дәниз

Ајлы бир кечәдир, севкилим илә,
Дәниз саһилиндә дајанмышам мән,
Далғалар данышыр, бир – бирләрилә,
Санки өз јарынын, тутуб әлиндән...

Мән дә Севкилимлә кәләрәк дилә,
Изаһ еләјирәм, мәһәббәтими,
Бахырам сарышын, о шух көзәлә,
О Мави көзлүјә, бир мәләк кими...

Ај, Минлик Ланпа тәк, шө'лә сачараг,
Бизә өз ешгини ачыр елә бил,
Севкилим гуш кими, һәрдән гачараг,
Әкәр бачарырсан, мәни тут дејир...

Ај – Аллаһ, бу нәдир, сән ишә бир бах,
Бу ахшам јар мәни овсунлајыбдыр,
Бахырам, бахмагдан дојмурам анчаг,
Көзүм – көзәллијә, һејран галыбдыр...

Шылтаг далғалар тәк, шылтаг севкилим,
Вурулуб дәнизин көзәллијинә,
Каш белә кечәјди, һәр ајым – илим,
Һамы хошбәхт Данил, дејәјди мәнә...

1995

*Божественно звучит певучий наш иврит.
И не поддавшись интересам узким,
Не спорит он с английским или русским:
На нём Всевышний с миром говорит.*

Борис ХАНУКАЕВ

ПОЭЗИЯ НА ИВРИТЕ

ЯКУБОВ
Альберт

Ивритоязычному читателю известен, как Альберт Бен Ицхак-Яков.

Родился в 1962 г. в г. Буйнакске. Окончил курс фотокорреспондентов в Башкирии, филологический факультет Махачкалинского университета, педагогический колледж в Израиле, где проживает с 1993 г. в г. Беер-Шева.

Член Союза писателей Израиля (ивритская секция). Автор литературных критических статей, публикующихся в ивритской прессе.

Автор 4 сборников стихов: «כוס המוכה» (Перевёрнутый стакан), «שפה כספית» ("Каспийская чайка"), «מכתב למלאך» ("Письмо к ангелу"), «סול-מי-דו» ("Соль-ми-до"). Сборник «Соль-ми-до» был удостоен литературной премии Союза писателей Израиля.

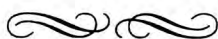
В настоящее время готовится к выпуску пятый сборник стихов.

אֶשֶׁת חֲלוּמוֹתַי

תאים של שלג. קריסטל מינימליסטי, זעיר.
דרכה ארכה. הרבה אנשים אוהבים לשנא.
מי רוצה לצחק על זה? את יודעת להגיד: "לא!"
פסגת חרמון. הסר מתנחמד עם החם. קריר...
חרמון פחת כפת השכח. השץ נגמר.
משטח השלג קפא בלילות. קליפס. שער.
הברית מבד משפף - לא כמו שכל דבר.
בסדר הנגידים צדין אפשר לקפא.
לא - זה לא! במולדת רוחנית אפשר למצא
את השמחה בפתק שהצמד לחלון... שלגים,
אנו עולים לחרמון. אנשים צדין נופלים
ל..., כשהם מדברים על המשבר הראשון.
אֶשֶׁת חֲלוּמוֹתַי, נעלה לחרמון.

דילמה

הרגשה מתנשחת. עבדה מדהימה
אנחנו נתקלים באותה דילמה
מאתגרת... כמה אפשר להתעשש?
זה כמו קטע מהמופע של השמש.
אין פנה לא מנצלת. נשח נמחץ.
צנצנת זכוכית מלאה צדפים. לחץ!

כך אחד מאתנו טעה בגדול...
 יש מסמך אנושי - השאילה לא קטנה :
 "איך זה שאנו מתחרשים מאהבה
 בשאיפה לצאת מן הלחץ?" אתמול
 הדילמה פרחה בשאלה לא סתמית
 בעדן דיגיטלי, בפגישה לילית
 בחדר צר של אהבה הענרת,
 שחזרה מהעתיד לעבר בשקט
 לא מובן... זה ברור שתמיד יש שאילות
 הפשוטות שדורשות הרבה אנרגיות.
 זוכית... משחק מוסק. אשר שלך, שלי.
 אנחנו לא יכולנו להתעסק בלי.

הרנע

רנע, הרנע...

שבמטבח בין שני קוים המקבילים ופרטים משבחים. לא פגע
 שיש סוג החיים השונה בפרט, כדי להצר ולקצר את הרנע
 לידעת האספנים שלא אומרים לו תודה בבטוי השמחה
 של מתן שהות קצרה מאוד... אפשר לקצר את הרנע לפתע
 סביב צנארון בעל צבע מקבל, שמאתגר ומשדר החוצה
 הנכונות להכיר בחדוש ובמשחקי האגו שיש צבע

של מוטיבים אתניים באהבה לפתע שרוחשים מהתלות, במגע
 של הנגל לנגל בשוק הרותם. מי שאינו מבין בשבוכים
 לא רוקד עד הסוף לצדה השני של הבמה הקטנה. יש חיים
 בלב שפועם מהאנרגיה של השמש - וזה לא כל הקטע.
 לרנע אין הסבר אחד. זה מה שצפוי ומה שאי אפשר למנוע...
 מישהי שאלה אותי: "האם אני אהבתי?" חשבתי קצת באמצע
 הנדידה שהתרחשה בלילה שומם. זאת שאילה מזקקת
 כסילוואט, בצלילית הקלסית ומקצנת... באהבה יש מריחות.
 כל מה שצריך לעשות - זה לשחרר את הרסנים של הרנע... תלות
 מאיזו מסבה הרחוקה, כאג התחזוניהם... "אני צדין אוהב!"
 הקרח בכוס - לא כוב. וכל רנע זה נשף הנוצץ בלי תשומת הלב.
 רנע, הרנע...

...

בלזק. שפתים של אשה. הצדק ועמם
 בבתי המשפט. העולם כלו כמו גבס.
 מלך שוכב על המלכה ובסוף הקרט -
 ראש של בלזק צשוי מגבס... סך הכל פסל,
 כשנעוץ שלא כבש את הגוף ומסמל:
 "הגוף מצריך אותנו. אנו אשפה של העת."
 סביב הפסל את הצפורים. לטוף של צפור -
 הכנסות קדש. שפתים. קומדיה האנושית.
 מלך, מלכה, בלזק. אהבה. דור... ועוד הדור

בלי שום עלבון חיב להיות נטרף... בראשית
היה הומור שחר של הדכאון מכסה
שכבה דקה של קרח. הגוף תמיד מחסה.
על הגבס חרקים קטנים. בעלי חיים יכולים לשרד ללא ספרים
יכולים! גוף מצריך. תפישת פגנית של אגו ישן. בלזק. שפתים.

שלושה סימני קריאה

סלע נגע בשמש ונשרף ברגע הנגודי
של שמירת הסלחנית. ובתוך המסגרת האני.
שלושה סימני קריאה. היסטוריה נצחית
בסוד של אי הבנה על האמת... יבשת
הלא ידועה וקריאה - הקריאה הכואבת
של רגבי אדמה לאחר החרש... מעיד:
"זכרונות לא נמחקו בעקבות אהבה."
זה רק להיום יש לנו קרע קטן בדרכן פשוטה.
לא צריך לשבר את הראש בשאלה הנצחית
של אדם, של אדמה... אנו נהיה במקום אחר.
ההיסטוריה נצחית. שלושה סימני קריאה...
סקרנות בגופינו ספגה הרבה שמש, כדי בלי גשו
לסצות את האהבה... רגבי אדמה.
כאן משהו נתקע בדרכן לסצות את היבשת,
בכל הרצונות שנאספו לדעת את האמת.

לפעמים

הדברים שיצאים מהלב, נכנסים
ללב של מישהו אחר, כמו לפעמים
פנטזמיקה של כוכבים שנתקעו בדיונות,
בחזון תעתועים של ארץ ישראל,
בפסיכולוגיה של התקנה... תודה לאל!
עוד עדן פוסטמודרני של אותן דקות,
שמסתדרות עם עננים המצחיקים.
לפעמים צריך לשמר - אנו לא שומרים.
עשיתי את השגיאה. עברתי... אז מה!!
כמה יש בגוף אפשריות! פנטזמיקה...
לפעמים אסור להדליק את האור, אם
אין שום שיכות! יש, יש אינסטינקטים טובים
באפנה. באמן שבו חיים את הלילות.
לפעמים אפשר לנזות את המסלול
בין ספורי השקר, לצמד ממול.
לפעמים זה אמנות ללא דבור, זמן לחזות.
עשיתי את השגיות. עברתי. תודה...
בשקט פנטזמימאי הולך. חוט. הכל תלוי.
הוא בעצם עמד דקות שלמות. סוד הפתוי...
זורם אגיר בין אצבעותי.
פעם כל אחד פנטזמימאי.
לפעמים. לפעמים. לפעמים,
אנחנו, כאלו, מסתדרים.

Содержание

От редакции	3
-------------------	---

Проза на русском языке

АГАРОНОВА Галина	6
АСАИЛОВ Шарон	12
КАРАКИС Геннадий	19
СИМАН-ТОВ Шауль	27
ХЕЙЛИ Мирьям	30

Публицистика на русском языке

АГАРУНОВ Петр	42
ДАВЫДОВ Вячеслав	48
ЕЛИЗАРОВ Михаил	51
ИЛЬЯСОВ Павел	61
ШАМАЕВА Мазаль	67

Поэзия на русском языке

АМИРОВ Лазарь	72
АСАИЛОВ Шарон	75
МЕЗЕНЦЕВА Любовь	78
МИХАЙЛОВ Эмиль	81
МИШИЕВА Зинаида	86
НИСИМОВ Валерий	91
РАХАНАЕВ Дмитрий	96
СИМАН-ТОВ Шауль	101

ЮСУПОВА Фрида	105
ЯГДАНОВ Юрий	110

Произведения на горско-еврейском языке

Предисловие об алфавитах	114
--------------------------------	-----

Проза на горско-еврейском языке

ШАМАЕВА Мазаль	118
----------------------	-----

Поэзия на горско-еврейском языке

АГАРУНОВА Авигайль	126
ГУРШУМОВ Эльдар	136
ЛЕВИ Рита	143

Поэзия на азербайджанском языке

КОЙЧАЙЛЫ Данил	147
----------------------	-----

Поэзия на иврите

БЕН ИЦХАК Альберт	153
-------------------------	-----

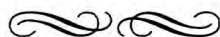
Редакционный совет:

Главный редактор – Йонатан МИШИЕВ

Редактор и корректор (рус. яз.) - Маргарита КОЗАКОВА

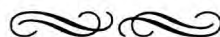
Редактор и корректор (джжуури и азерб.) – Эльдар ГУРШУМОВ

Дизайн и компьютерная графика – Эльдар АЛИЕВ

***Выражаем огромную благодарность за помощь в
создании первого выпуска альманаха «Мирвори»***

***Фриде Юсуповой, Петру Агарунову,
проф. Михаилу Агарунову, Борису Ханукаеву,
Рувину Мушаилову, Галине Агароновой,
Анне Вишнепольской.***

**© Издательский дом «МИРВОРИ»
ИЗРАИЛЬ, 2006**

Издательский дом «МИРВОРИ»

Издание книг, брошюр, буклетов,
каталогов, календарей

Компьютерный набор,
корректурa, редактирование,
художественный дизайн и графика

Консультации по всем вопросам книгоиздания

Мы пройдем с вами весь путь от рукописи
до выхода книги из типографии

«МИРВОРИ» - ВАША КНИГА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

Адрес редакции: Нетания, ул.Бренер 10.
Адрес для писем: P.O.B. 359, Netanya, 42441
Телефоны: 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
Электронная почта: mirvori@mail.ru

Перед вами первый номер нового
литературно-публицистического
альманаха «Мирвори».

В него вошли произведения авторов,
проживающих ныне в Израиле
и пишущих на иврите, русском,
азербайджанском и, конечно же,
горско-еврейском языке.

Почему альманах назван
«Мирвори»?

Потому что мирвори в переводе с
горско-еврейского – это жемчужины.

Таковыми жемчужинами
и являются все авторы, с которыми
вы встретитесь на страницах
альманаха.

ISSN 1565-8228

© Издательский дом "МИРВОРИ" Израиль, 2006